

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Кафедра общественного здоровья и здравоохранения

В.Н. Сокольчик, И.Н. Сидоренко

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ. ВВЕДЕНИЕ
(лекции)

Учебно-методическое пособие

Минск, БелМАПО
2022

УДК 001(075.9)

ББК 72я73

С 59

Рекомендовано в качестве учебно-методического пособия
НМС Государственного учреждения образования
«Белорусская медицинская академия последипломного образования»
протокол № 9 от 29.12.2021

Авторы

Сокольчик В.Н., доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения
ГУО «Белорусская медицинская академия последипломного образования»,
кандидат философских наук, доцент

Сидоренко И.Н., профессор кафедры философии культуры УО «Белорусский
государственный университет», доктор философских наук, доцент

Рецензенты:

Шаврова О.Г., доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ,
кандидат философских наук, доцент

Кафедра философии и методологии университетского образования ГУО
«Республиканский институт высшей школы»

Сокольчик В.Н.

С 59 Философия и методология науки. Введение (лекции) : учеб.-метод.
пособие / В.Н. Сокольчик, И.Н. Сидоренко. – Мн.: БелМАПО, 2022. –
230 с.

ISBN 978-985-584-682-7

Учебно-методическое пособие подготовлено для освоения программы II ступени высшего образования по предмету «Философия и методология науки». Учебно-методическое пособие подготовлено с учетом специфики биомедицинского последипломного образования и предназначено для специалистов биомедицинского профиля, планирующих обучение и сдачу кандидатского экзамена по программе кандидатского минимума «Философия и методология науки».

УДК 001(075.9)

ББК 72я73

ISBN 978-985-584-682-7

© Сокольчик В.Н., Сидоренко И.Н., 2022

© Оформление БелМАПО, 2022

**Содержание учебно-методического пособия
«Философия и методология науки. Введение»**

Лекции

Раздел 1. Философия и ценности современной цивилизации	4
1.1 Статус и предназначение философии в жизни общества	4
1.2 Философская антропология	32
1.3 Основные проблемы социальной динамики	46
1.4 Развитие общества как цивилизационный процесс	66
Раздел 2. Философско-методологический анализ науки	86
2.1 Наука как важнейшая форма познания в современном мире	86
2.2 Наука в ее историческом развитии	98
2.3 Структура и динамика научного познания	109
2.4 Методологический инструментарий современной науки	126
2.5 Создание научного текста	150
2.6 Наука как социальный институт	161
2.7 Наука в системе социальных ценностей	172
Раздел 3. Философско-методологические проблемы дисциплинарно-организованной науки	184
3.1 Философско-методологические проблемы медицины	184
Раздел 4. Философия на рубеже XX и XXI вв.	205
4.1 Социокультурные измерения феномена глобализации	205
Литература по курсу «Философия и методология науки	223

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Тема 1.1. Статус и предназначение философии в жизни общества

1. Философия как мировоззрение, ее функции и роль в системе культуры. Природа философских проблем.
2. Структура и функции философии, предмет и проблема научности философии.
3. Особенности культуры и типы философского мышления на Востоке и Западе.
4. Основные исследовательские стратегии постклассической западноевропейской философии.
5. Философия и национальное самосознание. Философская мысль в Беларуси.

1. Философия как мировоззрение, ее функции и роль в системе культуры.

Природа философских проблем.

Мировоззрение складывается в процессе деятельности человека, его адаптации к социальным и природным условиям существования и выполняет активную роль в практическом изменении человеком окружающей действительности и самого себя.

Таким образом, **мировоззрение** – это не только обобщенная система знаний о мире, обществе, человеке, но также совокупность убеждений, ценностей, идеалов, регулятивных норм поведения и деятельности человека в его отношениях с миром и обществом.

В современном философском знании принято выделять пять основных типов мировоззрения: мифологическое, религиозное, философское, повседневно-обыденное и научное.

Вместе с историческим развитием человеческого общества, расширением и углублением взаимодействия человека и природы, усложнением духовно-материального производства появляется философско-теоретическая форма мировоззрения. **Философское** мировоззрение представляет собой систему наиболее общих, рационально обоснованных теоретических представлений о мире, человеке, принципах его деятельности и отношении к миру. Как мифологическое и религиозное, философское мировоззрение рассматривает вопросы происхождения, устройства мира и человека, их взаимоотношений, добра и зла, смерти и бессмертия и

др., однако в отличие от первых двух исторических типов, философское мировоззрение – это не рецептурное знание, а критическая установка: все ставится под вопрос и становится объектом рефлексии. В отличие от мифологии и религии, философское мировоззрение строится на основе активности человеческого разума, его познавательной деятельности, производства знаний о всеобщем, предполагает развитие науки и представляет собой теоретическое отношение к миру. Особенностью философского мировоззрения является то, что в нем осмысливаются проблемы не путем непосредственного анализа тех или иных явлений мира, а опосредованно, через изучение различных форм культуры и практики, включая мифологию и религию. Таким способом формируются знания о всеобщих свойствах реальности. В этом смысле философское мировоззрение охватывает мир, культуру, познание, человека в целом, в их общих связях и свойствах. Философское мировоззрение как теоретически обоснованная система общих знаний об окружающем мире и месте человека в нем составляет основу мировоззрения, в целом, которое может включать черты мифологического, религиозного, обыденного и научного воззрений на мир. Изучение философии способствует соединению разрозненных фрагментов мировоззрения в единую целостную картину.

Основные характеристики философского мировоззрения: 1) осмысление предельных оснований бытия и мышления; 2) целостное отношение к действительности; 3) систематическое целостное знание о мире; 4) логическая аргументация; 5) опора на разум и внутренний опыт человека.

Объектом философского познания является отношение «человек – мир», а его *предметом* выступают самые общие характеристики этого отношения и его компонентов. Несмотря на то, что в различных исторических типах философии и философских учениях *предмет философии* имеет свои особенности, обусловленные культурно-историческими особенностями, развитием науки и философии, он включает *три основные философские проблемы*: 1) проблема окружающего нас мира, универсума, Космоса, бытия, поиск первоосновы всего существующего; 2) проблема человека, его происхождения, смысла существования и перспектив бытия в мире; 3) проблема бытия человека в «мире людей», в социуме.

Содержание предмета философии исторически обновляется, что обусловлено развитием самого общества, науки, появлением новых проблем, от которых зависит будущее человечества.

Философия – это система наиболее общих теоретических знаний о принципах бытия, законах развития мира в целом, человека, мышления и деятельности.

В ходе исторического развития философии сложились следующие основные разделы философского знания:

1. *Онтология* – учение о бытии, о наиболее общих законах бытия, соотношении бытия и небытия, об уровнях бытия – возможном, актуальном, о единстве мира, его основе и состоянии, об атрибутивных свойствах бытия (движении, пространстве, времени и др.).

2. *Гносеология* – раздел философии, изучающий природу познания, его возможности и основания достоверности, типы познавательных отношений, виды знания, условия его достоверности и истинности.

3. *Аксиология* – философская дисциплина, в рамках которой исследуется природа ценностей, их виды, структура, взаимосвязь, соподчиненность, место в человеческом бытии.

4. *Философская антропология* изучает человека как особую форму бытия, включая вопросы сознательной, творческой, преобразующей деятельности, проблему подлинного существования и решения вопроса о смысле жизни.

6. *Социальная философия* – часть философии, отражающая особенности общества, законы его функционирования и развития как целостной системы.

Также этика, эстетика, логика и другие разделы философского знания. Все части системы философского знания взаимосвязаны и развиваются, их содержание обновляется.

Функции философии:

Мировоззренческая функция заключается в выработке обобщенных представлений о мире, месте человека в нем, принципов взаимодействия человека с миром.

Методологическая функция состоит в создании системы принципов, методов организации и построения познавательной и практической деятельности.

Гносеологическая функция проявляется в обосновании оптимальных путей познания, его формах, критериях истинности знания.

Критическая функция заключается в формировании принципов нормативного философского сознания для решения разнообразных философских проблем, а также в определении и устранении заблуждений, догм, устаревших стереотипов, направляющих познание по ложному пути.

Прогностическая функция состоит в развитии представлений о будущих формах природных и социальных явлений, возможных путях их развития.

Все функции философии взаимосвязаны, и только вместе они образуют систему знания, способного активно влиять на духовное развитие человека и общества.

Философское мышление имеет ряд особенностей, отличающих его от научно-технического, экономического, политического, художественного и других форм мыслительной деятельности.

Философское мышление можно определить как высший теоретический уровень отображения реальности в сознании человека. Важнейшими задачами философского мышления является поиск целого, общего, универсального порядка, красоты, гармонии, истины. Философское мышление также можно рассматривать как способ самоанализа человеком своего внутреннего мира, средство духовного развития, формирования идеалов.

В условиях обострения глобальных проблем, эскалации военных конфликтов, глобализации особое значение приобретает развитие прогностических, проективных, гуманистических, творческих, методологических и других свойств философского мышления. В настоящее время философское мышление становится востребованным по причине необходимости переосмысления социокультурных оснований бытия человека.

Философское мышление представляет собой рефлексию над всеми сферами жизни общества, благодаря чему выявляются основные законы его развития. Оно функционирует и развивается на основе анализа характера и значения других форм мышления (обыденного, научного, политического, художественного, экономического и др.) и выступает в качестве мышления о самом мышлении. Поэтому философия

содействует регулированию и осуществлению процесса познания, формированию истинного знания, становлению и развитию теории познания.

Философский метод представляет собой совокупность приемов и правил философского мышления, применение которых позволяет достичь искомого достоверного знания. К основным приемам относятся: универсализация, идеализация, рефлексия, тотализация, абстрагирование, анализ и синтез. Универсализация – это установление всеобщих форм бытия и мышления. Идеализация представляет собой мысленное построение объектов, не существующих в действительности, т. е. идеальные объекты являются формой опосредованного выражения признаков реальных объектов. Рефлексия заключается в осознанном упорядочении и регулировании процесса построения мыслей об изучаемой реальности. Тотализация проявляется в целостном охвате мышлением связей системы «человек – мир». Под абстрагированием понимается мысленное отвлечение от несущественных связей и свойств изучаемых объектов при одновременном сосредоточении на познании их существенных свойств и связей. Анализ – это мысленное разложение целостного объекта на составляющие его части с последующим изучением этих частей. Синтез представляет собой мысленное объединение в единое целое отдельных частей объекта, с целью выявления и изучения свойств целого.

Основными методами философии являются диалектический и метафизический методы. *Диалектический метод* рассматривает действительность в ее движении, развитии, раскрывает противоречия, являющиеся основанием подобных изменений. Диалектический метод формируется в античной философии в структуре так называемых сократических диалогов. Наиболее развитой формой диалектического метода была диалектика Г. Гегеля, которую он понимал как универсальную теорию развития и метод познания мира. *Метафизический метод* направлен на раскрытие неизменной сущности изучаемого явления, процесса, предмета. Метафизический метод в философии возник в эпоху Нового времени, когда под воздействием развивающегося экспериментального естествознания изменялась как картина мира, так и сущность, направленность философской рефлексии. Метафизический метод мышления оказался связанным с абсолютизацией таких познавательных приемов и процедур, как анализ, эксперимент, классификация и систематизация исследуемых

явлений природы, и ориентировался на фиксацию объективной устойчивости и неизменности вещей.

3. Особенности культуры и типы философского мышления на Востоке и Западе.

Несмотря на то, что в глобализирующемся мире различия между культурами Запада и Востока постепенно нивелируются, можно выделить существенные характеристики, раскрывающие сохраняющуюся особенность этих типов культур и мировоззрений. Так, восточная цивилизация в основном представлена традиционным обществом, основанным на экстенсивном типе экономике. В нем весьма ощутимо и сегодня преобладание коллектива над индивидом, что выражено в господстве общинной собственности и в подчинении общества государству, а личности общине. В качестве основных регуляторов социальной жизни выступают обычаи и традиции. Что же касается западной цивилизации, то здесь преобладает ориентация на конкретный результат и эффективность социальных технологий; стремление изменить мир и самого человека; установка на инновационный путь развития; стремление к установлению гармонии между обществом и государством.

Несомненно, формы социальной жизнедеятельности людей, их отношение к миру, природе, друг к другу наложили отпечаток на специфику мышления, что нашло отражение в типах философского мышления Запада и Востока.

Философия Древнего Востока

Понятие «философия Древнего Востока» включает в себя философские учения Индии и Китая. Целесообразно подчеркнуть, что философия этих стран сохраняла тесную связь с религией и мифологией, отличалась традиционализмом и созерцательностью.

Для *древнеиндийской философии* характерно представление о том, что весь мир и человек тесно взаимосвязаны. Человек должен вести аскетический образ жизни, заниматься самоанализом и самоуглублением. В философии Древней Индии выделялось два направления – *ортодоксальное* и *неортодоксальное*. Первое из них представляло собой философские школы, которые основывались на авторитете Вед, священной книги индусов, излагавшей смысл обрядов и верований. Второе направление представляло учение, критически относившееся к Ведам. На основе этих

двух традиций сложились философские системы Древней Индии – веданта, санкхья, йога, вайшешика, миманса, джайнизм, буддизм и др. Их главными понятиями стали сансара, карма и нирвана. В *буддизме*, который с течением времени стал мировой религией, была сформирована оригинальная этическая концепция. В ее основе находилось учение о страдании, сопровождавшим человека всю жизнь. Цель буддизма заключалась в том, чтобы указать путь самосовершенствования личности (восьмиричный путь), который ведет к освобождению от мирского страдания и обретению душевного покоя.

Основная цель *китайской философии* заключалась в том, чтобы сберечь существующую мудрость, в силу чего внимание обращалось не на анализ вещей, а на выявление их ценностной значимости. Процесс познания был связан с эстетическим восприятием и стремлением к воплощению в реальную жизнь нравственных норм. Этим объясняется связь философии с обыденным опытом и повседневной жизнедеятельностью. Наиболее влиятельными философскими школами Древнего Китая были конфуцианство, даосизм и легизм.

Классическое философское мышление Запада.

В развитии европейской философии нового и новейшего времени выделяют две эпохи:

1) классика – период, охватывающий эволюцию европейской философской мысли XVII – первой половины XIX вв. (до Г. Гегеля включительно);

2) неклассика – развитие европейской философии с середины XIX в. до настоящего времени.

Античная философия представляет собой совокупность философских учений, развивавшихся в древнегреческом и древнеримском рабовладельческом обществе в период с конца VII в. до н. э. до V в. н. э. По своему содержанию античная философия воплощает первую попытку рационального постижения мира. Философия возникает в греческих городах-государствах (полисах) благодаря высокой степени социального динамизма, развитию товарно-денежных отношений, демократической форме государственного правления.

Специфика античного философского мышления: онтологизм, т. е. направленность философского мышления на постижение бытийной основы мира;

космологизм, т. е. установка на постижение космоса как упорядоченного мира: геометрический стиль мышления, ориентированный на гармонию.

Античная философская мысль определила духовные ценности западной культуры: в недрах античной мысли сформировались основные проблемы философского знания, заложены основы логики, гносеологии, онтологии, этики, антропологии и т. д.

Средневековая философия – период европейской истории, занимающий промежуток времени с V по XVI в. Однако процесс становления средневековой культуры, нового типа философского типа мышления датируют уже I–V вв. Средневековая культура и философия сформировались на основе двух традиций – христианства и античной философии. Основными *чертами средневековой философии* были: теоцентризм (Бог – центр мироздания и главный предмет философских размышлений); креационизм (учение о сотворении мира Богом из ничего); идея откровения как суть познания (познать истину, сущность божественного можно только через веру, тем самым отрицалось рациональное постижение мира); антропоцентризм (человек рассматривался как образ и творение Бога); символизм (скрытое значение того или иного предмета или явления); провиденциализм (представление о том, что историческое развитие определяется сверхъестественными силами).

Философия средневековья, в отличие от античной, утрачивает самостоятельный статус и превращается в «служанку богословия». Таким образом, ее задачей становится стремление рационально обосновать христианские догматы.

Философия эпохи Возрождения (период с XIV по XVI вв.) характеризуется интересом к человеку, ко всему земному. Происходит гуманизация всех сторон общественной жизни. Рост населения, развитие торгово-денежных отношений, городской жизни, мануфактурного производства повышали самосознание личности. Это существенным образом сказалось и на развитии философии, отличительными чертами которой были антропоцентризм, гуманизм, пантеизм, антисхоластическая направленность, гелиоцентризм. Самореализация личности представлялась гуманистам как путь духовного творчества, художественного оформления своей жизни. Основными направлениями философии эпохи Возрождения были гуманистическое, неоплатоническое и натурфилософское. Представители: А. Данте,

Ф. Петрарка, Э. Роттердамский, Т. Мор, М. Монтень, Л. Валла, М. Фичино, Леонардо да Винчи, Н. Кузанский, Н. Коперник, Дж. Бруно, Г. Галилей, Н. Макиавели и др.

Философия эпохи Возрождения способствовала становлению новой системы ценностных ориентаций, при этом утверждались активная роль человека по отношению к окружающему миру, рациональный взгляд на действительность.

Философия Нового времени связана с новыми явлениями в жизни общества: начавшееся в эпоху Возрождения разложение феодального общества, средневековых институтов и отношений, развитие мануфактурного производства, национального рынка, становление гражданского общества повлекло за собой ослабление роли религии и церкви в духовной жизни социума. Возникает новая ориентация в культуре и философии – наукоцентризм. Если в Средневековье философия выступала в союзе с богословием, а в эпоху Возрождения – с искусством и гуманитарным знанием, то теперь она опирается на науку (ссылка на авторитет Священного Писания как способ аргументации уступает место наблюдению и эксперименту).

Развитие научных знаний осуществлялось преимущественно по двум направлениям: 1) разрабатывались принципы классической механики как науки о движении и взаимодействии материальных тел (Г. Галилей, И. Кеплер, И. Ньютон); 2) совершенствовались методы математического обоснования физических опытов. Были созданы алгебра, аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление (Декарт, Ньютон, Гаусс, Лейбниц). Уже к концу XVII в. европейская наука приобрела вид экспериментально-математического естествознания. В философии складывается механистическо-метафизическая картина мира.

Основные идеи философии Нового времени:

1. Механицизм как мировоззрение XVII в. объясняет всю совокупность природных и социальных явлений на основе законов механики.

2. Идея Универсума, Вселенной с едиными и неизменными организационными принципами, абсолютно одинаковыми для всех ее областей без исключения.

3. Деизм – учение, которое признает существование Бога в качестве безличной первопричины мира, который развивается по своим собственным причинным законам, имеющим точное математическое выражение.

Философия Нового времени решает новые, *практические задачи*: систематизация разрозненных накопленных знаний, создание методологии опытного

исследования природы, определение будущих путей развития науки, основным критерием которой становилась ее практическая эффективность. Наука и разум рассматриваются как необходимые средства созидания и преобразования природы и социума. Предметом новой философии становится природа, а также познающий и преобразующий ее в своей деятельности разумный субъект.

Новое понимание предмета философии выдвинуло на первый план целый ряд гносеологических проблем, основной из которых стала *проблема создания универсального метода познания*, который выступает одним из наиболее важных условий познания, ориентированного на решение следующих задач: 1) получение истинных знаний о мире и увеличение власти человека над природой; 2) обеспечение благоденствия и духовного облагораживания человечества на основе очищения его разума от заблуждений, иллюзий и предрассудков. Понимание существа истинного метода в философии Нового времени определяется в направлениях эмпиризма и рационализма.

Для философии и культуры *эпохи Просвещения* (XVII–XVIII вв.) характерен познавательный и социальный оптимизм, т. е. убеждение в том, что развитие науки дает человеку огромную власть над природой и обществом: человек способен познать законы природы и общества, а значит, ему под силу научиться ими управлять и совершенствовать. Отсюда философы этого периода видят свою главную задачу в искоренении невежества и предрассудков (которые есть корень всех несчастий и зла), в воспитании и образовании людей, т. е. в просвещении разума. Формирование данных идей было обусловлено необходимостью теоретического и ценностно-мировоззренческого осмысления революционных событий в Европе конца XVII – первой половины XVIII вв. (время ранних буржуазных революций в Англии и Нидерландах). В эпоху Просвещения возникает концепция «веры в прогресс через разум», в рамках которой идея прогресса, т. е. поступательного совершенствования человечества, тесно переплетается с представлениями о рациональном мироустройстве. Разум трактуется как общечеловеческая, универсальная способность, которая не зависит от национальных, сословных и религиозных различий. Представители: Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и др.

Немецкая классическая философия – это период развития немецкой философской мысли середины XVIII – середины XIX вв., представленный учениями И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Л. Фейербаха и др.

Философия предстает как строгая наука, как система дисциплин, характеризующаяся высокой степенью обобщенности, со своим тщательно разработанным категориальным аппаратом. Так, И. Кант обосновал творческий характер человеческого познания, обозначил проблему его условий и границ, создал учение об источниках познания, осуществив «коперниканский переворот в философии». Сущность этого переворота, разрушившего традиционные представления, сводится к выводу Канта о том, что не способы организации мышления согласуются с формами бытия, а, наоборот, мир объектов согласуется с формами организации нашего мышления, т. е. человек не пассивно отражает внешний мир, а становится активным субъектом познания как творческого процесса. Результатом этого активного творческого познания является рассогласование (несовпадение) между миром «вещей-в-себе» (ноуменами) и миром «вещей для нас» (феноменами), именно поэтому человек не в состоянии постичь истинную сущность вещей. Образ мира конструируется в процессе познания и определяется, прежде всего, организационными, доопытными (априорными) формами наших познавательных способностей. Более того, И. Кант ставит границы нашей познавательной активности – это сфера нашего опыта. Как только рассудок выходит за эти границы, он теряет прочную основу для познания и впадает в антиномии (неразрешимые противоречия), и здесь на помощь разум приходит вера.

Представители немецкой классической философии, в частности Г. Гегель, осуществляют поворот к истории как философской проблеме, ставят вопрос о смысле человеческой истории, ее характере и закономерностях. История представлена как путь разума, имеющего строгие законы, которые можно исследовать и на их основе управлять развитием общества. Прогресс истолковывался Гегелем как восходящее движение истории к некоей разумной цели.

Принципы тождества бытия и мышления, восхождения от абстрактного к конкретному, единства логического и исторического у Г. Гегеля служат обоснованием единства законов внешнего мира и мышления. Подобная позиция в философии, называемая *панлогизмом*, представлена в формулировке «все

действительное разумно, все разумное действительно». Тем самым мир отождествляется с разумностью как таковой.

Одной из главных заслуг немецкой классической философии становится создание и разработка диалектического метода.

Таким образом, *классическая философия* обнаружила ряд специфических черт, касающихся способов постановки проблем, использования понятийно-категориальных средств, общей стилистики мышления, и выступила как метафизика, ориентируясь на постижение предельных оснований реальности.

Подводя итог краткому анализу основных этапов и идей классической философии, можно отметить следующие ее черты: объективизм, субстанциализм, созерцательность, видимость беспредпосылочности философского знания, придание философии статуса «наука наук».

Все эти особенности предопределили последующую критику философской классики мыслителями XIX-XX в. В их творчестве заново переосмыслены критерии аутентичности философии, цели и смысл философствования, созданы предпосылки для радикального расширения ее предметной области.

4. Основные исследовательские стратегии постклассической западноевропейской философии.

Современная западная философия представляет собой пеструю палитру разнообразных школ, направлений и подходов, занимающихся исследованием значимых философских проблем человеческого существования, актуальных тенденций развития современного общества и культуры, а также переосмыслением места и роли научного познания в структуре человеческих знаний о мире.

Принципы *иррационалистической философии* выразили смену базовых установок классической к неклассической философии, экспансию философии на сферу бессознательного; тенденции эволюции *марксистской и неомарксистской мысли* развиваются в русле перехода от созерцательной к практической философии и постановки акцента на важности социально-философской проблематики. Последовательный анализ *позитивистского направления и аналитической философии* призван отразить эволюцию представлений о связи науки и философии, а также основных тенденциях развития науки; реконструкция идей *феноменологии* освещает

значимые аспекты применения феноменологического метода в философии и ряде гуманитарных наук, который повышает их исследовательский потенциал; идеи *экзистенциальной философии* демонстрируют актуальность обращения к фундаментальным предпосылкам человеческого бытия, а также его смыслу для преодоления кризиса нравственно-ценностной системы взглядов; рассмотрение современной *религиозно-философской мысли*, в свою очередь, отражает тенденции обновления европейского религиозного сознания в процессе его обогащения экзистенциальными, антропологическими и социально-философскими контекстами. Наконец, обращение к перспективным направлениям философской мысли второй половины XX в. – *герменевтике, структурализму и постмодернизму* – заостряет внимание на практической установке современной философии, претендующей дать значимый философский анализ состояния современного общества, культуры и тенденций их развития.

В XIX-XX вв. происходит принципиальная смена философских парадигм – методов, категорий, установок и проблематики философских исследований, что обозначается в литературе как *переход от классической к неклассической философии*, своеобразным водоразделом между которыми является философия немецкого трансцендентального идеализма (И. Кант, Г. Гегель), воплощающая в себе уже некоторые черты трансформации классической традиции.

Базовые ориентации современной неклассической философии:

□ методология: отрицание или существенная трансформация метафизики. Новая установка: идея принципиальной недоступности и исчезновения реальности, ее «симуляции» разнообразными образами, заслоняющими ее самое, отсутствия какого-либо принципиального разграничения между видимостью и реальностью;

□ познание: отказ от априоризма и трансцендентализма в познании. Иррационалистическая философия проповедует примат неразумного начала в бытии и человеческом существовании (воля, интуиция, бессознательное), выражая радикальный протест против панлогического усечения и упрощения мира. Определение нового объекта философской рефлексии как принципиально непредметной, дотеоретической целостности. Отказ от идеи тождества бытия и мышления, а также от возможности системных описаний последних.

□ онтология: переосмысление классической онтологии и субъект-объектной схемы ее представления и познания. «Бессубъектная философия»: субъект всегда находится и мыслится как находящийся не вне, а внутри мыслимого, будучи необходимо вовлеченным в то, что он собирается помыслить (герменевтика) – ситуация взаимопринадлежности, диалогичности субъекта и объекта в противовес классической субъект-объектной дихотомии, формирование субъект-субъектной установки познания.

□ язык: отсутствие полагания тождества бытия и языка. Язык рассматривается уже не только как средство описания мира, а как способ его конституирования. Лингвистический поворот от философии сознания к философии языка.

□ история: в отличие от классической философии, ориентированной на поиск определенных закономерностей в историческом процессе, на постижение его смысла и цели, в неклассической традиции исповедуется представление о сменяемости, а не преемственности цивилизационных образований, уникальности и неповторимости исторических событий.

□ установки и стиль: образный, фрагментарный, эмоционально насыщенный и полисемантический характер написания философских текстов. Отказ от попыток создания завершенных философских систем, акцент на обнаружении уникальных, характерных (идиографических) свойств и отношений в предметах в противоположность поиску универсальных законов их существования.

В целом современную неклассическую философию отличает *антиметафизичность* (сознательный отказ от рассмотрения мира в категориях вневременных ценностей и обоснование новых способов философствования), *коммуникативность* (установка на диалогический характер философии и исследование коммуникативных оснований мышления и культуры), *праксиологический характер* (философия как активное вопрошание современности и попытка ее трансформации в ущерб созерцательности и вневременности классического философствования), *культурологизм* (обращение к решению актуальных смысложизненных, нравственных, социально-политических проблем). Философия стремится занять особое место в культуре современной цивилизации, обосновывая свою роль в качестве ее наиболее рефлексивной формы самосознания и

предлагая будущие сценарии общественного развития в их возможных трансформациях.

В развитии современной философии принято выделять три основных этапа:

1) неоклассический (сер. XIX – нач. XX вв.) – критическое переосмысление классических систем и основных положений классической философии;

2) неклассический (кон. XIX – до 70-х гг. XX вв.) – формирование основных исследовательских программ: аналитическая, социально-критическая и экзистенциально-феноменологическая;

3) постнеклассический (последняя треть XX – нач. XXI вв.) – варианты развития неклассических программ, их синкретическое соединение, философия постмодернизма и критическое переосмысление сложившейся социокультурной, политической и философской ситуации.

Остановимся на анализе трех основных исследовательских программ современной философии.

Аналитическая стратегия берет свое начало из философии позитивизма, которая оформилось еще в середине XIX в. в рамках учения французского философа и социолога О. Конта, поставившего под вопрос научность философии и разработавшего позитивную концепцию знания, характеризуя последнее как точное, реальное, достоверное, полезное и положительное. Человеческий дух, по О. Конту, проходит в своем развитии три основные стадии: теологическую (фиктивную), философскую (абстрактную) и позитивную (научную), где последняя стадия развития знания является завершением этого процесса и его венцом. По этой причине философия для того, чтобы стать научной дисциплиной, должна быть построена по образцу знания позитивного, т. е. перестать решать отвлеченные метафизические вопросы и заняться проблемами методологии наук. Данная установка была весьма популярна во второй половине XIX в., поскольку успехи естествознания позволяли предположить возможность исключительно объективно-научного познания мира во всех его закономерностях.

К концу XIX на смену традиционному позитивизму приходит его обновленная версия, получившая наименование *эмпириокритицизма* (от греч. – критика опыта), идеи которого легли в основание неклассического образа науки. Его представители Р. Авенариус, Э. Мах и др. исходили из недостаточности понятия научного опыта для

обоснования объективного характера научных знаний, поскольку в самом понятии опыта, с их точки зрения, заложена определенная значимая связь изучаемого объекта и исследующего субъекта, т. е. опытных данных и ощущений, что делает необходимым в науке критическое отношение к опыту, опосредованному субъективными установками самого ученого.

В начале XX столетия исследовательский интерес позитивистски ориентированной философии смещается в сторону анализа логических и языковых аспектов изучения научного знания, что уже дает возможность говорить о новом этапе становления позитивизма, или *неопозитивизме* (Л. Витгенштейн, Р. Карнап, М. Шлик), главной задачей которого выступает необходимость освобождения философии от решения метафизических псевдо-проблем и ее переориентация на исследование аспектов функционирования языка науки как преимущественного условия строгости и объективности последней.

В 60–70-х гг. XX века позитивистская установка на философское осмысление места и роли науки пересматривается в рамках *постпозитивизма* (Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, П. Фейерабенд) с точки зрения анализа научного знания как исторически развивающегося и систематически организованного. В частности, Т. Кун, изучая динамику науки, приходит к выводу, что представление о становлении науки как последовательном процессе накопления знаний не соответствует действительности, поскольку типичным явлением ее развития выступает *научная революция* как скачок и разрыв существующей последовательности, приводящей к смене и самих исследовательских установок, и способов объяснения объектов. Эта ситуация обусловлена конкуренцией на уровне научных теорий и школ, которые отличаются между собой *парадигмами* – совокупностью принципов, методов и ценностных установок, разделяемых всеми членами данных научных сообществ.

В постпозитивизме осуществляется критика и самого понятия научного факта, как, например, в концепции К. Поппера, который высказывает мнение о невозможности верификации суждений науки в силу того, что любой подтверждающий теорию факт сам интерпретируется в рамках некоторой научной теории, поэтому в подобном доказательстве обнаруживается замкнутый круг. С другой стороны, демаркация науки возможно исходя из принципа *фальсификации*, т. е. научная теория изначально конструируется как частично гипотетическое знание,

поэтому она может быть опровергнута новыми данными, в то время как религиозные или философские учения исходят из абсолютных начал и непосредственному опровержению не подлежат.

Аналитическая стратегия связана в основном с развитием третьего этапа позитивистской философии, а именно неопозитивизмом, основная задача которого сводилась к разработке строгого и однозначного научного языка с помощью философского очищения понятий от их «естественных» смыслов, что в итоге должно было сделать научное знание максимально объективным и интенсивно развивающимся. Однако столкнувшись с препятствиями в осуществлении данного проекта, неопозитивизм переживает внутренний кризис оснований и постепенно трансформируется в аналитическую философию, основной целью которой становится обнаружение фундаментальных связей научного познания, сознания и языка и демонстрация возможности применения строго формализованных схем и методов в процессе философских рассуждений.

Аналитическая стратегия представлена двумя вариантами / этапами:

1) логико-аналитический (Г. Фреге, Б. Рассел, А. Тарский и др.) – внимания к методологии логико-семантических исследований языка и принципам его формализации.

2) лингвистический (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Сёрл и др.) – постулируется необходимость более пристального изучения языка не с точки зрения его формально-логической структуры, но в плане существования «глубинной грамматики», отвечающей за конечные конфигурации смыслов. Так, например, Л. Витгенштейн развивает теорию «языковых игр», в рамках которой пытается показать, что значения слов и выражений вытекает, прежде всего, из их употребления в определенных контекстах, буквального «проигрывания» слов в общении; важны также и принципы применения языковых игр. Язык из чисто умозрительного плана переходит на уровень практического действия в той мере, в какой любому выражению должна соответствовать практика его употребления и действия.

Итак, основные положения аналитической стратегии, разделяемые большинством ее представителей, следующие: 1) критика классической метафизической философии; 2) переход от проблем онтологии (бытия) к проблемам языка, выражающим связь между реальностью и способами ее выражения, что, в

свою очередь, обусловило «лингвистический поворот» в философии; 3) установка на выработку строгого, аналитического языка описания реальности, задающего «научный» характер философского знания и его объективность; 4) включение философской проблематики в широкий междисциплинарный и методологический контекст, разработка синтетической методологии.

Социально-критическая стратегия связана с философией марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс) и различными вариантами его развития и модификации. В связи с мощным критическим потенциалом социальной философии марксизма он превращается в одно из влиятельнейших интеллектуальных направлений XX и XXI вв. Целесообразно отметить, что марксистская философия в попытке обнаружить наиболее общие законы развития природы, мышления и общества формирует не только значимый проект социальной философии, но и обосновывает важность становления диалектического метода философствования для процесса мышления и познания мира, с одной стороны, и разрабатывает диалектические принципы материалистического истолкования природы, с другой, что также существенным образом повлияло на формирование новой общенаучной и философской методологии.

Эволюция марксистской философии XX в. можно представить следующим образом: западный марксизм (Д. Лукач, Л. Альтюссер); философия неомарксизма и критическая теория общества (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе); политическая философия в постмодернизме или постмарксизм (К. Касториadis, Э. Лакло, Ш. Муфф); советский марксизм-ленинизм.

В целом для западной традиции марксизма, сформировавшейся в XX в. характерны: 1) отделение теории от политической практики; 2) высокий уровень абстрактности и сложности концепций; 3) отсутствие доктринальной строгости.

Так, например, с точки зрения Д. Лукача, на которого сильное влияние оказала философия Г. Гегеля, общество – это стремящаяся к самопознанию диалектически развивающаяся целостность, которая достигает кульминационной точки своего развития в эпоху капитализма. Особая миссия в познании обществом собственной природы принадлежит пролетариату, который, концентрируя в своей судьбе основные противоречия капиталистического общества, оказывается его живым воплощением. Уникальная позиция рабочего класса в рамках общества дает его представителям возможность возвыситься над ситуацией и осознать, что социальная

реальность, воспринимаемая людьми как внешняя и чуждая, на самом деле не является таковой, так как любые социальные факты – это проявления человеческой практики, взаимодействий. Так, в лице пролетариата исторические тенденции достигают сознательности, а человек осознает себя не только объектом, но и подлинным субъектом истории.

Г. Маркузе, младший представитель Франкфуртской школы неомарксизма, выдвинул свою концепцию «одномерного человека», суть которой заключается в следующем: западные технологизированные общества обладают мощными стабилизирующими механизмами, которые скрывают болезненные социальные противоречия, в частности одним из таких механизмов являются эффективные техники манипуляции сознанием, результатом действия которых становится появление «одномерного человека», т. е. отчужденного от самого себя индивида, не способного к критическому восприятию социальной реальности.

Примерно в конце 60-х гг. XX в. на Западе формируется постмарксизм (К. Касториadis, Э. Лакло, Ш. Муфф), который не вписывается в марксистскую традицию: сама приставка «пост» указывает на попытку преодоления классического марксизма. Основная цель представителей постмарксизма – это создание политической теории, актуальной в современных условиях, и обоснование возможности политики как свободной и ответственной деятельности, направленной на радикальное переустройство общества в соответствии с недостижимым, но значимым как ориентир, идеалом. Таким идеалом у К. Касториadis выступает «автономное общество», а у Э. Лакло и Ш. Муфф – «радикальная и плюральная демократия».

Экзистенциально-феноменологическая стратегия напрямую связана с философией иррационализма и философией жизни (С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон и др.) и четко акцентирует разрыв с доминирующей в западноевропейской философии традицией рационализма и принципами метафизического исследования. Основная задача экзистенциально-феноменологической философской традиции (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Л. Шестов, Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.) заключается в раскрытии и осмыслении индивидуального опыта сознания и индивидуального опыта существования. Так, например, исходным пунктом

феноменологического метода (Э. Гуссерль) становится *редукция* как очищение понятий мышления от всех заранее привнесенных смыслов, что имеет своим следствием сведение образа мира к чистому феномену сознания. Это позволяет исследовать различные явления чувственного опыта как непосредственные идеи сознания и осуществлять работу со смыслами как отражением их существенных свойств. Гарантией объективности полученных результатов в следствие осуществления феноменологического метода является такое свойство сознания как интенциональность (направленность на сознание на предмет). Таким образом, находимые и описываемые смыслы задают целостный горизонт восприятия феноменов как сумма интенциональных актов их осмысления. Другой основополагающей идеей феноменологии является феномен жизненного мира как совокупность непосредственных условий и факторов повседневного существования, являющихся предпосылкой образования всех развитых форм человеческого сознания. В целом феноменология знаменует собой переход от «естественного» полагания предметов как обладающих объективно существующими смыслами к представлению о культурно-мировоззренческой опосредованности нашего опыта сознания мира.

Основными темами осмысления в экзистенциализме становятся: проблема подлинности человеческого существования, смысла жизни, выбора, пограничных ситуаций, свободы и ответственности. Основопологающий тезис экзистенциализма можно сформулировать, обращаясь к высказыванию Ж.-П. Сартра, что человек – это такое существо, у которого *«существование предшествует сущности»*, иными словами определения человека не отражают уникальную специфику данного конкретного человека со всеми обстоятельствами его рождения, жизни и смерти. Человек постоянно вынужден совершать выбор, посредством которого он выбирает как самого себя, делая свою жизнь осмысленной, так и мир как бытие-с-другими.

Среди философских направлений второй половины XX в. следует, прежде всего, выделить те из них, что полагают непосредственным предметом своего изучения основные аспекты постижения актуальных сложных и противоречивых общественных и культурных явлений. Так, *философская герменевтика*, основателем которой принято считать немецкого философа Г.-Г. Гадамера, выступает в качестве общей теории понимания различных объектов культуры (текстов, произведений искусства и др.), которые обладают определенными транслируемыми через традицию

смыслами. Отсюда понимание рассматривается как процесс интеграции смысловых горизонтов исторически передаваемого содержания некоторого произведения и актуального смыслового контекста самого интерпретатора. Последнее обстоятельство предполагает важность реконструкции опыта *традиции*, постижения смыслов культуры для подлинного понимания современности и действительного самопонимания человеческой личности.

Структурализм – еще одно значимое направление современной философии второй половины XX в. Представители: К. Леви-Стросс, Р. Барт и др. Изначально сформировавшись на материале изучения примитивных обществ, структурализм постепенно превратился в теорию и практику объяснения различных общественных и культурных явлений как структурных единиц, или кодов, закладываемых в процессе развития общества и определяющих смысл тех или иных событий, а также тенденций общественной жизни.

В попытке соединить структуралистские принципы анализа с теорией классического психоанализа французский мыслитель Ж. Лакан формирует концепцию «структурного психоанализа», претендующую дать иное прочтение темы бессознательного в пространстве языка. Трансформируя фрейдистское понимание структуры психики, Ж. Лакан предлагает собственную модель описания человеческой психики через связку понятий *«реальное – воображаемое – символическое»*, где реальное обозначает уровень несистемных, невыразимых в языке импульсов желания, лежащих до и в основании всяких структур личности; воображаемое задает индивидуальную картину самоописаний человеческой личности, стремящейся составить посредством языка целостный образ себя; символическое превосходит отдельные аспекты человеческой личности и гарантирует возможность обращения к совокупности культурных смыслов на уровне языка. Таким образом, человек предстает как *«децентрированный субъект»*, что подразумевает постоянное несовпадение человеческого существования с его моделями языкового описания, и реализуется в многочисленных неврозах и языковых нарушениях.

Познание жизни общества и его культуры как всеобщей структуры закодированных единиц должно привести, по мнению структуралистов, к расшифровке основных закономерностей, управляющих поведением и мышлением отдельного человека как части общества. Однако классический структурализм не дал

окончательного ответа на принципиальный вопрос о происхождении и смене подобных структур, явным образом присутствующих на уровне языка. Поэтому он эволюционирует в *постструктурализм*, предметом изучения которого становятся непосредственные предпосылки создания структуры, лежащие, по мнению одного из значимых его представителей М. Фуко, в порядках *власти и желания, сексуальности*, где сама по себе структурация выступает как подавление и установление дисциплины на уровне базовых человеческих инстинктов.

Постмодернизм выступает в качестве попытки поставить философский диагноз современности во всех ее многообразных проявлениях. По выражению одного из классиков постмодернистской философии французского мыслителя Ж.-Ф. Лиотара, современная философия является отражением состояния постмодерна в культуре как ситуации *кризиса и утраты легитимности больших повествований*, метанарративов (например, идей коммунизма, фашизма, либерализма и т.д.), которые ранее мобилизовали массы людей на грандиозные социальные эксперименты, а также отказа от любых попыток нормировать и структурировать социальную жизнь в формах доминирующих рациональных представлений. Другой значимой проблемой для философского осмысления постмодернизма является феномен *«распада субъекта»*, что воплощается в утрате современным человеком стержневых моментов собственной личности и усиливающейся «мозаичности» его сознания. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что преобладающей формой протекания многих актуальных общественных процессов, по мысли французского философа Ж. Бодрийяра, является симуляция реальности как замена оригинальных форм поведения и мышления их суррогатами, воссоздающими иллюзорный образ действительности в качестве картины мира. Это разрушает традиционные представления об истине, подлинности и объективности, что делает для человека неразличимым выбор тех или иных стратегий поведения, превращает его мышление в процесс воспроизводства симуляции, где вымысел и реальность сливаются в единое целое, а культура становится пространством заимствования, цитирования. В плане кризиса классической философской традиции постмодернизм также исследует перспективы возможного нового пути для актуального философствования за счет применения *метода деконструкции* (Ж. Деррида), под которым понимается разрушение традиционных метафизических смыслов, приводящих к подавляющему любое

инакомыслие центристскому мышлению, и реконструкция нового пространства смыслов как равноправных источников значения.

В целом складывается парадоксальная ситуация: постмодернизм, отказываясь от объективности и истинности, делает ставку на ироническую позицию стороннего наблюдателя, что, с одной стороны, расширяет границы творчества, однако ставит под вопрос не только значимость философии, истории, но и самой науки. Без установки на достижение истинности объективности в познании «исчезают фундаментальные основания этоса культуры и цивилизации, возникает угроза хаоса и торжества иррационализма. Такая перспектива делает весьма проблемным воплощение в истории принципов демократии и гуманизма. Поэтому на переломе эпох в условиях глобального мировоззренческого выбора философия призвана отчетливо зафиксировать и реализовать свои конструктивные и созидательные функции в развитии познания и жизнедеятельности современного общества»¹, что, в свою очередь, сделает возможным преодолеть кризис постмодернистского философского мышления.

5. Философия и национальное самосознание. Философская мысль в Беларуси

Философская мысль Беларуси представляет собой комплекс философских идей, сложившихся в процессе развития Беларуси как государства, белорусов как нации, белорусской культуры как уникальной целостности. Формирование первых философских и социально-политических учений Беларуси следует связывать с принятием христианства. Начало процесса христианского просвещения было положено *полоцкой княжной Рогнедой*, принявшей христианство и постригшейся в монахини под именем Анастасии. Византийская патристика оказала сильнейшее влияние на взгляды просвещенных людей того времени, задала им и их последователям своеобразные философско-богословские идеалы и принципы на целые столетия. Следует учесть, что через православную византийскую патристику происходило знакомство и с античной философией. Как особая форма общественного сознания философия в Беларуси изначально развивалась по *трем направлениям*: 1) особый образ жизни, основанный на христианском аскетизме; 2) стремление к

¹ Философия и методология науки : учеб. пособие для аспирантов / А.И. Зеленков, Н.К. Кисель, В.Т. Новиков [и др.] ; пол ред. А.И. Зеленкова. – Минск Б АСАР, 2007. – С. 31.

мудрости, постановка и рассмотрение вечных мировоззренческих вопросов о смысле человеческого бытия; 3) сама мудрость, знание, наука – форма теоретического осмысления мира.

В истории белорусской философской мысли можно выделить *пять периодов*: 1) философская мысль Беларуси периода Киевской Руси; 2) философская мысль Беларуси периода Великого княжества Литовского; 3) философская мысль периода Речи Посполитой; 4) философская мысль Беларуси периода Российской империи; 5) философская мысль Беларуси XX в. Тематически становление белорусской философии можно поделить на *шесть этапов*: 1) зарождение философской мысли Беларуси; 2) философия и общественно-политическая мысль белорусского Возрождения и Реформации; 3) философия и общественно-политическая мысль белорусского Просвещения; 4) философия и общественно-политическая мысль белорусского национального возрождения XIX – начала XX вв; 5) диалектико-материалистическая философия в период существования БССР; 6) современная философия Беларуси.

Развитие белорусской философии осуществлялось в контексте эволюции всей европейской культуры. Поэтому неудивительно, что белорусская философская мысль воплощала в себе основные черты европейской философии. Вместе с тем своеобразие социально-экономического и общественно-политического развития Беларуси наложило свой отпечаток на развитие национальной духовной традиции, обусловило специфические черты эволюции философской мысли. Следует отметить, например, что в трактовке индивидуальной свободы, исторического предназначения человека здесь четко представлена идея ограничения абсолютной свободы интересами всеобщего блага. Белорусский гуманизм не абсолютизировал свободу, но трансформировал ее понимание в идею социального служения.

Первый этап развития философской мысли Беларуси связан с именами Ефросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского и Климента Смолятича. В это время доминирует христианский антропоцентризм и человек рассматривается как венец творения, несмотря на то, что сущность его противоречива и состоит в единстве души и тела. Так, например, Кирилл Туровский утверждает значение личностного начала в человеке, оно реализуется в духовной, молитвенной устремленности к Богу. Молитва

раскрывает смысл жизни человека и приводит к необходимости преодоления личностного зла.

Второй этап связан с развитием социально-философских и гуманистических идей в белорусской философии. Реформация в Великом княжестве Литовском активизировала общественно-политическую деятельность практически всех социальных слоев, стимулировала проведение социально-экономических реформ, развитие образования. Особое значение приобрело радикально-реформационное движение, поставившее целый ряд философских проблем: природа духовной свободы, роль разума в познавательной деятельности, соотношение веры и разума, отношение к античному духовному наследию. В истории философской мысли Беларуси эпохи Ренессанса выделяют следующие направления:

1) *радикальное реформационно-гуманистическое* направление (Якуб из Калиновки, М. Чаховиц, С. Зизаний), для которого было характерно критическое отношение к предшествующей традиции (философии античности, схоластике, церковному учению). Внимание мыслителей сконцентрировалось на сущности личной веры и божественном откровении, явленном в Священном Писании. Следует отметить интерес этого направления к таким ценностям, которые не чужды христианству: равенство, братство, человеколюбие. Представители этого направления пытались осмыслить эгалитарно-демократические идеи Евангелия;

2) *умеренное реформационно-гуманистическое* направление (Ф. Скорина, Н. Гусовский, С. Будный, А. Волан, Л. Зизаний, С. Полоцкий), в котором осуществлялась выработка компромиссных форм соединения, согласования античной философской традиции с ценностями средневековой христианской и гуманистически-ренессансной культур. Мыслители этого направления были уверены в возможности использования в условиях новой культуры духовных форм прошлого. Они активно осваивали платонизм, аристотелизм, этические и политические учения стоицизма, с уважением относились к патристике, но отвергали схоластику, тем более, что последняя выступила в качестве идейного орудия контрреформации. Они обращались к образцам общественного переустройства в античных философских концепциях, реальном практическом опыте европейских народов, в библейских текстах, а ценность философии усматривали в ее возможном практическом приложении;

3) *атеистическо-гуманистическое*, порвав со схоластикой и теологией, обратилось к материалистическим идеям Античности и Возрождения (С. Г. Лован, К. Бекеш, К. Лыщинский). Мыслители осмысливали античные решения проблемы происхождения мира; античные обоснования естественно-природной сущности человеческой морали; отвергали идею Божественного откровения, концепцию врожденных идей; высоко ценили индивидуальный разум и опыт в качестве средств познания.

Наступление католической реакции в лице ордена иезуитов сопровождалось яростными атаками на белорусский язык. Хорошо понимая, что язык является «кровью духа» народа, его исторической памятью, представители радикально-реформационных течений добивались повсеместного искоренения этой памяти родной культуры. Однако в 1697 г. белорусский язык был официально запрещен в государственном делопроизводстве и книгопечатании Речи Посполитой.

Несмотря на это, в последней трети XVIII в. в Беларуси под влиянием не только французского Просвещения, но и творчества прогрессивных белорусских мыслителей конца XVII – начала XVIII вв. получают распространение *идеи Просвещения – третий этап*. Выразители этих идей Б. Добшевич, К. Нарбут, М. Почобут считали свободу мысли обязательным условием развития науки.

Последующие события (война 1812 г., а также русификаторская политика царизма) вызвали кризис идеологии и философии Просвещения и вместе с тем их своеобразный ренессанс в Виленском университете. Это выразилось, в частности, в появлении философских работ Яна и Андрея Снядецких, в использовании идей Просвещения в деятельности легальных и тайных обществ шубравцев, филоматов, филаретов, «военных друзей» и др. Формировалась поздняя «виленская» схоластика, сосредоточившаяся на разработке этических, эстетических, педагогических идей. Развертывались дискуссии между представителями различных конфессий: православной (М. Ващенко, Л. Карпович, М. Смотрицкий), униатской (Л. Кревза, И. Кунцевич), католической (Я. Альшевский, А. Баболь, Я. А. Кулеш). В конце XVIII–начале XIX вв. происходило становление на территории Беларуси и Литвы *классического естествознания*, что требовало философского осмысления его оснований (М. Почобут, Ю. Мицкевич, Я. Снядецкий).

Четвертый этап – в первой половине XIX в. наблюдается закат традиций Просвещения, смена духовно-ценностных ориентаций в связи с вхождением Беларуси в состав Российской империи. Духовный проект филоматов («стремящихся к знанию»), выдвинутый в Виленском университете, задал ориентацию на идеи национально-культурного и государственного возрождения. Однако в целом собственно философская традиция в Беларуси прерывается. Общественно-политическая мысль наполнилась идеями *поиска национальной идентификации*. Такого рода эволюция была инициирована этнографическими исследованиями, проведенными в Беларуси. С середины XIX в. осмысление этого круга идей осуществлялось в художественной литературе (А. Мицкевич, Я. Чечот, У. Сырокомля, Я. Барщевский, В. Дунин-Мартинкевич, Я. Лучина, Ф. Богушевич). Во второй половине XIX в. в философской мысли в Беларуси получает развитие *идеология революционного демократизма*. Мировоззрение белорусских революционных демократов формировалось по трем внутренне взаимосвязанным направлениям: социально-философскому (с идеей общего блага общества); обоснованию этико-гуманистического идеала; преимущественному рассмотрению проблем свободы, человека как индивидуума, народа в целом. Таким образом, существенной особенностью белорусского революционного демократизма была его сфокусированность на проблемах освобождения народа (экономического, политического, национального и духовного).

Характерной особенностью идеологии революционного демократизма в Беларуси является его взаимосвязь с *проблемой национального возрождения*. Наиболее отчетливо это выразилось в творчестве Ф. Богушевича и М. Богдановича, а затем у Я. Купалы и Я. Коласа. Так, Франциск Богушевич выступал за равноправие белорусского народа (и его языка) с другими народами. Проблема языка выдвигалась им как основная проблема национальной жизни. В конце XIX в. Ф. Богушевич стал едва ли не первым проповедником всестороннего национального возрождения белорусов, доказывая, что они представляют отдельный, самостоятельный народ. В развитие национального самосознания белорусского народа большой вклад внес поэт, прозаик, переводчик Максим Богданович, который в своей статье «Белорусское Возрождение» на большом историческом материале доказывал и показывал самостоятельность белорусской культуры и языка. Резко негативно оценивает он

Люблинскую унию 1569 г., в результате которой высший и средний слои белорусского дворянства денационализировались, исчезла и белорусская печатная книга. Таким образом, заслугой общественной мысли этого периода является постановка вопроса о возрождении белорусской национальной культуры, о праве белорусского народа на свою государственность.

Пятый этап представлен творчеством представителей белорусской интеллектуальной элиты XX и началом XXI столетий, которые продолжили традицию возрождения белорусской национальной культуры и осмысление вопроса о национальной идентичности и национальной идеи. Так, например, Игната Абдираловича (Кончевский) в своем произведении «Адвечным шляхам» обращает внимание на такую особенность исторической жизни Беларуси, как ее срединное географическое положение между Востоком и Западом. Он акцентирует внимание, что белорусы, украинцы и балканские славяне полностью не примкнули ни к Востоку, ни к Западу, а выбирают собственный путь развития, сутью которого должно стать социальное творчество. При этом подлинное социальное творчество может осуществиться только вне политики и вне партий, для которых всегда характерно несоответствие хороших слов последующим делам. Они выражают интересы, прежде всего, своих классов и постоянно воспроизводят духовное мещанство. Социальное творчество возможно только при отсутствии чужого вмешательства, для чего необходима политическая независимость, что же касается исторической перспективы, то в будущем, как он надеялся, должно исчезнуть принуждение. В конце 20-х гг. XX в. заканчивается очередной период в развитии философской мысли Беларуси, ее эволюция протекала далее в контексте советской философии.

Разрушение Советского Союза и образование суверенной Республики Беларусь дали новые импульсы поискам национальной идентификации белорусов, стимулировали обращение к национальной духовной традиции, освоение ценностей, выработанных в белорусской философской культуре.

Тема 1.2 Философская антропология

1. Человек как предмет философского анализа; основные подходы в постижении многомерного феномена человека.
2. Проблема антропосоциогенеза.
3. Антропологический кризис. Нравственное измерение антропомодификационных проектов сверхчеловека/оптимена.
4. Сознание человека как предмет философского анализа.

1. Человек как предмет философского анализа; основные подходы в постижении многомерного феномена человека.

Научный подход к проблеме человека имеет свою специфику и выражен в том, что, во-первых, наука не решает вопрос о смысле человеческого бытия, о его ценностных ориентациях; во-вторых, наука акцентирует только один из возможных срезов человеческого существования.

Философский подход к проблеме человека, в отличие от науки, претендует на создание целостной модели человека. В рамках философии человек традиционно понимается в единстве трех основных модусов – *тела, души и духа*.

Свое смысловое единство философия каждой эпохи обнаруживает в феномене человека. Обращаясь к «вечным вопросам», она включает в себя тот или иной идеал человеческого бытия, интегрирующего в себе совокупные смыслы существования природы, общества и культуры.

В рамках философской антропологии принято выделять следующие основные *стратегии интерпретации человеческого бытия*: натурализаторскую, экзистенциально-персоналистическую, социологизаторскую и синтетическую.

В *натурализаторской концепции* человек рассматривается как часть природы, подчиненная ее законам. В основе данной модели лежат две базовые идеи, задающие вариативность ее прочтения: 1) Человек – «венец природы», ее наиболее совершенное творение (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Г. Спенсер, Л. Фейербах и др.). 2) Человек – это «несостоявшееся» животное, биологически ущербное существо (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд и др.), выросшее в животном мире и покинувшее его. Например, Ф. Ницше противопоставляет дионисийского человека носителю аполлонического начала. В ходе цивилизационного развития возникают механизмы, воздействующие

репрессивно на естественную основу человеческого бытия, подавляющие волю к власти как волю к жизни и приводящие к деградации человечества как биологического вида.

Социологизаторская стратегия рассматривает человека как результат социогенеза, т. е. не столько природной, сколько общественной эволюции. Согласно такой трактовке, именно жизнь в обществе является источником «человеческого» в человеке: чем больше социальных связей и характеристик аккумулирует в своем опыте личность, тем больше у нее возможностей для самореализации. Суть данной стратегии можно раскрыть через определение сущности человека, данное Аристотелем через его социальные свойства в качестве «общественного животного». В классической марксистской философии человек рассматривается как биосоциальное существо, однако его биологическая природа – лишь естественная предпосылка для реализации его сил. Индивид, изолированный от общества с рождения, остается животным, поскольку лишь вступая в социальные отношения, человек развивается и существует как личность и индивидуальность. В силу этого его природа определяется совокупностью всех общественных отношений. В структурализме человек выступает как порождение фундаментальных социальных структур (политических, идеологических, коммуникативных и др.), определяющих его существенные признаки и место в обществе.

Синтетическая стратегия (Г. Плеснер, М. Шелер, А. Гелен) акцентировала значимость синтеза философского и естественно-научного подходов к анализу человека. Например, А. Гелен разрабатывал идею о биологическом несовершенстве человеческого существа, которое, по сравнению с другими животными, недостаточно приспособлено к борьбе за выживание в силу отсутствия у него специализированных качеств. Однако уязвимость человеческой природы компенсируется ее пластичностью и универсальностью, и порождает тягу к самоопределению и саморазвитию, через труд побуждает человека адаптировать природную среду к своим потребностям и создавать искусственное жизненное пространство, культуру.

Экзистенциально-персоналистическая стратегия (Н. Бердяев, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр и др.) акцентирует уникальность человеческого существования, его индивидуальность, неповторимость. Экзистенциалисты отрицают возможность определения природы и сущности человека, так как изначально он ничего собой не

представляет. Сущность человека не задана раз и навсегда, а является результатом его свободного выбора в конкретных обстоятельствах места и времени. Именно поэтому человек рассматривается как открытый проект, который переживается субъективно: у него нет иного творца, кроме самого себя, нет иной сущности, кроме той, которую он обретает в опыте существования. Отсюда, его бытие – это опыт свободы, сопряженный с бременем ответственностью за осуществляемый выбор и экзистенциально окрашенными переживаниями: тревогой, отчаянием, стыдом, виной, страхом.

2. Проблема антропосоциогенеза.

Сущность проблемы антропосоциогенеза сводится к вопросу о том, каким образом биологический вид превращается в человека – существо социальное, инструмент самопознания природы.

В решении данной проблемы можно выделить следующие *подходы*:

1) *естественно-эволюционный* – раскрывает объективные закономерности становления человека в процессе природной и социальной эволюции;

2) *креационистский* – предполагает акт творения человека Богом и базируется на вере в сверхъестественное (т. е. не включенное в закономерную природную связь событий) творение;

3) *уфологическая*, или *космическая, версия* – концепция о внеземном происхождении человека, в соответствии с которой он появился на Земле вследствие вмешательства инопланетных существ;

4) *эволюционная концепция* – научное осмысление проблемы антропогенеза логически связано со становлением *эволюционной концепции* в биологии, начало которой положил Дарвин, выдвинувший в 1871 г. в труде «Происхождение человека и половой отбор» гипотезу об эволюционном развитии человека от обезьяноподобного предка.

5) *трудовая модель* (Ф. Энгельс) – было обосновано значение труда для формирования мышления, речи, социальной организации, индивидуальных различий и культуры. В соответствии с *трудовой концепцией антропогенеза*, эволюция человека и формирование общества (социогенез) выступают как две составляющие

единого по своей природе процесса – антропосоциогенеза, длившегося по разным подсчетам в течение 3–3,5 или 6 млн. лет.

6) *игровая модель* (Й. Хейзинга) – в качестве всеобщего принципа становления человечества и культуры выделяет игру;

7) *психоаналитический подход* (З. Фрейд) – в качестве решающего фактора антропогенеза признает отказ человека от удовлетворения желаний бессознательного и культуротворчество за счет сублимации энергии либидо;

8) *символическая концепция* А. Кассирера, опирается на способность человека к символической деятельности, за счет которой создается особая сфера формирования человека – знаково-символическая реальность.

3. Антропологический кризис. Нравственное измерение антропомодификационных проектов сверхчеловека / оптимена

В XX в. возникла ситуация *антропологического кризиса*, связанная с необходимостью осмысления опыта мировых войн, решения ряда социальных проблем, а во второй половине XX в. и проблем социо-природного взаимодействия. Благодаря этому сформировалось ясное осознание того, что человек не является больше господином во Вселенной, что он уже не «венец эволюции», актуализировалась проблема конечности человека не только как индивида, но и человечества как вида. Осознание этого факта порождает у человека чувство «бездомности» и абсурдности бытия, непредсказуемости судьбы, в которой властвует случай. Антропологический кризис обуславливает так называемый *антропологический поворот* в философии первой половины XX в., связанный с попыткой переосмысления сущности человека и его бытия, ценности человеческой жизни.

В современной научной и философской литературе одной из наиболее обсуждаемых проблем является проблема сохранения биологических основ человека, определяющая сущность антропологического кризиса второй половины XX в. Большинство авторов данная проблема рассматривается, как правило, в двух измерениях: в аспекте модификации естественно-биологической природы человека и в аспекте мировоззренческих и нравственных трансформаций, инициированных

попытками переосмысления ценности человеческой жизни в контексте тех возможностей, которые открываются наукой.

Возможности науки в настоящее время достигают таких горизонтов, по мере приближения к которым ее прогностический потенциал ограничен или выходит в область сциентистских утопий, где оказывается невозможным четко демаркировать реальные возможности и фантазии, желаемое и достижимое. В этом контексте евгеника выступила специфическим медиатором идеи, (определяющей единство рациональных усилий и иррациональных ожиданий в виде мифологизированных представлений, от которых не свободно и сознание ученых) о возможности целенаправленного вмешательства в генетику человека и создании оптимена, или сверхчеловека.

Как наука о наследственном здоровье человека и путях его достижения евгеника ставит своей целью обеспечение адапто- и жизнеспособности организма (в смысле оптимизации данности). Как учение об улучшении человеческой породы она ориентирована на создание сверхчеловека, или усовершенствованного человека, которое имплицитно предполагает возможность преодоления природной данности. В силу того, что средствами простой селекции кардинально изменить природу человека невозможно, в классической евгенике оба эти смысла совмещаются. Концепт «оптимен» подразумевает попытку гармонизации человеческих задатков (существующей наследственности), а не замену природной данности чем-то иным. «Улучшенный» человек – это индивид, правильно, оптимально реализовавший свои задатки, и именно в этом отношении новый человек возвышается над «ставшим». «Контроль над эволюцией» в такой транскрипции предполагает сознательную работу многих поколений по созданию оптимена.

В контексте неоевгенических и «околоевгенических» проектов данные смыслы демаркированы: хотя основные технологии модификации человека непосредственно или опосредованно предполагают воздействие на его биологию, наследственное здоровье уже не связывают с собственно усовершенствованием. Идея оптимена начинает самостоятельную жизнь: оптимен рассматривается как индивид, природа которого определяется не только и не столько естественными возможностями организма (препятствующими возникновению химер), сколько технологическими достижениями современной цивилизации, позволяющими преодолеть природные

барьеры. Амбивалентный характер идеи оптимена соответствующим образом конституирует и поиск новых смыслов в представлениях о человеческой природе. Дискуссии по вопросу о границах допустимого вмешательства в природу человека (в ее биологических, социальных и этических аспектах) и контроле над эволюцией сегодня разворачиваются уже не только между сторонниками и противниками евгеники как таковой, а в более широком научном и культурном контексте – в рамках дилеммы биоконсерватизма и трансгуманизма.

Если евгеника контекстуально сформировала установку на то, что воздействие на природу человека, осуществимо лишь с учетом естественных возможностей этой природы, то трансгуманисты (С. Янг, Н. Бостром, Р. Курцвайль и др.), сохраняя перфекционистскую интенцию евгеники, доводят идею модификации антропологической природы до ее логического завершения. Осуществив пересмотр понятия «наследственность», сторонники этого нового культурного движения утверждают, что информация, в том числе и генетическая, может быть связана с любым материальным носителем (в частности, с «химерой» – результатом межвидового смешения или соединения искусственного и естественного). Выступая под гуманистическим лозунгом «все – человеку, и все – для человека», трансгуманисты отстаивают идею полной свободы в использовании новых технологий в целях совершенствования человеческого интеллекта, способностей к контролю эмоций, изменения генетических параметров и физических возможностей человека. Горизонт этих изменений определяется возможностью (или отсутствием таковой) репродуктивного «союза» с немодифицированными индивидами.

Представители биоконсерватизма считают, что изменения, связанные с новыми технологиями, способны представлять угрозу целостности человеческого бытия. Трансформируя свою природу, человек, во-первых, дегуманизирует себя (дегуманизация является следствием превращения индивида в нечто большее, чем человек, или выступает результатом неправильного выбора – в пользу негативных, с точки зрения морали, качеств или действий), а во-вторых, многократно повышает риск эволюционной ошибки.

В решении вопроса о возможности и необходимости модификации человека едва ли не каждый из оппонентов (как трансгуманисты, так и биоконсерваторы) оперирует понятием гуманизма для обоснования этической правомерности

амбивалентных по сути позиций, что свидетельствует о неоднозначности существующих представлений о человеке, человечности и ценности человеческой личности.

Традиционно гуманизм, сформировавшийся в эпоху Возрождения и Нового времени, связывают с двумя видами воздействий, определяющих возможность модификации человеческой природы: индивидуальные усилия по самореализации и социальные мероприятия (воспитательные и другие традиционные практики), предполагающие своим результатом облагораживание человеческой природы. Осуществление данных видов воздействий априори не предполагало апелляцию к вопросу об изменении биологической основы. Усматривая достоинство человека в способности быть хозяином своей судьбы и творцом нового мира, родоначальники классического гуманизма устанавливали предел его возможностей, балансируя между божественным предопределением и личным волеизъявлением. Человеческая воля, формирующая новую, светскую культуру, постепенно выстраивала оппозицию сакральному (иномирному), отвоевывая у него пространство для самореализации. Однако предел ее полномочий устанавливался принципом совести, трактуемой как «голос Бога внутри человека».

Для трансгуманизма улучшение человека (в предельном выражении – выход за пределы человеческого способа существования с помощью системы искусственного интеллекта) становится целью, достижение которой обеспечивается на основе новых технологий. Если отталкиваться от идеи С. Янга о том, что люди – это существа, наделенные волей к эволюции, то человеческое достоинство в рамках данного направления отождествляется со способностью к самотрансформации, в первую очередь на биологическом уровне, и оказывается практически не связанным с представлениями о самоценности человека и его природы. Определяя человека как *самоконструируемый проект*, обретающий благодаря научно-техническому прогрессу контроль над собственной эволюцией, трансгуманисты обнаруживают определенную преемственность своих концептов не только с идеями новоевропейского гуманизма, но и экзистенциализма. Однако наблюдаемая преемственность в известной степени иллюзорна, поскольку трансгуманизм выносит за скобки те идеи, которые определяют ценность человеческого существования в экзистенциалистской интерпретации: постгуманистическое усовершенствование

человека фактически не затрагивает таких качеств, как любовь, симпатия, забота, оно понимается в сугубо рационалистических категориях, предполагая веру в разум, усовершенствованный с помощью компьютера.

Оспаривая вслед за экзистенциалистами предзаданность антропологической природы и бытия, трансгуманисты впадают в противоречие: освобождая индивида от природной зависимости, они не принимают в расчет наличие другого, еще более жесткого ограничения, – зависимости от развития технологий и доступа к ним. То, что ранее не требовало усилий и являлось естественной способностью человека, становится результатом направленных действий (в частности, способность к репродукции). Когда естественное замещается искусственным, речь идет о новых формах закрепощения, а не расширении диапазона свободы, о новых формах контроля в сферах, где вполне уместна саморегуляция. Если бытие человека разворачивается в пространстве некой искусственно созданной и искусственно поддерживаемой информационной системы, а он сам идентифицируется в качестве «узла» системных сил и взаимодействий (в границах которой «снимается» его природная данность), если он и его действия изначально не обладают внутренней ценностью и самодостаточностью, если он не способен испытывать чувство собственной исключительности, то он утрачивает традиционные признаки «человечности».

В рассуждениях биоконсерваторов представления о достоинстве человека выводятся из естественного плана его бытия: достойно человека то, что отвечает его природе, что позволяет ему оставаться человеком. Анализируя проблему постепенного замещения естественного искусственным, биоконсерваторы указывают на предельное ограничение, определяющее эффективность и конструктивность самотрансформации – устойчивость человеческого вида. Данное ограничение может быть отображено в содержании нового императива: порог манипуляций с человеческой природой устанавливается через принцип «то, что может быть достигну естественным образом, собственными усилиями индивида, не следует стимулировать искусственно». Искусственное вмешательство, разрушающее способность естественной системы к саморегуляции, является недопустимым (поскольку представляет угрозу ее целостности). Поэтому асимметрия естественного и искусственного, связывается биоконсерваторами с противоестественным порядком

человеческого бытия, насилием над человеческой природой и, следовательно, ее дегуманизацией.

Соответственно, понятие гуманизма обретает два возможных прочтения, в зависимости от того, на основе какой предустановки формируется представление о ценности человека и возможной гармонизации его отношений с природой – на основе осмысления его единства с первой или второй природой.

Асимметрия в соотношении естественного и искусственного, являющаяся следствием атропотехнических проекций, не только не выступает источником беспокойства для отдельных представителей научного сообщества (в первую очередь, сторонников трансгуманизма), но более того, рассматривается ими как предпосылка для пересмотра устоявшихся взглядов на природу человека.

Развитие идей гуманизма можно представить как диалектический процесс, включающий три стадии: 1) классический гуманизм, основывающийся на принципе реализации данного от природы посредством системы воспитания и самовоспитания (в направлении осуществления некоего всеобщего социального идеала); 2) экзистенциальный гуманизм, акцентирующий значимость индивидуалистически осмысленного процесса самоконструирования (выстраивающий оппозицию автоматизирующему конформизму); 3) трансгуманизм, осуществляющий проект «расколдовывания» индивидуального на пути выявления оснований человеческой природы, которые оказываются универсальными и не зависят от личного опыта индивида, приобретаемого в теле и телом. Логика, позволяющая выстроить данную диалектическую триаду, способствует поддержанию сциентистского мифа и углубляет антропоцентрические заблуждения европейской цивилизации.

4. Сознание человека как предмет философского анализа.

Целостный взгляд на человека, его природу и сущность не возможен без обращения к проблеме сознания как специфическому способу отношения человека к миру и самому себе, опосредованному всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей. Однако феномен сознания принадлежит к разряду самых сложных объектов исследования.

В философии можно выделить следующие *основные подходы в раскрытии проблемы сознания*: субстанциальному, функциональному, экзистенциально-феноменологическому и психоаналитическому.

Субстанциализм (Платон, Аристотель, Августин Аврелий, Р. Декарт, Г. Гегель и др.) представляет собой исторически первую попытку осмысления сознания, в основе которой лежит стремление отыскать некие единые, сверхчувственные принципы и начала бытия. Согласно данному подходу, сознание – это особого рода субстанция (Бог, вселенский разум), обладающая самостоятельным существованием и не зависящая от материальных образований, в частности от функционирования человеческого мозга. Основными особенностями субстанциализма являются: 1) отождествление сознания с разумом, который рассматривается как квинтэссенция сознательного опыта; 2) разум (сознание) рассматривается не как свойство и «собственность» человека, но как мировое начало, гарантирующее гармонию и рациональную упорядоченность бытия, существующее вне и независимо от человека.

Функциональный подход – одна из основных традиций исследования сознания в классической философии, согласно которой сознание является производным от функционирования материальных систем, прежде всего, человеческого мозга. В завершённом виде функционализм представлен в философии Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк, К. Гельвеций и др.). Особой его формой является метафизический материализм (Ж. Ламетри, П. Гольбах, П. Кабанис), представители которого, опираясь на данные физиологии и медицины своего времени, рассматривали сознание как особую функцию мозга человека, благодаря которой он оказывается в состоянии познавать окружающий мир и самого себя. При этом специфика сознания никак не проблематизировалась, а ментальные процессы практически отождествлялись с физическими процессами, происходящими в организме.

Радикальный разрыв с классическими интерпретациями сознания происходит примерно с середины XIX в. по начало XX в. в связи с деятельностью так называемых трех «мэтров подозрения» – К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда. Общим для этих мыслителей стало обнаружение под «поверхностью» сознания сложных механизмов, подспудно формирующих и определяющих его: «воли к власти» как подлинной основы любых рациональных построений (Ницше), социокультурных факторов (Маркс), сферы бессознательного (Фрейд). В целом для *неклассического подхода*

характерен отказ от свойственной классике фиксации на мышлении как рациональной и универсальной основы сознания, поиск новых компонентов и измерений сознания.

Экзистенциально-феноменологический подход (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти и др.) – один из наиболее важных и интересных в рамках неклассической традиции. Феноменология Э. Гуссерля настаивает на самоценности и самодостаточности опыта сознания в качестве предмета исследования и отказывается сводить сознание к физиологическим, психическим и другим процессам. Применение особой техники, получившей название феноменологической редукции, позволяет увидеть жизнь сознания «изнутри», как непрерывный поток сменяющих друг друга событий и состояний (феноменов). Феноменологический анализ выявляет такую базовую характеристику сознания, как интенциональность – предметную направленность переживаний сознания, его соотнесенность с предметами опыта. Таким образом, с точки зрения феноменологии, сознание – не столько способность регистрировать внешние воздействия и отображать объективный мир, сколько сфера активного смыслопорождения, задающая горизонт нашего повседневного существования.

Психоаналитический подход исследования сознания выдвигает идею о том, что опыт сознания не исчерпывает всего богатства психической жизни человека, основу которой составляет бессознательное. Согласно З. Фрейду, сознательный опыт человека («Я») представляет собой всего лишь тонкую «прослойку» между сферой бессознательного («Оно»), в котором сосредоточены различные биологические влечения и вытесненные из сознания идеи, и сферой социокультурных норм и предписаний («Сверх-Я»). В психоаналитической интерпретации сознание по определению оказывается «несчастливым», так как его жизнь протекает в постоянных поисках компромисса между асоциальными, внеморальными влечениями и импульсами «Оно» и наиндивидуальными и репрессивными по своей сути культурными императивами. Более полное представление о сущности бессознательного и его проявлениях на индивидуальном, групповом и социальном уровнях позволяют получить концепции К. Г. Юнга, Э. Фромма и других представителей психоаналитической философии. Так, К. Г. Юнг развивает учение о коллективном бессознательном, которое представляет собой ядро человеческой психики, концентрирующее в себе опыт всех предшествующих поколений людей. Его

содержание составляют архетипы – наследуемые всеобщие образцы, символы и стереотипы психической деятельности и поведения. Согласно Э. Фромму, значительную роль в организации человеческой жизнедеятельности и механизмов общения и взаимодействия людей играет социальное бессознательное – вытесненные побуждения, свойственные большинству членов общества, которые данное общество не может позволить своим членам довести до сознания. Концепции К. Г. Юнга и Э. Фромма позволяют установить, что по своей природе бессознательное, так же как и сознание, биосоциально, т. е. обусловлено социальной средой, культурными и языковыми программами.

Таким образом, каждый из представленных подходов делает акцент на определенных сущностных характеристиках сознания, которые в равной мере необходимо учитывать для построения его целостной модели.

Оформление сущностных особенностей сознания является результатом длительного развития. С позиций современного естествознания и материалистической философии *становление сознания* может быть рассмотрено, во-первых, как закономерный этап в эволюции природы; во-вторых, как процесс, обусловленный социо- и культурно-генетическими факторами. Становление сознания опирается на естественные предпосылки, среди которых материалистическая традиция особо выделяет развитие в живой и неживой природе такого свойства как отражение. *Отражение* – это способность материальных систем воспроизводить в процессе взаимодействия особенности других систем. В результате взаимодействия одни тела и явления, оставляют свой «след» на других телах и явлениях, специфическим образом запечатлевая себя в них. Выделяют *три основные формы отражения*: отражение в неживой природе, отражение в живой (раздражительность, чувствительность, психика), социальное отражение

Сознание – высшая форма психического отражения. В отличие от психики животных, сознание наделяет человека способностью предвидения отдельных последствий своих действий, характера и направленности развития природных и социальных процессов. Основой исторической перестройки психики и формирования сознания стал труд как процесс, в котором человек своей деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между обществом и природой, благодаря чему относится к условиям своего существования не в качестве лишь активного

биологического существа, а как социально-исторический субъект, способный менять и корректировать внешние факторы.

В подвижном многообразии феноменов сознания мы можем выявить некоторые устойчивые типы и определить общую *структуру сознания*. Как правило, выделяют *два основных уровня сознания* – чувственно-эмоциональный и абстрактно-дискурсивный: Важно указать, что в повседневной практике эти два уровня находятся в тесном взаимодействии – с одной стороны, чувственное восприятие несет на себе отпечаток ментальных понятий и схем, является концептуально нагруженным, с другой стороны, системы понятий, которые мы используем для осмысления окружающей нас реальности, постоянно корректируются чувственным опытом.

Характеризуя структуру сознания, как правило, выделяют ряд *способностей*, определяющих его функционирование как на чувственном, так и на рациональном уровнях. Важнейшим компонентом сознания является *воля* – способность к выбору цели и мобилизации внутренних усилий, необходимых для ее достижения. Огромную роль в организации внутренней жизни сознания играет *память* – способность к сохранению, накоплению и воспроизведению информации. В структуре сознания также выделяют такой компонент как *внимание* – способность индивида сосредотачиваться в определенный момент времени на каком-нибудь реальном или идеальном объекте.

Необходимо подчеркнуть, что структура сознания не представляет собой жесткий каркас, «кристаллическую решетку», так как основополагающей характеристикой жизни сознания остается подвижность и изменчивость. Его компоненты не являются строго иерархически упорядоченными, но постоянно находятся в живом динамическом взаимодействии.

На основании ранее сказанного можно выделить *основные характеристики сознания*, к которым относятся: идеальность (способность к мысленному воспроизведению той или иной вещи); идеаторность (способность творить и воспроизводить идеи); вторичность и предметность (в образах сознания фиксируются свойства и отношения предметов); связь с языком (сознание носит понятийный, обобщенный характер, его содержание может быть объективировано в слове); абстрактно-логическое мышление (умение воспроизводить сущностные характеристики и связи действительности, не данные непосредственно в восприятии).

Кроме названного, можно указать на такой специфический и важнейший модус существования сознания как *самосознание*, т. е. возможность выделения себя из внешней среды. Основными *формами самосознания* выступают: а) самочувствие, элементарное осознание своего тела, его включенности в мир окружающих вещей; б) осознание своей принадлежности к той или иной социокультурной общности; в) возникновение «Я» как особого образования, связанного со способностью к самоконтролю, самооценке, самосовершенствованию, к ответственности в социальных действиях, самокритичности. Самосознание развивается в процессе формирования человека как личности (процесс социализации), являясь условием личностной самоидентификации и самоопределения. Обращенность сознания к самому себе называют рефлексией.

Тема 1.3 Основные проблемы социальной динамики

1. Общество как развивающаяся система. Базовые факторы, источники и движущие силы социальной динамики.
2. Происхождение и природа социальных противоречий, конфликтов, революций и реформ; их роль в жизни общества.
3. Линейные и нелинейные подходы к истории изучения общества.
4. Трансформация и модернизация в условиях переходного периода.

1. Общество как развивающаяся система. Базовые факторы, источники и движущие силы социальной динамики

Общество – это динамично развивающаяся целостная система социальных взаимодействий, в которые включены индивиды и их различные общности (семейные, профессиональные, территориальные и т. п.).

Социальная реальность – опредмеченный результат человеческой деятельности. В этом смысле границы реальности всегда относительны, подвижны, историчны и определяются социокультурными факторами, интересами и потребностями.

Отличие социальной системы от систем, действующих в природе, заключается в следующем: 1) общество, в отличие от природы, представляет собой систему не только материальных, но и духовных отношений, складывающихся между людьми в процессе их совместной деятельности; 2) центральным элементом социальной системы является человек, поступающий в соответствии со своими желаниями и целями, что придает обществу значительную степень неопределенности, а, следовательно, и непредсказуемости; 3) сам человек является сложной системой и существует как система в системе, другие элементы общества также являются системными образованиями (государство, экономика, политика, право и т.д.); 4) развитие общества подчиняется как всеобщим законам, так и специфическим социальным законам, действующим только в социальной среде; 5) социальная система представляет собой согласованность элементов и в то же время их несогласованность, наличие гармоничных тенденций и конфликтного взаимодействия.

Таким образом, *социальная система* представляет собой сложнейшую из известных систем объективной реальности, которая охватывает совокупность социальных объектов и субъектов, их свойств и отношений, образующих целостный социальный организм. Всякая социальная система как целостный организм характеризуется такими *признаками*, как самодеятельность, самоорганизация, саморазвитие.

Выделяют, как правило, *пять уровней социальных систем*. Первый: фундаментальный уровень организации общества – человечество в целом; второй: государство или группа взаимосвязанных государств; третий: социальные институты, обеспечивающие функционирование общественных отношений; четвертый: классы, социальные группы (общности), слои, страты; пятый уровень: отдельная личность, которую можно рассматривать как социальную систему.

Общество представляет собой самоорганизующуюся и саморазвивающуюся открытую социальную систему, способом существования которой является деятельность людей.

Основными элементами в структуре общества являются: 1) субъекты общества (человек, люди и их объединения); 2) взаимоотношения и связи между людьми; 3) социальные организации и социальные институты; 4) деятельность.

К *основным сферам общественной жизни* относятся: экономическая (материальная), духовная, политическая (управленческая) и социальная (в узком смысле этого слова), или гуманитарная сфера, в которой осуществляется деятельность по обслуживанию населения.

Социальная структура общества является предметом исследования социальной статистики, в то время как развитие общества – это предмет *социальной динамики*.

Социальные изменения – это многообразные перемены, происходящие в течение определенного времени в обществе как целостной системе, в его структуре, в деятельности и функционировании всех компонентов социума. Среди основных причин социальных изменений выделяют:

1. Демографические изменения (рост населения, увеличение продолжительности жизни и т. д.).

2. Природные изменения. Они, в свою очередь, делятся на естественные (наводнения, землетрясения, засуха и т. д.) и начавшиеся в результате воздействия

человека (истощение минеральных и энергетических ресурсов, загрязнение окружающей среды, глобальное потепление и т. д.).

3. Изменение в области технологии (автоматизация производства, использование компьютеров) значительно повысили экономическую продуктивность и уровень жизни многих слоев населения.

4. Изменения в области культуры (научные открытия, новые верования и ценности и т. д.).

Под воздействием различных факторов в обществе происходит изменение:

а) состава населения (этнического состава, занятий и доходов);

б) способов поведения (изменение уровня социального взаимодействия, способов добывания средств существования);

в) социальной структуры (перемены в экономике и распределении власти, в семейной жизни, образовании и религии);

г) культуры (рост популярности каких-либо социально-политических идей).

Социальные изменения охватывают все сферы общества, все виды многообразных перемен в нем, составляя суть социальной динамики общества. Социальная динамика может быть выражена и через такие понятия, как социальный процесс, социальное развитие, социальная эволюция, социальный прогресс и т. п.

Социальная динамика включает в себя и рассмотрение основных законов развития общества. Развитие общества и функционирование его основных сфер происходит по определенным законам. **Социальный закон** – это всеобщие, объективные, необходимые, существенные, устойчивые, повторяющиеся связи между процессами и явлениями в различных сферах жизни общества, определяющие его развитие. Социальные законы реализуются через сознательную деятельность людей, что не означает возможности отменять их. Социальным законам присущ исторический характер, они действуют как тенденция, которая проявляется при определенных обстоятельствах и в определенный период времени.

Основные законы развития общества:

– закон ускорения истории (на каждую последующую стадию развития общества уходит меньше времени, чем на предыдущую, что свидетельствует об уплотнении исторического времени);

– закон неравномерности экономического, политического, социального и духовного развития (народы и нации развиваются с неодинаковой скоростью);

– закон прогрессивного развития общества (сегодня в рамках социогуманитарного знания проблематизируется возможность социального прогресса).

Субъект и движущие силы социальной динамики – суть вопроса можно выразить следующим образом: «Кто или что являются творцами истории?». В этой связи в социальной философии используются два понятия: субъект и движущие силы истории, которые оказывают влияние на развитие общества, определяют его направленность, однако различаются степенью осознанности своего влияния. Субъект истории, в отличие от движущих сил, осознает свое воздействие и, исходя из определенных интересов, идеологически обосновывает цели и задачи социальных изменений. Движущие силы истории, кардинально изменяющие социальную ситуацию, движимы либо бессознательными импульсами, либо становятся объектом манипуляций и средством для достижения целей, поставленными историческими субъектами.

В социальной философии принято выделять *три подхода* к решению проблемы значимой роли субъекта и движущих сил истории.

1) акцентируется роль масс и великой личности в истории (марксизм);

2) элитаризм, связывающий историческое развитие с ролью элит (Ф. Ницше, В. Парето и др.);

3) теория масс, связанная с анализом феномена толпы и массы и оценкой ее негативного воздействия на общественные события (Г. Лебон, Г. Тард и др.).

Данная проблема тесно связана с вопросов о соотношении объективного и субъективного в историческом процессе. «Полярные решения этого вопроса представлены историческим фатализмом и волюнтаризмом. А между ними лежит широкое поле деятельности субъектов и движущих сил истории, порождающей альтернативы, придающей историческому развитию общества негарантированный, вариативный характер»².

Так, развитие и функционирование общества определяется *объективными факторами*, независимыми от воли и сознания людей (социально-экономические,

² Философия и методология науки: учеб. пособие для аспирантов / А.И. Зеленков, Н.К. Кисель, В.Т. Новиков [и др.]; под ред. А.И. Зеленкова. – Минск : АСАР, 2007. – С. 74.

природно-географические, демографические, этнокультурные, технико-технологические) и *субъективными факторами*, представляющими собой сознательную деятельность различных социальных субъектов (социальные группы, политические институты, элиты, массы, человечество в целом), направленную на изменение, развитие или сохранение общественного порядка. Противоречивость в объяснении действия социальных законов заключается в абсолютизации роли либо объективных, либо субъективных факторов исторического процесса. Так, в традиции философского течения *волютаризма* (от лат. *voluntas* – воля) в абсолют возводится воля субъекта как надындивидуальное иррациональное начало и рассматривается как высший принцип социального бытия. *Фатализм* (от лат. *fatum* – судьба) наоборот исключает свободный выбор и активную роль человека в истории.

2. Происхождение и природа социальных противоречий, конфликтов, революций и реформ; их роль в жизни общества.

В социальной философии рассматривается *проблема источника социальной динамики*. Так, например, в марксизме в качестве источника социальных изменений выступают социальные антагонистические противоречия, ведущие к разрушению исходной социальной системы и формированию новой. В концепции структурного функционализма Т. Парсонса функционирование и развитие общества обеспечивается за счет равновесных отношений между подсистемами общества и социальными силами. В теории социального конфликта Р. Дарендорфа динамизм обществу придают разнообразные социальные конфликты.

Остановимся подробнее на анализе теорий социального конфликта. Конфликт пронизывает все сферы жизни общества и без него не возникает в общественной жизни ничего нового. Возникновение и развитие конфликтных ситуаций и взаимодействий не только неизбежно, но даже необходимо.

Конфликт – это столкновение противоположных и несовместимых взглядов, позиций, интересов на почве соперничества и отсутствия взаимопонимания, на фоне проявления негативных эмоций.

Два основных признака конфликта:

1. конфликт возникает на основе противоположно направленных мотивов или суждений;

2. конфликт – это всегда противоборство субъектов социального взаимодействия.

Конфликт может принимать самые разнообразные формы и протекать в виде: ссоры, забастовки, парламентских дебатов, демонстрации, террористического акта, экономической блокады, идеологической борьбы, бунта, военного переворота и т. д.

В большинстве случаев конфликт воспринимается как негативное явление, в основе которого лежит недовольство, неудовлетворенность сложившейся ситуацией и т. п. Соответственно в анализе конфликтных ситуаций на первый план выдвигается точка зрения о том, что конфликт выполняет только негативные функции в обществе, т. к. нередко ведет к беспорядку, нестабильности, психологическому дискомфорту, снижает социальную активность индивидов и т. д. Действительно, конфликт часто оказывает негативное воздействие на психическое состояние его участников, деструктивное воздействие на общность, нарушая сложившиеся связи между людьми, и даже способен разрушить устойчивое функционирование общества. Несмотря на то, что большинству конфликтов часто свойственна достаточно высокая степень остроты, длительности и разрушительности, однако необходимо акцентировать внимание и на позитивной направленности функций конфликта. Г. Зиммель отметил тот факт, что конфликт имеет и положительные стороны. Ранее предполагалось, что если индивиды заинтересованы в сохранении той системы, в рамках которой они реализуют власть и влияние, то любой конфликт рассматривается ими как нечто негативное, способное разрушить уже сложившийся способ их жизнедеятельности. Однако не существует социальных групп без конфликтных отношений, и то, что конфликт подавляется, еще не говорит о гармоничных взаимоотношениях внутри группы. Л. Козер, вслед за Г. Зиммелем, рассматривает конфликт как результат действия сил притяжения и отталкивания, гармонии и дисгармонии, являющихся теми составляющими элементами социального целого, которые структурируют все связи в обществе. Поэтому не может существовать группа, в которой действуют только силы притяжения и гармония, т. к. группа есть соединение двух процессов: объединения и разъединения, кооперации и конфликта. Группа есть результат соединения двух процессов – объединения и разъединения, кооперации и конфликта.

К. Маркс, автор социологической теории конфликтов, утверждал, что в условиях классовой борьбы конфликт является неизбежным явлением общественной жизни. Антагонизм классов нельзя разрешить в рамках существующего строя.

Согласно его теории, классовый конфликт является движущей силой истории, так как является основой и главной причиной преобразования общества и перехода на более совершенную стадию развития, как коммунизм.

В отличие от Маркса, Г. Зиммель видел источник конфликта не в противоположности экономических интересов противоборствующих классов, а в инстинкте враждебности. Зиммель утверждал, что чем сильнее межгрупповой конфликт, тем менее вероятно исчезновение границ между группами, и чем острее конфликт, тем сильнее внутренняя сплоченность внутри конфликтующих групп.

По мнению Р. Дарендорфа, главной причиной конфликта является тот факт, что одни люди имеют власть над другими. Таким образом, основные конфликты возникают между теми, кто имеет власть, и теми, кто ее не имеет. Основные положения его теории конфликта можно свести к следующему: а) во всех обществах есть господство, конфликт и подчинение; б) общественная структура основана на власти и подчинении; в) интересы членов различных групп противоположны; г) при осознании общих интересов образуются общественные классы; д) классовый конфликт обостряется, если вся власть сосредоточена в руках нескольких людей, остальные же не имеют возможности ее получить.

Конфликт может протекать в виде ссоры, забастовки, протеста, конкуренции, внутриличностных переживаний, войны, террористического акта, идеологической борьбы и т. д. В развитии конфликта можно выделить основные этапы: 1) возникновение напряженности в отношениях; 2) осознание складывающейся ситуации как конфликтной; 3) открытое конфликтное взаимодействие; 4) развитие конфликта; 5) его разрешение.

Не существует и не может существовать бесконфликтного общества. Российский социолог В. А. Ядов подчеркивает, что конфликт является нормальным состоянием общества. Конфликт выполняет как деструктивные (негативные), так и конструктивные (позитивные) функции.

Деструктивные функции конфликта:

1. Конфликт способен разрушить социальную общность.
2. Неизбежно ведет к ухудшению морально-психологического климата в коллективе.
3. Приводит к душевному кризису человека, всей системы его ценностей.

4. Создает трудности для трудовой и социальной активности индивидов.
5. Противостояние может привести к неразрешимости конфликтной ситуации.

Конструктивные функции:

1. Конфликт содействует скорости и эффективности принятия решений.
2. Может способствовать укреплению внутренней солидарности в группах.
3. Указывает на неблагополучие в той или иной области отношений между людьми, тем самым, позволяя оперативно отреагировать на это неблагополучие.
4. Делает отношения между людьми более напряженными.
5. Позволяет человеку разобраться кто враг, а кто друг.

Типы конфликтов: 1) внутриличностный (столкновение противоположных мотивов, невозможность реализовать желаемое, невозможность социально или профессионально адаптироваться, противоречия между притязаниями человека и его оценкой своих возможностей); 2) межличностный конфликт; групповые конфликты (нарушение трудового законодательства, неудовлетворительные коммуникации, такие как сплетни, слухи, плохие условия труда, низкая заработная плата, борьба за сферы влияния, противоположные интересы и цели); 3) конфликт в семье; 4) организационный конфликт.

Выделяют *пять основных типов разрешения конфликтов:* 1) конкуренция или конфронтация; 2) сотрудничество; 3) компромисс; 4) уклонение; 5) приспособление.

Социальное развитие – процесс накапливающихся, необратимых изменений в достаточно больших интервалах времени, в результате которого возникает качественно новое состояние социального объекта. Разделение социальных изменений на определенные типы может быть реализовано и в зависимости от направленности осуществляющихся перемен. Так, выделяют прогрессивные, регрессивные социальные изменения и циклическое движение. При *прогрессивных социальных изменениях* происходит переход от нижнего уровня развития социальной системы к высшему ее уровню или к новой более совершенной социальной системе. *Регрессивные социальные изменения* заключаются в переходе от высшего к низшему этапу развития общества, в процессах дегградации, упадка и т. п.

Между прогрессом и регрессом существует не только связь противоположностей, но и более многообразная взаимозависимость. Так, с одной стороны, отдельные регрессивные изменения могут происходить в рамках общего

прогрессивного развития социальной системы, а, с другой, при усилении регрессивных изменений системы в целом отдельные ее структурные компоненты или функции могут сохранять или усиливать прогрессивное направление развития. Социальный прогресс возможен, но эта возможность не предполагает его неизбежности. Циклическое движение – чередование восходящего и нисходящего развития, прогресса и регресса.

«Полное драматизма и человеческих трагедий XX столетие выявило несостоятельность свойственного прогрессизму исторического оптимизма и иллюзорность надежд на «светлое будущее». Безусловный приоритет начинают отдавать нелинейным интерпретациям истории, в том числе постмодернистской концепции «постистории», за которыми закрепляется авторство таких достоинств, как отстаивание множественности равноправных и самоценных форм общественной жизни, акцентирование внимания на плюрализме и вариативности исторического процесса, подчеркивание роли социально-культурных альтернатив в истории и противоречивости в развитии общества»³.

В зависимости от темпа социальных изменений различают следующие виды социального развития: социальная эволюция и социальная революция. *Социальная эволюция* – это медленные, постепенные изменения в обществе. *Социальная революция* – это быстрые, радикальные изменения в обществе. В обществе происходят разнообразные революции: в производительных силах, науке и технике, в сознании и культуре и т. д. Социальная революция предполагает качественные изменения в общественных отношениях, во всей их системе.

XX век, согласно определению В. Ленина, стал «веком войн и революций». Начало XXI века также оказалось окрашено в цвет революционных знамен, выступивших сигнальными огнями войны, которая либо предшествует революции, либо ей сопутствует. Х. Арндт провидчески отмечала в своей работе «О революции», что «взаимное влияние и взаимосвязь между войной и революцией неуклонно возрастает, а акцент в их взаимоотношении все более и более смещается от войн к революции», поэтому «если нам не суждено исчезнуть вовсе, то более чем

³ Там же, С. 75.

вероятно, что именно революции, а не войны, будут сопровождать нас в обозримом будущем» [1, с. 14-15]⁴.

Х. Арендт, С. Жижек и многие другие, связывали поражения революций с «перевертышем» проблемы свободы: во-первых, социальный вопрос вытеснял проблему свободы как таковой; во-вторых, освобожденные так и не становились субъектами революционного преобразования, превращаясь в освобожденных от политического, а значит, свободного действия.

История человечества представляет собой постепенный переход от одного типа обществ к другому. В социальной философии принято выделять несколько типологий обществ по различным основаниям.

По критерию *письменности* выделяют общества дописьменные и письменные (алфавит и фиксация звука на материальных носителях).

По *числу уровней управления и степени социального расслоения* выделяют общества простые и сложные. *Простые общества* возникли 40 тыс. лет назад. Социальную организацию простых обществ характеризуют следующие черты: эгалитаризм, т. е. социальное, экономическое и политическое равенство, относительно небольшие размеры объединения, приоритет кровно-родственных связей, низкий уровень разделения труда и развития техники. В науке принято выделять два этапа развития простых обществ: локальные группы и первобытные общины.

Сложные общества возникли 6 тысяч лет назад. Переходной формой от простого общества к сложному является вождество. По численности вождество представляет собой крупное объединение. В вождествах существует имущественное неравенство, несколько уровней управления (от 2 до 10 и более). До сих пор сохранились вождества в Полинезии, Новой Гвинее и тропической Африке. К сложным обществам относят такие, где появляется прибавочный продукт, товарно-денежные отношения, социальное неравенство и социальная стратификация (рабство, касты, сословия, классы), специализированный и широко разветвленный аппарат управления.

⁴ Арендт, Х. О революции / Ханна Арендт. – М.: Издательство «Европа», 2011. – С. 14-15.

3. Линейные и нелинейные подходы к изучению истории общества.

Существуют два подхода к определению направленности исторического процесса: линейный и нелинейный. При *линейном подходе* история рассматривается как поступательное восхождение общества к более совершенному состоянию, к усложнению системно-структурной организации (прогресс), или же нисхождение к более простым состояниям, деградация общества (регресс) (представление о «золотом веке» в древней Греции, философия Древнего Востока, экологический пессимизм). Идеи социального прогресса характерны для марксистской интерпретации исторического процесса. Так, в теории общественно-экономических формаций (К. Маркс) история рассматривается как естественноисторический процесс смены исторических типов общества, основывающихся на определенном способе производства (первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое). В соответствии с данной теорией все компоненты общества, образующие противоречивое диалектическое единство, определяются материальными, производственными отношениями, совокупность которых составляет базис, т.е. экономическая основа общества. Надстройка общества включает в себя идеологию и психологию различных социальных групп, а также соответствующие организации и учреждения (государство, политические партии и др.), и строится не произвольно, а в соответствии с экономическим базисом. Так, закон перехода от одной формации к другой определяет специфика способа производства: на определенной стадии развития материальные производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, и прежде всего с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались, что в итоге и порождает социальную революцию. Целью исторического развития, по Марксу, является коммунизм как общество социальной справедливости и равенства.

В *нелинейном подходе*, представленном в теориях локальных цивилизаций, подчеркивается своеобразие, уникальность судеб различных этносов, утверждается цикличность и нелинейность развертывания истории. В теориях локальных цивилизаций акцент сделан на циклическом развитии. Так, например:

а). Цивилизационно-циклическая модель исторического процесса. Итальянский философ XVIII в. Дж. Вико выделил в истории человечества последовательно сменяющиеся друг друга три эпохи: божественную, героическую и человеческую. При

этом «человеческая эпоха» представляет собой упадок и возврат к первобытному состоянию, за которым вновь последует возрождение «божественной эпохи» и так далее по этапам цикла. Подобный циклизм исторической динамики Дж. Вико связывал со сменой типов человеческой деятельности. И. Гете сформулировал принцип морфологизирующей физиогномики в познании социума: история общества рассматривается подобно сезонным циклам природы.

б). Концепция культурно-исторических типов русского историка XIX в. Н.Я. Данилевского, которые «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают». В развитии человечества Данилевский выделил десять культурно-исторических типов, представляющих собой относительно самостоятельные цивилизации. Для каждого из этих типов характерны единый язык, политическая независимость, способность к духовному развитию, но различаются они приоритетом ценностных ориентаций. Данилевский высоко оценивал перспективы нарождающейся славянской цивилизации, имеющей ряд ценностных приоритетов, среди которых есть приоритет справедливого устройства общественной жизни.

в). Концепция «морфологии культуры» немецкого философа и культуролога XX в. О. Шпенглера, также признающего близость истории общества природной истории. Шпенглер выделил восемь великих культур в истории человечества, сделав акцент на «душе культуры» как высшем этапе общественного развития. Западная (фаустовская) культура с переходом на путь индустриального развития, по его мнению, утрачивает творческий порыв и вступает в этап цивилизации, т.е. угасания культуры.

г). Концепция локальных цивилизаций английского историка А. Тойнби, которой выделял следующие основные этапы социальной динамики: «возникновение – рост – надлом – распад». Причины возникновения, развития и гибели цивилизаций Тойнби видит в действии двух механизмов. Первый механизм – это «Вызов - Ответ», представляющий собой ответную реакцию на внешние воздействия окружающей среды; второй – «Уход – Возврат», регулирующий характер отношений между творческим меньшинством, элитой, придающей импульс развитию общества, и большинством населения, обладающим способностью к подражанию и ассимиляции.

Распад локальной цивилизации наступает тогда, когда «Ответ» был дан неправильный, или элита отказалась отвечать.

д). Концепция Осевого времени немецкого философа К. Ясперса раскрывает реальность всемирной истории как особую стадию развития человеческого духа и как результат различных культур. В истории цивилизационного развития человечества Ясперс выделяет четыре узловые момента: 1) доисторический период, когда происходило становление человека; 2) великие исторические культуры древности (шумеро-вавилонская, египетская, доарийская культура долины Инда, архаический мир Китая), появление которых в трех областях мира означало начало человеческой истории; 3) «Осевая эпоха» (с 800 по 200 гг. до н.э.) как начало всемирной эпохи, когда независимые друг от друга и в разных местах (в Индии, Китае, Персии, Палестине, Древней Греции) возникают духовные движения, сформировавшие тип современного человека; зарождаются мировые религии и философия, способность к духовной рефлексии; «Осевое время» – это начало общей истории человечества, распадавшейся ранее на локальные культуры; 4) эпоха техники и переход к единой мировой истории.

Нелинейные концепции истории не акцентируют внимание на проблематике социального прогресса, видя именно в альтернативных моделях исторического развития позитивную сторону.

Тем не менее, прогрессизм смог возродиться и в настоящее время имеет достаточно сильные позиции, оформленные в цивилизационно-стадиальной модели линейной интерпретации истории.

4. Трансформация и модернизация в условиях переходного периода.

Трансформация и модернизация как основные типы социального изменения представляют собой содержательный аспект концепции индустриализации: модели семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. «Первичная» модернизация – это процесс изменений, осуществленный в эпоху промышленных революций. «Вторичная» модернизация – это процесс формирования индустриального общества в странах третьего мира в ситуации наличия образцов (центров индустриально-рыночного

производства) и возможностей прямых контактов с ними. «Вторичная» модернизация была представлена двумя образцами: советизация и вестернизация.

Современная концепция цивилизационного поворота как перехода от цивилизаций локального типа к глобальной цивилизации выдвигает идеал единого планетарного социоприродного комплекса, основанного на этно-культурном многообразии и полицентризме, где культурная гетерогенность мира является основой не только стабильности, но и эволюционного культурного потенциала человечества.

Глобализация очень сильно изменила статус и место модернизационных процессов, показав, вместе с тем, что классическая модернизационная теория уже не может эффективно и достоверно объяснять социальные реалии. Глобализация разрушила представления о единственности модернизационной теории, акцентировав основной вопрос о современности как завершенном или незавершенном проекте. Одни авторы, например З. Бауман, считают, что проект современности завершен, в результате чего общество стало квазиприродной реальностью, не управляемой обособленными индивидуализированными людьми. Другие, как Э. Гидденс, У. Бек, предполагают, что западная цивилизация вступает в этап «новой современности». Однако, несмотря на такие кардинально отличные установки, как первые, так и вторые философы и социологи полагают, что многогранность социальной реальности требует для своего понимания и объяснения новые, альтернативные варианты модернизационной теории. Более того, в современной ситуации экономического кризиса классические варианты модернизационной теории К. Маркса, Ч. Кули, Э. Дюркгейма и т. д. уже не в состоянии адекватно описать и объяснить происходящие социально-экономические и социально-политические трансформации в современных обществах.

Классическая модернизационная теория объясняла социальную динамику как переход общества от традиционной стадии развития к современной. При этом под традиционным обществом понимается общество, воспроизводящее себя на основе традиции и имеющее следующие характеристики: ориентация в организации социальной жизни на мифологические и религиозные представления; коллективизм; преобладание локального над универсальным; экономика сельского хозяйствования; авторитарность власти, циклическое развитие и др. Современное общество коренным

образом отличается от традиционного тем, что ориентируется на инновации; демократические институты; инструментальные ценности; массовое образование; преобладание универсального над локальным; персональную выделенность и индивидуализированность индивида; поступательное нециклическое развитие и др.

Можно выделить следующие типы модернизации. Первый тип представлен переходом западного общества от Средневековья к Новому времени, в результате чего сформировался тип инновационного органического развития, т. е. изменения происходили изнутри, органически, на основе собственных потребностей. Второй тип модернизации был осуществлен Россией и представляет собой неорганический догоняющий, мобилизационный тип развития, в который были вовлечены и другие страны, находящиеся на этапе доиндустриального развития. В качестве источника развития выступил Запад, чей пример модернизации воспринимался как эффективное решение отсталости и ускорения развития. К культурным предпосылками этого типа модернизации относится вера прозападных элит в социальный прогресс. Однако этот процесс догоняющей неорганической модернизации не был до конца завершен в силу объективных исторических реалий, таких, например, как октябрьская революция 1917 г. Третий тип модернизации – мобилизационно-инновационный был – осуществлен странами Юго-Восточной Азии. Реализация этого типа развития осуществлялась без радикального изменения идентичности, а источником развития с одной стороны послужил пример Запада и его вызов другим странам. С другой стороны – это внутренний источник, а точнее, поражение в войне и экономические проблемы. При этом типе развития духовные, культурные, семейные ценности не трансформировались, наоборот, они выступили основой для дальнейшего развития общества. Четвертый тип модернизации – это постколониальный тип развития, который был инициирован вызовом и примером Запада и реализован прозападными элитами стран третьего мира. Результатом таких модернизационных проектов часто становилось разрушение традиционного общества, так как духовные, культурные предпосылки развития отсутствовали.

В чем же заключается *критика классической теории модернизации*? Во-первых, в том, что в ней акцентируется линейность и одновариантность развития. Во-вторых, классическая теория признает за историей наличие логики и закономерности

развития, что в принципе лишает общество возможности выбора. В-третьих, это жесткая установка на социальный прогресс и возможность его реализации по заданному образцу. В-четвертых, классическая модернизационная теория не учитывает такой факт, как нелинейность развития и его многовариативность. Другими словами, эта теория представляет собой идеальный тип, искажение которого неминуемо при попытке его переноса на реальное социальное пространство. В силу этого, как попытки минимизации недостатков классической теории в середине 90-х гг. XX в. появились альтернативные теории модернизации, или постмодернизационные теории, основная черта которых заключается в их прагматизме и применимости к конкретным социо-культурным реалиям современных обществ. Остановимся подробнее на каждом *альтернативном типе постмодернизационных теорий*.

Одним из них является *транзитология*, сущность которой сводится к двум основным принципам: демократизация и маркетизация. В частности, в России и других странах СНГ осуществление этого проекта модернизации столкнулось с рядом проблем, например, противоречие между рационализацией производительных сил и традиционными национальными ценностями. Анархия как определенный тип свободы, во многом свойственная славянскому менталитету, обернулась в процессе модернизации в негативную форму индивидуализма, отрицающую не только власть, но интересы другого. Таким образом, анархизм становится идеологией жизни на уровне базового выживания. В результате такого конфликта ценностей, порожденного анархией, этот радикальный вариант модернизации привел к демодернизации, демократизация – к анархическому порядку. В силу указанных проблем проект транзитологии себя не оправдал.

Следующим типом постмодернизационной теории выступает *утилитаристский проект «хорошего общества»*, который представляет собой попытку «сконструировать» общество на основе соединения лучших черт, присущих разным обществам. Данный тип постмодернизационной теории возник в связи с исчерпанием доверия к радикальным проектам как нелиберальным, так и коммунистическим и каким-либо еще. Эта теория получила свое раскрытие в концепции Дж. Ролза, противопоставившего модель государства всеобщего

благоденствия, допускающую классовое неравенство, и не совсем четко прописанную модель демократического владения собственностью, это неравенство преодолевающего. «Хорошее общество» должно включать в себя все то позитивное, что уже есть в разных обществах: права человека, высокой уровень благосостояния, приемлемый социальный порядок и т. д. Вместе с тем возникает проблема критерия, нормы, позволяющей назвать общество именно так. Есть и другой «подводный риф» этой теории: при стремлении реализовать этот проект личностная установка индивида может выступить в качестве препятствия, что в целом ставит под удар все теоретические выкладки этой концепции.

В качестве постмодернизационной альтернативной теории выступает *концепция устойчивого развития*. Идеи устойчивого развития были заложены в концепции Римского клуба и получили развитие в конце 80-х гг. XX в. В данной концепции, не отрицая развития, были указаны опасности его форсирования, невозможность для окружающей среды выдержать биотические нагрузки, связанные с активной деятельностью человека. Однако призыв минимизировать потребности обернулся сохранением статус-кво для Запада, но не для отставших стран. В итоге богатые страны богатеют, а бедные беднеют, и убедить отстающие страны в том, что это так надо для сохранения окружающей среды, очень проблематично. То, что США не ратифицировали Киотский протокол, лишний раз свидетельствует, что концепция устойчивого развития работает, к сожалению, только на ограничение развития менее развитых стран, не затрагивая страны «золотого миллиарда».

Другой проект постмодернизационной теории выражен в *теории макдональдизации* как проявление нового типа рациональности, представленного в концепции американского социолога Дж. Ритцера. Под макдональдизацией Дж. Ритцер понимает «процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают определять все большее и большее число сфер как американского общества, так и остального мира... макдональдизация затрагивает не только ресторанный бизнес, но и образование, труд, здравоохранение, туризм, отдых, питание, политику, семейные отношения и виртуально каждый другой сегмент общества»⁵. Макдональдизация включает в себя следующие параметры: экономическая эффективность, калькулируемость процесса и результата,

⁵ Ritzer, G. The Mcdonaldization of Society / G. Ritzer. – Pine Forge Press, 2000. – P. 3.

предсказуемость последствий определенных действий и технологически оснащенный контроль за поведением. Социолог отмечает, что, будучи социально и культурно востребованным типом рациональности, эти социальные практики макдональдизации стали быстро распространяться. Например, пресса все более ориентируется на «макгазеты», т. е. аналитические статьи вытесняются краткой информацией. В сфере высшего образования возникают «макуниверситеты»: учебники все больше напоминают «мактексты», а творческие дискуссии заменены тестами. Отметим, что данная модель не подходит постиндустриальным обществам с высоким доходом на душу населения и устойчивой системой нравственных ценностей.

Медицинское обслуживание также дегуманизируется. Пациенты чувствуют себя элементами медицинского конвейера. Значительно увеличивается время затрачиваемое на всевозможные анализы и тесты, и минимизируется время, отводимое на общение врача и пациента. Многие лечения, особенно операции, предполагают конвейерные технологии, основанные на снижении затрат, но это может, соответственно, снизить и качество медицинского обслуживания, что особенно затрагивает беднейшие слои общества. Макдональдизируется зачатие. Многие люди ныне способны стать родителями благодаря технологиям, в которых собственно человеческий фактор сведен к минимуму. Макдональдизируется течение беременности и рождение ребенка и т. д. Во всех этих случаях рельефно прослеживаются эффективность, какулируемость, предсказуемость и контроль, однако наряду с этим имеет место и дегуманизация человеческих отношений, включенных в эти процессы — индивид становится как бы сторонним наблюдателем, суть чего Ритцер называет проявлением иррациональной рациональности. Приведенные и другие примеры иррациональной рациональности, разумеется, не предполагают утопию вернуться в уже не существующий мир традиционного общества с доминированием субстанциальной рациональности. Этими примерами Ритцер подчеркивает, что влияние макдональдизации на современный образ жизни весьма неоднозначно. Она повышает средний уровень жизни людей, предоставляет не отдельным индивидам, а массам возможность приобщиться к достижениям современной цивилизации.

Макдональдизация — это новая парадигма рациональности и будучи таковой она, несомненно, способствует развитию целерациональных действий, дисциплины,

формирует эффективные, предсказуемые и контролируемые поведенческие акты. Вместе с тем все формы макдональдизации в большей или меньшей степени имеют тенденцию низводить людей до простых экономических ресурсов, что, так или иначе способствует воспроизводству дегуманизации человеческой личности со всеми вытекающими отсюда непредвиденными последствиями.

С нашей точки зрения, наиболее адекватной и эффективной формой *развития белорусского общества* является выделенная С. Хантингтоном *локальная* или *национальная модель модернизации*, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Национальный в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам национального государства. Согласно такому утверждению получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации. Так, например, в доказательство этого утверждения С. Хантингтона приведем слова одного из крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадта, который убедительно показал, что в условиях глобализации находящийся в процессе трансформации Запад уже не может по-прежнему выступать универсальным образцом развития. Более того, каждое общество само решает, в каком типе модернизационного развития оно нуждается. В силу этого появляется множество модернизаций, складывающихся на локальном уровне⁶. Славянский мир вступил в третье тысячелетие раздробленным и обессиленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию. Поэтому наиболее важным в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент является формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или превращаются в «этнографический материал» для развития других цивилизационных центров развития. Вывод напрашивается сам собой: только в равноправном союзе друг с другом и некоторыми другими странами Евразии восточнославянские народы могут сохранить себя.

⁶ См.: Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // Daedalus. Winter. – Vol. 29. – № 1. – P. 4-30.

Таким образом, классическая теория модернизации рассматривает Запад как единственно возможный образец для модернизации других стран. При этом эмпирические несовпадения модернизаций других стран с западным образцом этой теорией трактовались как незавершенные или неуспешные проекты модернизации. Альтернативная концепция множества модернизаций и модель национальных локальных модернизаций рассматривает различия в модернизации разных стран как закономерный процесс и отрицает единый образец и путь развития. Именно поэтому в качестве наиболее адекватной и эффективной формы развития белорусского общества была указана локальная, или национальная, модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации и предполагающая для своей реализации консолидацию восточнославянских народов.

Тема 1.4 Развитие общества как цивилизационный процесс

1. Понятие и типы цивилизаций в истории общества. Особенности техногенной цивилизации, характерные черты и перспективы информационного общества.
2. Тенденции взаимодействия цивилизаций и проблема сохранения культурно-цивилизационной идентичности в условиях глобализации.

1. Понятие и типы цивилизаций в истории общества. Особенности техногенной цивилизации, характерные черты и перспективы информационного общества.

Современная социальная философия развивает *цивилизационный подход* к исследованию социальных и исторических явлений. Цивилизационный подход опирается на несколько основных значений понятия «цивилизация»: как синоним культуры (А. Тойнби); как определенная стадия в развитии локальных культур, характеризующаяся их деградацией и упадком (О. Шпенглер); как наиболее прогрессивная ступень развития общества (Л. Морган, Ф. Энгельс). Сущность цивилизационного подхода к социальной динамике заключается в анализе технико-технологических условий развития, социальных-этнических, социально-психологических особенностей различных регионов планеты.

Одна из наиболее распространенных типологий связана с выделением восточной и западной цивилизаций. *Основные черты восточной цивилизации*: традиционное общество; экстенсивный тип экономики; господство общинной собственности; подчинение общества государству, личности – общине; деспотическое государство; регуляция социальной жизни обычаями и традициями. *Основные черты западной цивилизации*: целенаправленный стиль мышления, ориентированный на конкретный результат и эффективность социальных технологий; стремление изменить мир и самого человека; установка на инновационный путь развития; гражданское общество с гарантией частной собственности и гражданских прав личности; стремление к установлению гармонии общества и государства.

Западный путь развития представлен, прежде всего, техногенной цивилизацией. Современная социальная философия использует наиболее общую классификацию типов западного общества: трехступенчатая классификация. Так, Р. Арон, Д. Белл, Ж. Фурастье, З. Бжезинский, О. Тоффлер и др. выделяет следующие

типы обществ: доиндустриальное (аграрное, традиционное), индустриальное и постиндустриальное. *Доиндустриальные, традиционные общества* имели экономику, основанную на первичном производстве (охота, собирательство), сельском хозяйстве и характеризовались консервативной социальной структурой, авторитарными формами культуры, синкретичным стилем мышления. *Индустриальное общество* возникло около 200 лет назад, когда аграрную цивилизацию сменила промышленная, в результате промышленной революции и связанного с ней быстрого и повсеместного вторжения техники во все сферы общества. Именно быстрое развитие техники стало главной детерминантой социально-экономического развития. В процессе возникновения индустриального общества создается крупное машинное производство, национальная система экономики со свободной торговлей и общим рынком, с фабричной организацией труда, символом которой является фабричная труба. Главными составляющими динамики индустриального общества становятся труд капитал, соответственно основным социальным конфликтом является противостояние между пролетариатом и капиталистами по вопросам собственности. С другой стороны свойственные традиционным обществам жесткие социальные рамки в процессе активной социальной мобильности в индустриальном обществе разрушаются, традиционные наследственные привилегии уступают место равенству возможностей, что приводит к расширению гражданских прав и демократизации общественно-политической жизни.

Термин «постиндустриальное общество» введен Беллом как понятие для обозначения реальной стадии цивилизационного процесса (с сер. XX в. по настоящее время). *Постиндустриальное общество* представляет собой этап исторического процесса, сменяющий собой этап индустриального общества. Становление постиндустриального общества приходится на 70-е гг. XX в., в нем основную роль играют не промышленность и производство, а наука и технология, соответственно характерными чертами становятся информационные технологии, информация и сфера обслуживания. Показателем степени экономического развития индустриального общества служит индекс производства стали, а показателем постиндустриального общества – процент научных и технических работников на общий объем рабочей силы, а так же объем затрат на научно исследовательские разработки. Индустриальное общество можно определить количеством производимых товаров, а

постиндустриальное – умением вырабатывать и передавать информацию. В концепциях постиндустриального общества (Д. Белл, А. Тоффлер и др.) акцентируется, что основным производственным ресурсом становится информация, основным продуктом производства – услуги, а место капитала занимают знания. Подчеркивается особая роль науки и образования, знания. Это общество нередко именуется обществом потребления (массовым обществом).

Главными векторами трансформации индустриального общества к постиндустриальному являются: 1) переориентация экономики от товаропроизводства к сервису; 2) доминирование наукоемких отраслей промышленности; 3) развитие нового способа организации технологической сферы, т. е. создание интеллектуальных технологий, делающих возможной метатехнологию как способ прогностического планирования контролируемого технического развития; 4) классовая дифференциация уступает место дифференциации профессиональной; 5) социальное противоречие конституируется не как конфликт между трудом и капиталом, а как конфликт между некомпетентностью и профессионализмом; 6) значимость приобретает знание и приоритетную роль начинает играть университет как социальный институт; 7) реорганизация культурной сферы и как ее результат – компьютеризация и ориентация на приоритеты образования и профессионализма.

Характерные черты и особенности постиндустриального общества:

а) экономика характеризуется тотальным производством и распространением информационных технологий, телекоммуникаций, вычислительной техники, т. е. информация становится важнейшим фактором экономического развития.

б) происходит децентрализация производства, повышение роли индивидуального интеллектуально труда, классовое деление уступает место профессиональному, а сфера услуг преобладает над сферой производства;

в) в социальной сфере возрастает социальная мобильность, усложняются социальные коммуникации, доминирует урбанизированный образ жизни, формируется виртуальная реальность;

г) в политической сфере общество характеризуется свободным движением информации, возникает демократия консенсуса, происходит децентрализация управления, формируются новые управленческие структуры и технологии (сетевые, горизонтальные);

д) в духовной сфере происходят изменения, касающиеся креативной деятельности человека, возникают новые формы духовности и системы ценностей, мозаика культурных и религиозных предпочтений.

е) в сфере управления доминируют информационные технологии, создается электронное правительство.

Популярной является модель общества, которую разработал канадский философ М. Маклюэн. Согласно ему, решающим фактором процесса формирования конкретного типа общества выступает смена технологий, порождающая смену способа коммуникации. Тип общества в значительной мере определяется доминирующим в обществе типом коммуникации, а человеческое восприятие – скоростью передачи транслируемой информации. По его мнению, создание новых технических средств носит революционный характер: от алфавита и письма к печатному станку, а затем и к электронным средствам коммуникации – таков путь развития общества. В силу этого в пространстве постиндустриального общества формируется и реализуется информационное общество.

Информационное общество – понятие, фактически заменившее в конце XX в. термин «постиндустриальное общество». В границах постиндустриального общества появляется новая отрасль – информационная экономика, быстрое развитие которой обуславливает ее контроль за сферой бизнеса и государства. Производство информации и коммуникации становятся централизованным процессом. Таким образом, основным ресурсом общества становится информация. Японский ученый Е. Масуда в своей концепции информационного общества предлагает новую утопию XX в., названную им как «компьютопия», в которой основой нового общества является компьютерная технология, которая способна замещать либо усиливать умственный труд человека, а информационная революция представляет собой новую производительную силу, что сделает возможным массовое производство когнитивной, систематизированной информации, технологии и знания. Все это в свою очередь позволит реализовать ценности времени, свободу решений и равенство возможностей, а также функциональные объединения, свободные от свехуправляющей власти. Однако не исключается и такой вариант развития информационного общества, при котором информация, став основным продуктом

производства, становится мощным властным ресурсом, что может привести к возникновению нового варианта тоталитарного государства.

Информационное общество сталкивается с такой проблемой как символическое или информационное насилие. В глобализирующемся мире государства вынуждены отстаивать не только территориальную целостность и независимость, но и свои символические универсумы, которые в информационную эпоху подвергаются «символическому насилию» со стороны различных форм культурной унификации. Символическое насилие осуществляется через давление и экспансию смысловых комплексов, что придает ему статус значимого фактора международных отношений. Так, современное информационное общество сталкивается с новыми проблемами: тотальностью насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики, прежде всего в пространстве социальных коммуникаций.

В информационную эпоху символическое насилие осуществляется в нескольких проекциях. Во-первых, в проекции исторической памяти, которая предстает как завершившийся проект, однако не свободный от идеологизированных трансформаций. Прошлое формирует проекции будущего, поэтому допустимо предположить, что тот, кто стремится изменить прошлое за счет насильственного внедрения в коллективную историческую память, пытается создать в будущем платформу для легитимации своей власти и своего диктата.

Во-вторых, для того, чтобы символическое насилие стало эффективным средством для легитимизации военной компании и нарушения суверенитета другого государства, достаточно определить «неудобный» режим в негативных или противоположных «правильному» словарю терминах.

В-третьих, символическое насилие является следствием дефицита, неполноты информации. В силу этого под символическим насилием понимается бессознательное подчинение власти посредством информационных технологий и иерархии ценностей, приобретающих само собой разумеющийся характер. Символическая власть и символическое насилие навязывают значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в их основе. Невозможность обладать полнотой информации приводит к доминированию в современном обществе именно такой скрытой силы, под властью которой индивид на веру принимает любую информацию. Символическое насилие в век информационных технологий

приобретает глобальные масштабы по своему воздействию на сознание людей, и, будучи воспроизведенным через систему социальных коммуникаций, масс медиа, увеличивает склонность индивидов к конформизму. Таким образом, информационное общество может столкнуться с такой опасностью, как фетишизация информации и знания, при которой значимыми становятся количественные, а не качественные параметры информации, товаров и услуг. Опасность фетишизации информации заключается в том, что информация, как и знание, в принципе не может быть полной; она может рассматриваться как таковая лишь применительно к конкретным обстоятельствам, в которых принимается то или иное решение.

В-четвертых, в информационном обществе символическое насилие получило эффективное средство для своего распространения: Интернет, который превращается не только в главный инструмент деятельности, информирования и образования, но также становится одним из главных средств вербовки, манипулирования и доминирования. Отсюда киберпространство современного общества предстает как конфликтная территория. С одной стороны Интернет способствует появлению нового глобального гражданского общества, строящегося посредством объединения в сеть общественных компьютерных сетей и гражданских объединений, с другой стороны ожидания того, что Интернет превратится в идеальный инструмент будущей демократии, пока не оправдываются. Деятельность правительства в онлайн-режиме предполагает не только открытость его действий и документов, но также и возможность граждан запрашивать информацию, требовать ответа и контролировать государственную власть. Однако на сегодняшний день правительства не стремятся к налаживанию реального взаимодействия. Наоборот, с распространением информационных технологий и с постепенным ослаблением национальных государств, становится жизненно необходимо для государственной власти сохранить за собой легитимное право на тотальный контроль как средство символического информационного насилия под эгидой защиты национальной безопасности. Отсюда одним из основных способов осуществления власти становится производство и распространение информации, культурных кодов, а также создание новых технологий контроля и раскрытия анонимности, ограничения приватности.

В-пятых, символическое насилие вызывает символическое сопротивление, что выражается в процессе отчуждения личности от комплекса собственных социальных

идентичностей и ослаблении воздействия традиции и обычаев. Больше уже не очевидно: положительным или отрицательным явлением выступают идентичность и культурная традиция. Этот конфликт на символическом уровне в глобализирующемся мире будет только усиливаться, что, в свою очередь, приведет к трансформации демократического государства в полицейское государство тотального контроля и террора. Разупорядочение, порожденное информационной эпохой, может привести к увеличению запретов и ограничений, а стремление «глобальных элит» придать статус всеобщности своим ценностям и идеям обеспечит символическое насилие легитимностью.

Таким образом, символическое насилие, распространяемое посредством информационных технологий, превращает наше существование в «электронный паноптикум», т. е. существование в условиях постоянного информационного контроля.

Важной особенностью информационного общества в процессе глобализации является его *сетевой и фрагментарный характер*. Полиструктурные трансформации, наблюдаемые в социальном пространстве с конца XX в., во многом детерминированы стремительным развитием новой формы общественной коммуникации – информационной сети. Сеть развивается стремительно, переходя от локальных пространств в глобальные, ее цифровой код, уже описавший все сферы социальной жизни, утрачивает роль средства, постепенно преобразовываясь в цель. Ускоряющаяся в геометрической прогрессии медиатизация становится основной чертой современного общества.

Данный процесс не есть что-то абстрагированное от реальности, его влияние на социальную структуру развитых стран очевидно. В нашей республике процессы хоть пока и менее заметны, но приобретают прогрессивный характер. Строительство Парка высоких технологий, развитие национального товарно-денежного обмена посредством электронных сетей, повсеместная информатизация социальной жизни, приведшие к разработке соответствующих нормативных правовых регуляторов, подтверждают реальность феномена « сетевого общества ». Поэтому, несмотря на то, что развитие сети как феномена новых коммуникационных технологий происходит в технической плоскости, ее влияние на трансформации социальных процессов и институтов очевидно. Все это дает основания современным социологам и философам

говорить о стремительном возрастании роли социальных сетей и обоснованно, хоть и осторожно, констатировать факт становления «сетевого» общества (*концепция сетевого общества М. Кастельса*). Концептуальное осмысление феномена сети М. Кастельса базируется на построении сообществ на основе сетевого индивидуализма. Он констатирует, что в силу новых коммуникативных возможностей, предоставляемых сетью, люди постепенно утрачивают ранее прочную связь с локальными сообществами. Если ранее социальная идентичность достигалась путем привязанности человека к месту жительства или профессиональному сообществу, то тенденцией современного общества является переход к более слабым экстерриториальным социальным связям.

Центральное понятие теории Кастельса – «сетевая структура», представляющая собой децентрализованную систему взаимосвязанных узлов, содержание которых зависит от характера социального взаимодействия, опосредуемого сетью. Связь и взаимодействие сетей определяется способностью к коммуникации на основе «кода», представляющего собой социальное содержание сети. С понятием «сетевого предприятия» Кастельс связывает происходящие социальные трансформации: замещение относительно жестких и вертикально ориентированных институтов гибкими и горизонтально ориентированными сетями, рост оперативности, мобильности и гибкости в сфере разделения труда, организации производства, движения-капиталов, деятельность самых разных социальных акторов в горизонтальных сетях, в корпоративных слияниях, в глобальных альянсах. Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что в XXI в. доминировать стали не локальные информационные обмены, а удаленные и опосредованные контакты, осуществляющиеся в распределенной коммуникационной среде. Если ранее сеть развивалась детерминированная потребностями социума, то сегодня само общество начинает развиваться по законам сети. Таким образом, медиализация общества, которую предлагают рассматривать в качестве детерминанты развития сети, определяется как продукт процесса опосредования сетью социального пространства. Экспансия сети в социальную среду подвергла общество трансформации, породила новые формы социальной организации, более мобильные и независимые. Значимость иерархических отношений уступает место значимости положения в системе сетевых связей. Сетевая парадигма существенным образом изменяет финансовые рынки,

корпорации, подвергает критике вертикальное управление, предоставляя обществу свободу информации и индивидуализируя социальную коммуникацию.

Пространство сетевого общества фрагментарно. Фрагментарность социальной реальности выражена в следующем: парадоксальное сочетание реального и виртуального; размывание центра и периферии; утрата целостного образа реальности, индивидуализированность множества субъективных конструкций реальности. Так, например, фрагментаризация реальности осуществляется посредством средств массовой информации, в частности, таким приемом как создание визуального образа в процессе мониторинга множества популярных газет или сканирование пакета TV-каналов, т.е. «зэппинг» (zapping) как результат быстрого переключения теле- или радио-каналов. В результате этого происходит наложение и совмещение друг с другом самых различных фрагментов транслируемых изображений, а значит и самой реальности. Целостный образ реальности возникает лишь на миг, он возможен только в определенном контексте, «здесь и сейчас». Момент «здесь и сейчас» предстает как случай, который нельзя по-другому выявить, не зафиксировав его как фрагмент. Фрагменты этого уже исчезающего образа целостности не имеют смысловой связи, то, что их объединяет – это сам миг переключения, перехода из одной смысловой реальности в другую.

Фрагментаризация как новый гибридный тип рациональности упорядочивает неопределенности, правда, до определенной степени, придавая ситуативному фрагменту реальности очертания целостного образа. Фрагментаризацию можно измерить в соответствии с критериями, предложенными М. Вебером для определения формальной рациональности. Так, под эффективностью фрагментаризации понимается оптимальный способ достижения прагматической цели, связанный с нарушением общепринятых правил за счет создания ситуативных норм. Такая позиция характерна для индивида общества постмодерна, видящего реальность как текст и извлекающего фрагменты из первоначального контекста и выстраивающего их заново так, чтобы они оказались вообще свободны от каких бы то ни было контекстов, приписывающих им смысловые коннотации. Калькулируемость предполагает подсчет возможных рисков и их параметры. Предсказуемость связана с сознательным принятием отсутствия принудительной каузальности. Именно поэтому в качестве конкретного осуществления фрагментаризации выступает техника

монтажа, предполагающая случайное комбинирование типичных социальных практик. Контроль не может осуществляться как прямой. Фрагментарная реальность представляет собой загадку, предполагающую множественность прочтений и интерпретаций, в силу этого контроль уступает место аллегорическому прочтению реальности. Таким образом, аллегория выступает единственным способом репрезентации истории и времени как катастрофы, как разрыва с ценностями и традицией. Поэтому фрагментаризация, выступая гибридным типом рациональности, проявляется только в моменты социального перехода и трансформации общества, ценностных ориентаций и выбора новых социальных практик. Только в силу этого она может оказывать общее рационализирующее влияние на социокультурное развитие современного общества.

2. Тенденции взаимодействия цивилизаций и проблема сохранения культурно-цивилизационной идентичности в условиях глобализации.

Происходящий сегодня процесс глобализации проблематизирует существование ценностей, например, нравственных, а также приводит к кризису личностной идентичности и самоопределению общества как культурно-этнической локальности. В традиционном обществе идентификация личности через механизмы социализации и воспитания была связана с отождествлением себя с определенной социальной группой, такой как семья, община и т. п., другими словами, личность имела изначальное предназначение, ее идентичность была предопределена, а значит, самой проблемы идентичности вообще не существовало. В эпоху модерна формируется другой тип процесса идентификации, предполагающий различение реального социального статуса индивида и представления о нем. Общество постмодерна и процесс глобализации связан с формированием нового типа - виртуальной идентификации, т. е. личность идентифицирует себя уже не столько с общиной или обществом в целом, сколько с постоянно сменяющимися друг друга группами индивидов, чья идентичность не обозначена и проблематизируема как реальность.

Характерной особенностью современной эпохи является *глобализация* всех сфер общественной жизни, представляющая собой такие социальные изменения в развитии современных обществ, которые заключаются в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, появлении новых

информационных технологий и в увеличении глобальной культурной связи между народами. Так, ссылаясь на определение глобализации, данное Э. Гидденсом, ее можно рассматривать как процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные в большей степени определяются локальными изменениями. Отсюда глобализация является комплексной тенденцией, затрагивающей не только экономические и политические, но культурные и информационные аспекты. Поэтому закономерно, что процесс глобализации приводит к трансформации ценностей тех или иных социальных групп, а значит, порождает противоречия и конфликты, среди которых особую значимость приобретает кризис идентичности. Под *кризисом идентичности* будем понимать несоответствие критериев самоидентификации и самоидентификации новому порядку вещей, неспособность дать ответ на вопрос: «кто я такой?».

Кризис идентичности проблематизирует самопонимание личности. В условиях глобализации человек находится в неведении как относительно ценностей, так и целей. З. Бауман метко определяет современного человека как «бродягу», для которого проблема состоит в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя от нее отказаться. Неопределенность и нестабильность приобретает фундаментальный характер, так как в современных условиях ни образование, ни профессия, ни собственность не делают человека защищенным от перемен в судьбе, более того, значимые, но недостижимые вещи человек заменяет менее значимыми, которыми можно управлять. Так идентичность предстает как суррогат сообщества.

Глобализация означает «конец больших социальных групп». Речь в данном случае идет об ослаблении национальных государств в результате развития глобальной экономики и политики. Прежний способ идентификации индивида через принадлежность к гражданскому обществу определенного государства теряет смысл в условиях двойного - тройного гражданства. Поэтому подлинная идентичность заменяется «гранфаллуном», что, по определению Э. Аронсона и Э. Пратканиса, представляет собой социальную идентичность, созданную на основе какого-либо несущественного, второстепенного признака, который объединяет определенную группу людей, вследствие чего со стороны эта группа выглядит как полноценная, но и

как бессмысленная (например, группы, образуемые в соответствии со знаками Зодиака). Таким образом, идентификация становится производной от потребления и потребляемого продукта, случайно выбранного стиля жизни, т. е. комплекса интегрированных социальных практик.

О «конце социального» в этом смысле говорит и Ж. Бодрийяр, отмечая, что люди перестают различаться по социальному происхождению или положению, основой же их дифференциации становятся потребляемые ими знаки. Другими словами, через употребление конкретных знаков человек уподобляется группе тех, кто эти знаки потребляет, и отличается от тех, кто данные знаки не потребляет. Более того, именно код контролирует, какие предметы люди потребляют и что они делают. Например, имея деньги, индивид может приобрести все, что захочет. Однако проблема заключается в том, что захотеть он может лишь только то, что хотят члены той группы, к которой он принадлежит. Таким образом, идентификация становится производной от потребления и потребляемого продукта, случайно выбранным стилем жизни. Потребность как бы элиминируется из современного общества: в обществе постмодерна люди не покупают то, в чем они нуждаются. Индивиды приобретают товары потому, что они являются символами власти, престижа, т. е. эти символы не столько удовлетворяют конкретные потребности, сколько служат знаками отличия, свидетельствующими о принадлежности к определенной группе. В современных условиях и моральные ценности переводятся в сферу социальных технологий успеха и вытесняются ценностями эстетическими. Так, например, погружение нравственного явления в контекст средств массовой информации может существенно изменять его природу, превращая в рекламный продукт, элемент пиара. Современные средства массовой информации манипулируют не только массовым моральным сознанием, но также и самими нравственными ценностями. С одной стороны, воздействие нравственных убеждений, несомненно, усиливается, если они продублированы в средствах массовой информации, но, с другой стороны, такая трансляция нравственных ценностей как информации изменяет их природу, содержательный контекст морали. В результате ценности в глобализирующемся мире приобретают проблематичность в связи с заменой морального политическим, экономическим или эстетическим отношением человека к миру.

Кризис идентичности неизбежно связан с изменением роли еще одной переменной – референтной группы. Идея референтной группы принадлежит Г.Хаймену и заключается в том, что индивиду свойственно различать свою реальную принадлежность к некоторой «группе членства» и принадлежность к *воображаемой* группе, куда он не входит реально, но ценности которой, а также, образцы поведения которой он принимает. Реальная и воображаемая группы – обе обозначают некоторый фокус идентификации. Разрыв между группой членства и референтной группой становится основанием для включения в процесс идентификации проблемы ценностей: чужая группа оказывается более позитивной, в частности потому, что ее система ценностей выглядит более привлекательной. Немалую роль в процессе такого рода «переноса» идентичности играют характеристики современной информационной среды, усугубляющие глубину кризиса. В этой связи возникает интерес к проблеме соотношения идентичности с референтной группой и с *виртуальной* группой, возможность которой предоставлена Интернетом.

Воздействие средств массовой информации и коммуникации на образ жизни современного человека приводит к тому, что основным источником производительности и власти становятся переработка и передача информации. Наблюдаемый сегодня сдвиг к информационным технологиям изменяет пространственно-временные характеристики общества и, как результат этого, изменяет содержание понятий суверенности и самостоятельности, которые давали идеологическую основу для идентичности. Становится важен сам обмен информации, а не ее содержание и нравственный контекст.

Кризис идентичности проявляется и в виде *социальной травмы*, под которой понимается разрушение оснований символов, смыслов и значений социальной реальности, обесценивание накопленных предшествующим жизненным опытом правил социальных действий. Такие события приводят к нарушению устоявшегося образа жизни, образа мысли и действий людей, способов принятия решений. Это означает, что травма заключается не только в ломке представлений о социуме и об индивидуальной судьбе отдельного человека, ломается также привычная стратегия поведения и действий. Дополнительный фактор социальной травмы – это возникновение особого рода страхов, распространяющихся в обществе. Все это

порождает растерянность, чувство «бездомности». Своеобразное проявление травмы – возникновение негативных идентичностей, когда целая группа рассматривается не просто как «другие» или «чужие», но как источник угрозы и опасности.

Одним из важнейших признаков глобализирующегося мира является риск и игра, в котором игра выступает ответом на непредсказуемость социальных практик современности, как средство, минимизирующее риск.

Основной характеристикой «общества риска» (У. Бек) является утрата прошлым своей детерминирующей силы для современности. Место прошлого занимает будущее, как нечто несуществующее, конструируемое, то, чего нет, но что еще может быть, а значит, переживаемое как шанс, счастливый случай, выигрыш или проигрыш. Такая установка на анализ причинно-следственных связей в обществе как недоказуемых (т. е. с точки зрения будущего) приводит к накоплению рисков.

Риски современного общества приходят в противоречие с социокультурными ценностями индустриального общества, что наглядно проявляется в стремлении к росту благосостояния, так как дальнейшее наращивание производства благ ведет к увеличению рисков. Конечно же, и в индустриальном обществе существование в определенной степени определялось ощущением риска. Однако новые риски, в отличие от традиционных, не привязаны жестко к конкретному месту и времени. Процесс глобализации отменяет эту жесткую фиксированность к географическим координатам. Теперь нет гарантий того, что если что-то случится там, то не «аукнется» здесь.

Такой тип современного общества З. Бауман (польско-американский социолог) определяет как *индивидуализированное общество*, в котором для человека существует только одна значимая задача – это разрешить проблему собственной идентичности в условиях небезопасности любого выбора. Проблема идентичности в современном хаотическом пространстве, в состоянии беспокойства «состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряла ценность». «Размывается» и нормативность в сфере морали, которая становится амбивалентной и противоречивой. Это не означает исчезновения морали, а предполагает возрастание значимости потребности «быть для другого». С другой стороны, ментальность современного общества не нацелена на

поиск абсолютных, окончательных истин. Новым стандартом истины становится ее относительность. Такая хроническая неопределенность жизненных стандартов ввергает человека в состояние беспокойства. «Бессилие, несостоятельность – вот название постмодернистской болезни, и это не боязнь приспособления, но неспособность приспособиться. Не ужас, вызываемый нарушением запретов, а террор полной свободы».

В индивидуализированном обществе ни заводы и фабрики в качестве массового промышленного труда, ни армия в качестве массовой воинской обязанности уже не выступают в роли основных институтов регламентации и поддержания порядка. Ныне основой массового объединения является не столько административный порядок и внешняя регламентация жизни, сколько обольщение и удовольствие. Отсюда человек предстает как «искатель и коллекционер чувственного опыта», а не как «производитель и солдат», он постоянно открыт для неизведанных ощущений и нового опыта.

Индивидуальность перестала быть «данностью», превратившись в индивидуальную задачу, решаемую каждым конкретным человеком. Если в традиционной форме проблема идентичности состояла для большинства в необходимости приобретения своего социального положения и его стабильного поддержания, то в индивидуализированном обществе стабильность заменяется умением приспособливаться к постоянно изменяющимся социокультурным реалиям. Отсюда ценным социальным качеством становится гибкость. Теперь прочность как постоянство связей между компонентами вредит приспособляемости к непредсказуемо меняющемуся миру. Поэтому все новые и новые попытки индивида определиться со своей идентичностью приводят к тому, что в глобальном обществе уместнее говорить о процессе *идентификации*, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельностью, в которую все мы по необходимости или сознательно вовлечены» (З. Бауман).

В индивидуализированном обществе одним из критериев стратификации становится распределение риска, как и благосостояния, по социальному принципу: богатство сосредотачивается в верхних слоях общества, риски – в низших. Например, рисков чаще и больше встречается в менее развитых странах.

Раз есть спрос на острые ощущения, значит, появится и предложение. Естественно, что у многих индивидов возникает потребность к духу страсти, счастливого случая и т. п. Происходит формирование «фоновых ожиданий», или игровых кодов. Но игра в современном обществе прагматична, определяется выгодой и пользой. Эту игру можно определить, используя такой термин российского философа и социолога С. А. Кравченко, как «играизация». Так, если игра – это фактор первичной социализации и обретения самоидентификации, то играизация может быть представлена как этап вторичной социализации, как фактор изменения самоидентификации, помогающий сделать выбор другой идентичности, если прежняя утратила свою значимость.

Под термином «играизация» здесь имеется в виду следующее: во-первых, это новая, формирующаяся парадигма рациональности, характерная для современных условий развития общества; во-вторых, это фактор конструирования и изменения социальной реальности. И в первом, и во втором случае играизация в современном обществе выступает как со знаком «минус», так и со знаком «плюс».

Играизация в современном обществе способствует производству новых товаров и услуг, в которых потребительская стоимость в значительной мере формируется игровой стоимостью, т. е. способностью вещи (услуги) удовлетворять потребность в страсти или счастливом случае. Играизация формирует у индивидов особые «фоновые ожидания», т. е. социально-культурные установки на те или иные действия, которые, как правило, не осознаются, но выступают механизмами социальной коммуникации между людьми. Таким образом, можно говорить о формировании игровых кодов, которые, так или иначе, задают параметры социальной практики. Так, например, люди начинают ориентироваться на приобретение товара, дающего счастливый шанс выиграть еще такой же или турпутевку. Играизация как фактор конструирования реальности трансформирует и политическую сферу общества, что приводит к возникновению виртуальных политических акторов, которые не ведут реальную борьбу за власть, а лишь производят игровые образы политики, снимая в определенный момент свою кандидатуру или выступая лишь фоном для основного кандидата.

3. Бауман в своей работе «Законодатели и интерпретаторы: о модерне, постмодерне и интеллектуалах» анализирует ментальности модерна и постмодерна.

Так, под «законодателями» он имеет в виду интеллектуалов с модернистским мышлением, для которых характерны авторитарные суждения, стремление выбирать между разными мнениями, вера в правильность и возможность доказать эту правоту, претензия на право выносить заключения о значимости идей, их моральной ценности. Такая позиция «законодателей» объясняется тем, что мир модернисты имеет четкую структуру, заданность параметров и измерений, а значит, можно дать оценку, соответствует ли он моральным параметрам или нет.

Что же касается «интерпретаторов», то это интеллектуалы с постмодернистским мышлением, характерным для современного общества. Соответственно, новая картина мира уже не имеет четких параметров и границ, нет линейки, с помощью которой можно было бы измерить его основные величины, не говоря уже об оценке моральности современных идей и событий. Раз современный мир утратил свои рамки, то «интерпретаторы» уже не могут претендовать на возможность выбора и на право давать всему свои оценки. Для «интерпретаторов» современного мира характерно другое: они делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом, т. е. ориентируются не на выбор «лучших» идей, а на возможность коммуникации между сообществами. Главная задача, которую они перед собой ставят, - это предотвращение искажения в коммуникации и понимании.

Как видим, играизация как фактор конструирования современной реальности выступает здесь со знаком «плюс»: играизация предполагает принятие амбивалентности как естественного положения вещей, что, в свою очередь, ведет к толерантности мышления. Утверждение толерантного мышления необходимо в современном обществе ввиду появления и сосуществования относительно самостоятельных многочисленных сообществ и групп, которые не всегда проявляют стремление к солидарности.

Однако играизация как новый тип рациональности выступает и со знаком «минус», проявляясь в виде иррациональности. Нет 100%-ной гарантии защиты от риска и непредсказуемости современного мира. Поэтому играизация часто выступает и как иррациональность. Участвуя в играизированной деятельности, человек может быть низведен до технического средства, что способствует дегуманизации человеческих отношений.

В условиях глобализации трансформируются социальные пространство и время, но также сохраняется потребность в локальной автономии. Изменение роли национального государства, появление транснациональных пространств не лишает людей национальной принадлежности. Стремление сохранить национальность можно назвать сакрализацией локального. В условиях глобализации это даже увеличивает интерес к локальным местам, явлениям. Размывание личностной идентификации в условиях глобализации компенсируется усилением этнического самосознания личности, которое в обществе постмодерна необязательно должно выражаться в тождестве языка и этноса. Само тождество этнического и языкового нельзя понимать узко, только как тождество этнического и вербального. Поэтому в настоящее время средством языкового воспроизведения этнической идентичности оказывается не только родная речь, но форма, стиль жизни, сфера повседневности.

Традиционной ячейкой идентичности для человека всегда была семья, и, несмотря на кризис ее традиционных форм и развития новых форм (У. Бек отмечает три возможных сценария будущего семьи: возврат к традиционной форме, уравнивание всех членов семьи по образцу мужчин, появление новых форм за пределами мужской и женской роли), она сохраняет за собой эту функцию. Поэтому, коль скоро оборотной стороной глобализации является укрепление локальностей разного рода, семья может рассматриваться как одна из них.

Основой сохранения локальной идентичности может выступить религия, в частности православие. Так, по мнению А. С. Панарина, такие характеристики православной цивилизации, как соборность, исключение подавления личности механическими коллективистскими схемами социальной практики, особая историческая миссия православной цивилизации и т. д., могут привести к обострению не национальной изоляции, а чувства общечеловеческой истории, формирования подлинной идентичности.

Семья, национальность, религия как сакрализация локального могут выступить основой идентичности, но не для всех. Возникает парадокс: в эпоху глобализации проблема идентичности заключается в проблеме достижения ее универсализации. Вариантом решения этой проблемы является «золотое правило нравственности»: относиться к другому так, как хочешь, чтобы он относился к тебе. Таким образом, правомерно утверждать, что глобализация вызвала кризис идентичности, но только от

сохранения локальных культур будет зависеть возможность воспроизводства ее сакрального уровня.

Кризис идентичности связан и с кризисом безопасности национального государства. Современный процесс становления нового миропорядка имеет тенденцию, как к интеграции, так и к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жестких разделительных линий. Если раньше основными элементами геоструктуры мира выступали национальные государства, то сегодня главную роль начинают играть региональные центры развития и силы, транснациональные корпорации. В силу этого логично предположить, что формирующийся новый миропорядок будет базироваться не на одной, а на нескольких дополняющих и соперничающих ценностных системах, что, в целом, обуславливает кризис безопасности национального государства.

Угроза безопасности проявляется в одной из главных черт глобализации – тенденции к интеграции разнообразия в единое целое, что, в свою очередь, приводит к упразднению государственных и национальных границ. В условиях глобализации национальное государство постепенно теряет все классические атрибуты собственного суверенитета. В результате экспансии определенных стандартов в культурной сфере отдельное государство утрачивает монополистический статус – позицию единственного субъекта, который обеспечивает и удерживает собственную стандартизованную национальную культуру среди своего населения. Иными словами, глобальная культура, характеризующаяся унификацией мировой культуры, охватывает все процессы культурного взаимодействия на транснациональном уровне. Не случайно, конечно, что эта глобальная культура оказывается зачастую вылепленной по американскому образцу. Здесь можно сослаться, например, на доминирование космополитического стиля CNN в мировых информационных программах, продукции Голливуда в мировом кинематографе и т. п. Важно иметь в виду, что формирующаяся глобальная культура имеет весьма мало общего с национальными культурами.

Кроме того, в экономической сфере с увеличением глобальной взаимозависимости, государство больше не располагает ресурсами, достаточными для того, чтобы строить свою политику независимо от ситуации на мировом финансовом рынке. В результате для любого отдельного государства главной задачей

становится создание благоприятного инвестиционного климата. Многие современные государства, стремящиеся к благополучному развитию и процветанию, самым ходом развития мировой экономики обречены на политику «открытых дверей». Это означает сокращение или «сжатие» экономического суверенитета национального государства. Действительно, в условиях глобализации вместо национальных государств ключевыми субъектами глобальной экономической деятельности становятся крупные транснациональные корпорации, такие международные экономические организации, как МВФ, Всемирный банк, ВТО и т. д.

Риски, связанные с угрозой безопасности, проявляются в процессе реализации различных националистических проектов. В сложившихся новых условиях национализм демонстрирует свою живучесть и конкурентоспособность. Это обусловлено, прежде всего, тем, что, в противовес ожиданиям наступления кардинально новой фазы развития человечества, в ходе глобализации проявляется все больше негативных последствий как экономического, так и социального характера. Предоставляя существенные преимущества и выгоды наиболее развитым странам, для подавляющего большинства населения планеты глобализация остается ощутимой лишь благодаря своим разрушительным и катастрофическим последствиям. Именно глобализация является причиной оживления этнического национализма, часто обладающего конфликтогенным потенциалом. В связи с этим современная активизация национализма выглядит как ответная реакция на установление нового мирового порядка в условиях глобализации и часто наблюдается сочетание антиглобалистской критики с националистической риторикой.

Таким образом, безопасность нашего общества и государства в глобализирующемся мире зависит от формирования современного, так называемого «ноосферного» мировоззрения, системы новых гуманистических знаний и ценностей, благодаря которым открывается возможность формулировать продуктивные ответы на вызовы и риски современной цивилизации и трансформации насилия и войны.

РАЗДЕЛ 2. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУКИ

Тема 2.1 Наука как важнейшая форма познания в современном мире

1. Понятие науки. Наука как деятельность, социальный институт и система знания.
2. Формы рефлексивного осмысления научного познания. Основные проблемы философии науки.
3. Научное и ненаучное познание. Специфика паранаучного знания; критерии демаркации научного и паранаучного знания.

1. Понятие науки. Наука как деятельность, социальный институт и система знания.

Наука – специфическая форма познавательной деятельности, направленная на достижение нового объективного знания, которое осуществляется научным сообществом в конкретных социокультурных условиях. Таким образом, уже в определении понятия наука объясняется одновременно с различных сторон – как деятельность, совокупность знания и как социальное явление (социальный институт).

Наука как вид деятельности направлена на производство знаний о природе, обществе, человеке. Непосредственной целью научной деятельности является постижение истины и открытие объективных законов человеческого и природного мира на основе обобщения реальных фактов. К специфическим особенностям научной деятельности относятся: рациональность, объективная истинность, логическая обоснованность, системность, эссенциальность (т.е. направленность на постижение сущности изучаемого объекта), опережение практики⁷, общезначимость (для научного знания не существует национальных, сословных, конфессиональных границ), наличие специфического языка науки и научных средств (приборы, инструменты и т.д.).

Язык науки формируется в ходе развития науки. Он создается на базе разговорного языка, однако выражения разговорного языка часто неточны,

⁷ Как писал лауреат Нобелевской премии по химии 1909г. Вильгельм Фридрих Оствальд: «Наука — это искусство предвидения. Вся ее ценность в том, в какой мере и с какой достоверностью она может предвидеть будущие события. Мертво всякое знание, которое ничего не говорит о будущем, и такому знанию должно быть отказано в почетном звании — наука» - в кн. Оствальд, В. Великий эликсир/ В.Оствальд - М., 1923,с. 16.

метафоричны и не позволяют однозначно формулировать научные положения и обоснования. Соответственно наука не всегда может использовать разговорный язык для своих построений, впрочем, как и не всегда возможно использовать формализованный язык (язык символов, формул и т.д.), т.к. для большинства наук (например, биология, медицина, гуманитарные науки) формализованное описание не будет передавать специфику и многозначность изучаемого объекта. Именно поэтому каждая наука формулирует свои понятия, термины, выражения, которые составляют специфику ее научного языка. При этом говорить о едином языке науки возможно только с позиции его характеристик – таких как четкость, максимальная однозначность понятий, логическая выстроенность и минимальность⁸.

Научную деятельность характеризуют и такие особенности как универсальность (для определенного среза действительности) и уникальность (инновационность). Обязательными условиями научной деятельности становится соблюдение таких социально-этических критериев как личностность или персонифицированность (понимаемые как индивидуальность в науке, личностный подход к решению проблем и т.д.), и, в тоже время, коммуналность, что отражает сущность научного творчества как «сотворчества», т.е. рождение нового знания через партнерство, дискуссию, диалог. И, наконец, еще одной важнейшей особенностью научной деятельности является демократичность. Истинная научная деятельность неотделима от свободомыслия, конкурирующих идей, открытой конструктивной критики, постоянного обсуждения идей, гипотез, теорий и их обоснований.

Предложенная совокупность характеристик, безусловно, не является полной, поскольку каждая эпоха развития науки уточняет, развивает и совершенствует понятие научной деятельности.

Наука меняется в своем развитии прежде всего под влиянием социума, однако «базовые» приоритеты и специфические черты научной деятельности остаются «каркасом», определяющим науку как самостоятельное явление культуры и специфический вид человеческой деятельности.

Наука как совокупность знаний рассматривается в ракурсе информации (системы информации) о мире, человеке, обществе и т.д. Научная информация,

⁸ Идею построения единого (формализованного) языка науки рассматривали в начале XX века представители неопозитивизма, однако на практике это оказалось утопией в силу принципиальной разницы изучаемых объектов и способов их описания различными науками.

характеризующаяся как объективная и общезначимая, должна удовлетворять критериям научности – историческим, логическим, прагматическим, а также этическим (биоэтическим).

Исторические критерии научности сложились в ходе развития научного знания и во многом пересекаются с специфическими особенностями научной деятельности. К историческим критериям научности относится рациональный характер знания, доказательность знания (или полученной информации), проверяемость знания на опыте и ее эмпирическое обоснование⁹, объективность и интересубъективность знания (стремление к получению знания достоверного, свободного от субъективных оценок и трактовок), системность и т.д. Группа «исторических» критериев научности не является «застывшей» - дополняется, изменяется и совершенствуется в ходе развития научного знания.

Логические критерии научности предполагают построение научного знания в соответствии с законами логики. Это, по сути, основания рациональности знания, которые достигаются через соответствие логическим законам тождества, непротиворечивости, исключенного третьего¹⁰, а также связаны с соблюдением логических правил делений (классификаций), определений, построений логических выводов, требования независимости исходных аксиом и т.д.

Прагматические критерии научности характеризуют научное знание через простоту и инструментальную эффективность. Современная трансформация идеи прагматичности осуществляется за счет внутренней связи прагматичности (как практичности, функциональности) и эстетичности (красоты, гармонии, изящества). Подобные идеи развивали еще древнегреческие философы, а затем и современные ученые (Эйнштейн, Дарвин, Дирак, Дойч и др.), рассматривая влияние «красоты» (гармоничности) теории или идеи на ее функциональность, простоту, соответствие истине. Взаимосвязь прагматических и эстетических критериев научности знания

⁹ Требование эмпирического обоснования характерно прежде всего для классического этапа развития науки, но не всегда реализуемо в науке современного этапа – например, исследования в области квантовой физики.

¹⁰ **Закон тождества** основывается на том, что мысль, зафиксированная в определенном языковом выражении, несмотря на все возможные преобразования, должна оставаться тождественной сама себе в пределах конкретного рассуждения (не меняйте и не подменяйте понятия в одном рассуждении!). **Закон непротиворечия гласит**, что два несовместимых друг с другом суждения не могут быть одновременно истинными; как минимум одно из них ложно. По сути, этот закон запрещает утверждать и отрицать одно и то же одновременно. **Закон исключенного третьего:** «tertium non datur» («третьего не дано»). Отражает требование к мыслительному процессу: если в одном из двух выражений что-либо о предмете утверждается, а во втором отрицается – одно из них обязательно истинно.

подразумевает связь функциональности с простотой, минимализмом, гармоничной системностью, изяществом, красотой.

В современную эпоху опора исключительно на объективные критерии без учета ценностного подхода тормозит развитие научного знания, опираясь на устаревшие приоритеты безусловной ценности науки, прогресса и антропоцентризма над индивидуальной человеческой личностью, социумом, природой. Сегодня для любого типа научного знания, а особенно для знания медицинского и биологического, которое непосредственно связано с Жизнью в разных ее проявлениях, необходимо к вышеперечисленным критериям научности добавить и биоэтические критерии. В их основе – следование принципу «благоговения перед жизнью» А. Швейцера, который выражается в уважении Жизни (во всех ее проявлениях), стремлении нести добро и благоденствие, не разрушая; а так же следование принципам «не навреди», принципам ответственности за все живое, природу, ответственности перед будущими поколениями и др.

Биоэтические критерии научности – это отражение важнейших принципов и установок на сохранение жизни и преумножение ее многообразия. Следование биоэтическим критериям в биологии и медицине становится сегодня абсолютно необходимым и для выживания человека на планете, для сохранения всего живого. Биоэтическая составляющая современного научного знания отражает необходимость наряду с логичностью, эффективностью и методологической выверенностью, обращать внимания на цели научного знания (как краткосрочные, так и долгосрочные), на актуальность поставленных проблем, минимизацию вреда и риска в ходе исследований и испытаний и др.

С точки зрения совокупности знаний наука образует единую, взаимосвязанную, развивающуюся систему. В рамках этой системы можно выделить множество отраслей знания (частных наук), которые различаются между собой тем, какую сторону действительности они изучают. В зависимости от специфики изучаемого объекта существует, например, классификация наук на естественные, социально-гуманитарные и технические. Естественные науки изучают природу, социально-гуманитарные – жизнедеятельность человека и общества, а технические – «искусственный мир» как специфический результат воздействия человека на природу. Достаточно распространены в современном знании и такие классификации

как деление на фундаментальное и прикладное, эмпирическое и теоретическое знание.

Впрочем, любая классификация наук на современном этапе развития знания будет неполной и противоречивой. Во-первых, в силу многоаспектности и сложности изучаемых объектов, во-вторых вследствие того, что границы между отдельными науками и научными дисциплинами условны, подвижны, «размываются» в результате неразрывной связи между собой изучаемых объектов.

Наука как социальный институт предполагает рассмотрение науки во взаимосвязи с обществом. Существовая в обществе, наука, развиваясь, создает различные коллективы – организации, объединения, институты и т.д., деятельность которых направлена на выполнение конкретных задач связанных с ответом на поставленные временем вопросы, создание новых технологий, организацию деятельности ученых и т.д. Развитие науки как социального института связано с формированием системы научных учреждений, а также же научных сообществ, в которых формируются различные социальные связи, утверждаются этические правила, регулирующие научный поиск. Наука как социальный институт объединена социальными и моральными нормами (этические нормы научного знания), кодексом научного труда, что позволяет воспринимать ученых как относительно замкнутую, профессиональную группу с собственными интересами, а также ресурсами, финансами, инструментарием, формальной и неформальной системой коммуникации и т.д.

В развитии науки как социального института можно выделить несколько этапов. Начало процессов ее институализации – XVII век, когда появляются первые сообщества ученых и оформляется статус науки. Второй этап институализации науки – XIX – нач. XX века, когда происходит соединение науки и образования, обществом осознается экономическая эффективность науки, а прогресс общества связывается с внедрением научных знаний в производство. Начало третьего этапа в функционировании науки относится к середине XX столетия: в связи с развитием высоких технологий изменяются формы трансляции знания, а предвидение последствий внедрения научных результатов становится социально необходимым.

Взаимоотношения науки как социального института и общества имеет взаимовыгодный характер: наука получает поддержку со стороны общества и, в свою очередь, дает обществу то, что необходимо для его прогрессивного развития.

Таким образом, наука – достаточно сложное многогранное явление, характеризующееся как спецификой и значимостью получаемой информации, особенностями и приоритетами научной деятельности, так и способами организации и самоопределения в социуме.

2. Формы рефлексивного осмысления научного познания. Основные проблемы философии науки.

Осмысление научного познания осуществляется в рамках разных областей знания.

Прежде всего, это собственные (внутридисциплинарные) исследования науки. Например, история науки, логика науки, психология науки, этика науки и др., где «изнутри» формируется знание об особенностях научной деятельности, научного дискурса, научного творчества, специфике методологии научного знания и т.д.

Не менее значима так называемая «наука о науке» – науковедение. Это – междисциплинарная исследовательская область, в рамках которой осмысливается структура, динамика науки, ее взаимосвязь с другими социальными институтами, изучается алгоритм научной деятельности, формируется статистика «прироста» научного знания и т.д.

Особенное значение для осмысления науки имеет философия, поскольку феномен науки наиболее ярко отражает связь личность– природа– социум, что, по сути, и является объектом философского знания. Так, гносеология (философское учение о познании) и эпистемология (философское учение о знании), рассматривают науку в контексте развития познавательных процессов и претворения их в практической деятельности, изучают понимание истины в науке, реконструируют феномен научного знания и его динамику. Философия науки (направление социальной философии) стремится изучить феномен науки в его целостности, взаимовлияние науки и социума, взаимосвязь науки с другими формами культуры, рассмотреть роль личности и коллектива в науке. Философия науки (философия и методология науки) рассматривает также вопросы методологии научного знания:

разработку, интерпретацию и особенности применения базовых методологических принципов, законов, правил в науке.

Особенное значение для осмысления феномена науки, специфики научной рациональности, развития научного знания, имеет одно из направлений философии XIX – XXI вв. – философия позитивизма. Позитивизм (и его направления) посвятил свои исследования изучению «позитивного» (научного) знания. Особенно интересны с точки зрения осмысления науки концепции неопозитивизма, логического позитивизма, постпозитивизма – идеи Б.Рассела, Л.Витгенштейна, К.Поппера, П.Фейерабенда, Т.Куна, И.Лакатоса и др.

Рассматривая развитие изучения науки в 20-21 вв. целесообразно проследить динамику приоритетов в исследовании научного знания и деятельности.

Так, в первой трети XX ст. наряду с классическими проблемами истины (научной истины), более всего исследователей науки интересуют вопросы логики научного исследования, создания единого языка науки. Это объясняется, прежде всего, социальными изменениями в статусе науки: развитием процессов интернационализации внутри научного сообщества, когда принадлежность ученых к одной стране теряет прежнее значение и формируются предпосылки для создания «научного сообщества». К числу важных вопросов осмысления науки можно отнести также изучение проблемы причинности (детерминизм и индетерминизм), рассмотрение соотношений классической и квантово-релятивистской картины мира и др.

Во второй трети XX ст. приоритетными вопросами при осмыслении научного знания и деятельности становятся возможности и границы эмпирического обоснования научного знания, проблема теоретической нагруженности опыта, а также вопросы психологии открытий, роста научного знания, метатеоретических оснований науки.

Последняя треть XX ст. и начало XXI века в изучении/осмыслении феномена науки ориентируются на вопросы изучения научной рациональности (классическое, неклассическое и постнеклассическое понимание научной рациональности), рассмотрение эпох кардинальных трансформаций науки, новых методологических возможностей науки, мировоззренческих, в том числе этических (биоэтических) проблем науки. Огромное значение в осмыслении современного научного знания

придается изучению перспектив и тенденций сближения предметных областей наук, методологических стандартов естественных и гуманитарных наук.

3. Научное и ненаучное познание. Специфика паранаучного знания; критерии демаркации научного и ненаучного знания.

Познание мира может осуществляться в самых разнообразных формах – наука, философия, религия, миф и т.д. Каждая форма познания предполагает свои особенности, методы, специфику. Особенность науки состоит в том, что она стремится максимально объективно и беспристрастно (насколько это возможно в познании), рационально отразить сущность и особенности окружающего мира, человека. Однако, рядом с наукой, претендуя на принадлежность к ней, всегда находится знание, не отвечающее полностью критериям научности. Такое знание можно назвать паранаучным¹¹ или околонучным, псевдонаучным. На протяжении всей истории развития науки рядом с ней неизменно движется паранаука, которая периодически может даже выходить на передний план в духовной жизни общества. Паранаука – форма познавательной активности, возникающая как альтернатива или дополнение к существующим видам научного знания. Паранаучные образования различны по своей природе, часто выполняют противоречащие функции – от положительного влияния на развитие науки до полного ей противостояния. Многие паранаучные идеи (например, астрологические, парапсихологические и т.д.) становятся влиятельной социальной силой и порождают изменение эмоциональной атмосферы в обществе.

Наиболее влиятельные направления паранауки – лженаука, вульгарная наука, околонучная экзотика.

Лженаука сознательно (но иногда и по заблуждению) основывается на лжи, ошибках, подтасовке фактов. Ей свойственны как содержательные ошибки в изложении/обосновании идей, так и ошибки логические. Часто лженаука проявляется в некорректности проведения экспериментов (натяжки, «подтасовки», сумбур), некорректном использовании экстраполяции¹². Распространенный метод подачи

¹¹ От греч. «рага» – возле, при.

¹² Экстраполяция здесь как распространение выводов, полученных из наблюдения над одной частью явления – на другую, или на систему в целом.

информации в лженауке – «логика бессмысленного»¹³. Лженауке зачастую свойственен дилетантизм и самомнение, отсутствует побуждение к проверке своих концепций на согласованность с устоявшимися знаниями. Примером лженауки может служить френология (австр. врач и анатом XIX в. Ф.Й. Галль установил связь между психическими характеристиками личности и анатомическими особенностями черепа или «рельефом» мозга), соционика (идея литовского экономиста и психолога А. Аугустинавичюте о существовании 16 социотипов, которых можно отождествить с известными личностями), уфология, «фольк-хистори» (альтернативная история, направление в современной исторической литературе, связывающее научное знание и вымысел; ориентирована на коммерческий успех, не связана строгими нормами научного исследования. Фольк-хистори характеризует случайность подбора исторических источников, погоня за сенсацией и пр.) и др.

«Вульгарная» наука связана с «огрублением» и чрезмерным упрощением научного знания (например, лысенковщина в агробиологии). Вульгаризация науки допускается там, где ощутимо стремление к точке зрения, которая диктуется не самой наукой, а внешними по отношению к ней причинами (идеология, социальный заказ и т.д.). Вульгарная наука зачастую стремится к редукционизму, ее построения характеризуются несистемностью, упрощением действительности, нередко использует идеологические оправдания.

Околонаучная экзотика в целом не соответствует признакам научности (например, парапсихология, хиромантия, астрология, нумерология, криптозоология, криптоботаника и др.). Здесь как правило утверждается, что скрытые универсальные принципы, которым подчиняются загадочные и необычные явления в природе и жизни общества открываются только избранным. Проверить высказываемые околонаучной экзотикой идеи (предсказания) как правило, невозможно, либо для этого необходим значительный промежуток времени. Кроме того, околонаучная экзотика не ориентирована на объективность знания, приоритетом здесь становится не столько знание, сколько вера, убежденность, роль авторитета.

Необходимо помнить, что паранаука имеет множество проявлений, чаще всего ее «продукты» не выступают «в чистом виде», а переплетаются между собой.

¹³ В любом научном контексте столько символов, что сделав любое допущение можно без труда подобрать к нему множество примеров.

Особенный статус в рамках паранаучного знания имеет *девиантная наука*. Девиантная наука развивается внутри научного сообщества, рассматривая объекты, которые находятся «на обочине» господствующих научных направлений, или использует методы, отличающиеся от общепринятых (например, гелиобиология А.Л. Чижевского). Идеи (гипотезы) девиантной науки по мере их обоснования, развития и востребованности знания социумом могут трансформироваться, переходя из статуса девиантного знания к знанию основополагающему (примером может служить воображаемая геометрия Н.И. Лобачевского).

Таким образом, в некоторых случаях можно поставить знак равенства между девиантной наукой и наукой переднего края. Последняя занимается исследованием наиболее сложных и загадочных вопросов, пользуется нестандартной методикой и принципиально новыми технологиями для организации исследовательской деятельности. В науке переднего края акцентируются такие свойства как информативность, нетривиальность, эвристичность и, одновременно, ослабляются, лишаются радикальности требования точности, строгости, обоснованности. Это связано с тем, что главное предназначение науки переднего края – находить и отрабатывать альтернативы, «проигрывать» возможности, расширять горизонты науки, одним словом – генерировать новое. Наука переднего края зачастую руководствуется иными ценностями и нормативами, нехарактерными для данного этапа развития научной деятельности, ей свойственен риск, стремление к ревизии устоявшегося и даже тяга к противоречию.

Следует учитывать, что многие формы паранаучного (псевдонаучного) знания в современном мире становятся все более востребованными, поэтому нельзя преуменьшать их роль в развитии процесса познания. В реальном познавательном процессе наряду с рационально-дискурсивными, имеют колоссальное значение и различные внерациональные компоненты (такие, как интуиция, фантазия, творческое воображение, вера и др.) Именно они позволяют трактовать процесс познания мира как не сводящийся исключительно к научным формам его постижения, значительно расширяя понятие рациональности и границы принятых в науке форм познания. Эта идея неоднократно осмысливается в философии постмодернизма (например, у Ж. Лиотара). Согласно Ж. Лиотару, сегодня объективная реальность «противится» человеческому разуму, который уже не может артикулироваться как всемогущий, мир

не вмещается в теоретические схемы; по мнению философа нужно решительно отказаться от строгой классической логики – новая логика должна быть «эластична» и подчинена эмоциональной выразительности, отказаться от строгой всеобщей детерминации и признать, что истина вообще не является целью научного исследования¹⁴.

Вследствие активного распространения паранаучного знания, его массовизации и, как следствие, частичной профанации знания научного, перед исследователями сегодня остро встал вопрос о демаркации научного и ненаучного знания. Демаркация между наукой и паранаукой производится, прежде всего, на основании критерия достаточной обоснованности знания (научное знание в отличие от ненаучного включает логически обоснованную, систематически выведенную, отчетливо выраженную всеобщую истину). «Научность» истины (научность факта/положения) напрямую связана с рациональностью обоснования. Прежде всего, это предполагает доказательность, аргументированность, обоснованность, непротиворечивость, статистичность, воспроизводимость, естественность, причинно-следственную связность и т.д. Таким образом, научное знание (научная истина/факт) должны отвечать критериям научности.

Основанием для выявления паранаучного знания может служить нерациональное истолкование изучаемых феноменов, отсутствие «наукоемкости» представляемой информации (отсутствие научного языка, научного построения информации и т.д.). В ряде случаев паранаучное знание разоблачается с помощью логики, рассмотрением фактологии или проведением эксперимента

В современном научном сообществе косвенным критерием научности считается публикация результатов исследований в рецензируемых научных изданиях, а также включенность в различные научные базы данных и индексы цитирования. Впрочем, такая практика, несмотря на ее распространенность, только отчасти подтверждает научную принадлежность рассматриваемых идей. В данном контексте нельзя не учитывать человеческий фактор, факты недобросовестности и некомпетентности, проблему цензуры и межличностных отношений в науке,

¹⁴ Лиотар Жан-Франсуа «Состояние постмодерна» полностью/Жан Лиотар– [электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://booksonline.com.ua/index.php?author=%D0%9B%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%80%20%D0%96%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%B0>

«погоню» за увеличением индекса цитирования и числом публикаций, а, с другой стороны, четко осознавать грань между паранаучной информацией/выводом и научной ошибкой.

Важно отметить также 2 методологических принципа научности знания, которые могут служить критерием различения наука – паранаука, разработанных в философии позитивизма. Первый из них — это принцип верификации, утверждающий, что если какое-либо понятие или суждение сводимо к непосредственному опыту, т.е. эмпирически проверяемо, то оно имеет смысл (неопозитивизм). Различают непосредственную верификацию, когда происходит прямая проверка утверждений, и косвенную верификацию, когда устанавливаются логические отношения между косвенно верифицируемыми утверждениями.

Более сложным является принцип фальсифицируемости знания, сформулированный К. Поппером (постпозитивизм). В соответствии с этим принципом научным может считаться только принципиально опровержимое (фальсифицируемое) знание. Давно известно, что никакое количество экспериментальных подтверждений не является достаточным для доказательства теории, поэтому ученый должен направлять все свои силы не столько на поиски дополнительного экспериментального доказательства сформулированной им гипотезы или теории, а на попытку опровергнуть свое утверждение. Критическое стремление опровергнуть научную теорию является наиболее эффективным путем для подтверждения ее научности и истинности. Критическое опровержение выводов и утверждений науки является важнейшим источником ее развития.

Еще одно косвенное свидетельство научности знания – стремление идти вперед, не боясь ошибки. Только истинная наука не боится ошибиться и признать свои прежние выводы ложными. В этом — сила науки, ее отличие от псевдонауки, которая лишена этого важнейшего свойства. Соответственно, если какая-либо концепция при всей ее наукообразности утверждает, что ее невозможно опровергнуть, отрицает саму возможность иного истолкования каких-либо фактов, то это свидетельствует о том, что мы скорее всего столкнулись не с наукой, а с пара- или псевдо- наукой.

Тема 2.2 Наука в ее историческом развитии

1. Проблема начала науки. Античная и средневековая протонаука.
2. Оформление дисциплинарно-организованной науки в культуре эпохи Возрождения и Нового времени.
3. Понятие научной рациональности. Классический, неклассический и постнеклассический этапы в развитии науки.
4. Современная наука. Функции науки в индустриальном и постиндустриальном обществе.

1. Проблема начала науки. Античная и средневековая протонаука.

Научное знание возникает на базе жизненно важных представлений, сложившихся в процессе длительных наблюдений и практического опыта многих поколений людей, т.е. на базе так называемого «житейского опыта». Решающее значение в процессе возникновения научных знаний имело осознание реальности того, что предпосылкой и гарантом успешных действий в окружающем мире является объективная истинность и логическая обоснованность обыденного (житейского) знания. Стремление людей свои представления о мире привести в соответствие с реальностью, сделать их как можно объективными и обоснованными, в конечном итоге и привело к возникновению науки.

Проблема определения начала формирования науки до сих пор является дискуссионной. Существуют различные точки зрения, обосновывающие период становления (начала) научного знания. Среди них – идея становления науки, формирующейся в «уме взрослого дикаря» (Г. Спенсер) – т.е. фактически с момента возникновения человеческого рода; а также идея зарождения науки в цивилизации Древней Греции (П. Гайденко). Наиболее обоснованной можно считать концепцию, рассматривающую формирование науки в Европе в конце XVI – начале XVII в. (что связано с формированием фигуры ученого, рационализацией основных принципов и специфики научного знания, первичной институализацией науки).

Длительный период формирования основ научного знания, предшествующий созданию собственно науки, определяется как протонаучный. Протонаука (или преднаука) зарождается в рамках древнегреческой культуры и развивается вплоть до конца XVI столетия. Внимания заслуживает определение условий становления

протонауки. Для ее возникновения необходимо создание предпосылок рационального познания действительности, что изначально связано со стремлением общества к новациям, дискусионности, установкой на доказательность высказываемых мнений, а также с разделением труда, установкой на логическую и фактическую обоснованности знания. Обоснованность и рациональность знания противоречит сложившейся в древних Восточных культурах установке на рецептурность знания: «делай как я», опираясь на опыт предшественников, при этом понимание прироста и развития знаний здесь связано с обращением к мудрости предков и принятием ранее высказанных идей.

Стремление к инновационности, обсуждениям и плюрализму впервые формируется в древнегреческой культуре, что дает основание предполагать, что именно в античной Греции сформировались предпосылки перехода от мифологического к протонаучному осмыслению мира.

Сложившаяся в античной Греции полистная демократия породила необходимость выступлений, развития риторики, ораторского мастерства и, как следствие, логического обоснования и отстаивания своего мнения. Огромный вклад в становление рационального видения мира внесли философские концепции осмысления мира элеатов, Демокрита, Платона, Аристотеля и др. Становление доказательности знания дополняется опытом работы с идеальными объектами (объекты – мыслительные конструкции), итогом чего стало формирование первых протонаучных концепций в математическом знании (Пифагор, Евклид, Архимед), медицине (Гиппократ), истории (Геродот) и др. Таким образом, в античной культуре начали формироваться условия становления научной рациональности как способности разума выстраивать логически обоснованные, структурированные и достоверные цепочки знания. Безусловно античная рациональность еще не может быть названа последовательной, всеобъемлющей; теории античных мыслителей абстрактны, умозрительны, не всегда логичны, практически не опираются на опытное познание и эксперимент, однако можно считать, что фундамент научной рациональности заложен уже в культуре Античной Греции.

Средневековая культура, несмотря на смещение акцентов в сторону религиозного осмысления мира (в Европе – христианство, на Востоке – распространение Ислама), неявно продолжает развивать античные традиции

пронаучного осмысления мира. Изначально ориентируясь на символическое (через религиозные образы) и теологическое осмысление мира, средневековые философы и исследователи вновь обращаются к античной культуре доказательства и дискуссий, что характерно, например, для философии схоластики. Развиваясь от обсуждения псевдофилософских проблем (поиски философского камня или решения псевдобогословских вопросов) к протонаучному опыту и эксперименту, осуществляемому изначально в практике магии и алхимии, средневековая культура продолжает развитие протонаучного знания.

Значимый вклад в становление опытного знания и культуры научной дискуссии внесли и первые средневековые европейские университеты XI – XII вв. (Оксфорд, Болонья, Париж). Среди имен, наиболее значимых для будущего развития науки, следует назвать таких средневековых мыслителей как Р. Бэкон (философия и алхимия), Н. Кузанский (математика), У. Оккам (логика), Парацельс (медицина), И. Буридан (математика) и др. Впрочем, несмотря на значительные успехи в формировании логических обоснований действительности и ее опытного познания, внутренняя неоднородность и противоречивость знания этого периода, иррациональное объяснение мира и т.д. не позволяют говорить о сложившейся системе научного знания в Средневековой Европе.

2. Оформление дисциплинарно-организованной науки в культуре эпохи Возрождения и Нового времени.

В эпоху Возрождения (XIV-XVI вв.) начинается новый этап развития протонауки. В этот период в обществе возрождается интерес к античным знаниям, в том числе развивается переосмысление античной рациональности. При этом акцент в изучении природы, в отличие от античности, сделан не на наблюдениях и их умозрительных истолкованиях, а скорее на опытах и экспериментах.

В этот период в западноевропейской истории и культуре происходят поистине эпохальные перемены. В наиболее развитых странах начинается рост городов, развитие ремесел и мануфактурного производства, что способствовало разложению феодализма, становлению движения реформации, формированию новой протестантской этики. Натурфилософия Возрождения обосновывает тезис изучения природы как книги познания, данной человечеству Богом. Большое значение для

освобождения от средневековых религиозных установок познания имеет распространение в философии идеи пантеизма с его центральной идеей «Бог во всем, Бог есть природа». Благодаря идеям гуманизма Возрождения человек воспринимается уже как один из важнейших объектов познания, признаются его способности в постижении-понимании мира.

Судьбоносными для становления науки достижениями позднего возрождения становятся:

- разрушение геоцентрической картины мира, создание натуралистической модели космоса и рождение гелиоцентрической концепции (Г. Галилей, И.Кеплер, Н.Коперник, Дж. Бруно);
- соединение абстрактной натурфилософской традиции познания мира с ремесленно-технической и опытной его разработкой;
- изучение и обоснование методологии познания (методологии эмпирического познания – в работах Ф. Бэкона, Дж. Локка, а также рационально-дедуктивной методологии познания в работах Р. Декарта, Б. Спинозы и др.

Таким образом, создание методологических, в т.ч. опытных основ познания, подготовленное периодом развития протонауки, формирование новой картины мира к концу XVI века позволяет говорить о создании основ классического научного знания, рождении науки как феномена культуры. Научное знание распространяется в обществе, изменяя представление о мире (от гелиоцентрической система Коперника к классической механике Ньютона). К дополнительным факторам, свидетельствующим о формировании собственно науки, относится ее первичная институализация – в к. XVI – начале XVII в. можно говорить о появлении в структуре общества фигуры ученого, формировании основ научной коммуникации, оформлении научных центров (в ведущих европейских университетах). Таким образом, к началу эпохи Нового времени свершившаяся великая интеллектуальная революция знаменует начало классического этапа развития науки.

3. Понятие научной рациональности. Классический, неклассический и постнеклассический этапы в развитии науки.

Рациональность как важнейшая характеристика человеческой деятельности (мысли) может рассматриваться как целесообразность, конструктивность, логичность,

«выстроенность» мысли – одним словом, как опора на разум в любой деятельности (включая мыслительную). В познании рациональность проявляется как творческая способность человека моделировать и рефлексировать реальность в системе и посредством понятийных мыслительных конструкций. Таким образом, рациональность это своего рода сформированная способность обобщенного, опосредованного и сущностного постижения действительности, выраженного в вербально-понятийной форме.

Научная рациональность рассматривается как разновидность рациональности, обладающей специфическими характеристиками: это совокупность правил, норм, образцов научно-познавательной деятельности, обеспечивающих научную истинность результата познания. Основные требования научной рациональности: 1) ориентация на объективность, устранение из содержания знаний субъективного, эмоционального и ценностного моментов; 2) системность, придающая знанию выводной характер; 3) универсальность и независимость формулируемых наукой положений от конкретных обстоятельств; 4) доказательность любых выдвигаемых положений; 5) языковая определенность, четкость и однозначность терминологии; 6) методологическая определенность – использование только тех методов, приборов и других средств познания, которые считаются адекватными данной научной дисциплине; 7) организованный критицизм как стремление к проверке и установлению границ истинности любых выдвигаемых положений. Конкретизация этих требований зависит от особенностей научных дисциплин. Необходимо отметить, что в целом научная рациональность не остается неизменной на всем протяжении развития науки: ее требования содержательно и формально изменяются в соответствии с трансформацией предметов изучения, приоритетов, целей, а также в контексте прирастающего знания и ценностей, постулируемых обществом. В исторической динамике науки, начиная с XVII столетия обобщенно можно выделить три основных этапа эволюции научного развития, каждому из которых соответствует свой тип научной рациональности, специфическая картина мира, способ соответствия социальным ценностям и установкам.

1 этап – классическая наука (в двух ее состояниях – додисциплинарная и дисциплинарно организованная наука) охватывает период, ограниченный двумя научными революциями – с начала XVII столетия и до середины XIX столетия.

Классический тип рациональности центрирует внимание только на объекте исследования и «выносит за скобки» все, что относится к субъекту и средствам познания. Характеризует этот этап механистическая картина мира и преимущественное рассмотрение изучаемых объектов как малых систем (механических устройств), где свойства целого полностью определяются состоянием и свойствами его частей.

2 этап – неклассическая наука – развивается с конца XIX века (его становление связано с третьей глобальной научной революцией конца XIX века) вплоть до середины XX столетия. Для этого этапа характерна «цепная реакция» революционных перемен в различных областях знания (в физике – открытие делимости атома, становление релятивистской и квантовой теории, в космологии – концепция нестационарной Вселенной, в химии – квантовая химия, в биологии – становление генетики и т.д.). Создаются кибернетика и теория систем, сыгравшие важнейшую роль в развитии современной научной картины мира. Неклассической рациональности свойственна идея взаимосвязи (относительности) объекта исследования и средств и операций исследования. Идея исторической изменчивости научного знания, относительной истинности, вырабатываемых в науке онтологических принципов соединяется в этот период с новыми представлениями об активности субъекта познания. Возникает понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом постановки наших вопросов, который зависит от исторического развития средств и методов познавательной деятельности. В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, в неклассической науке допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждой из них может содержаться момент объективного знания.

3 этап - постнеклассическая наука – начал формироваться уже в середине 20 столетия, развитие этого этапа продолжается и сегодня. В последней трети 20 столетия происходят новые глобальные изменения в основаниях научного знания, которые можно охарактеризовать как четвертую глобальную научную революцию, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука. Интенсивное применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, революция в

средствах хранения и получения знаний (компьютеризация, дорогостоящих приборные комплексы) меняют характер научной деятельности. Специфику постнеклассической науки определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знаний. Объектами современных междисциплинарных исследований становятся уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Постнеклассическая рациональность учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. В целом, постнеклассическое научное познание рассматривается в контексте его социального бытия – как особая часть жизни общества, детерминируемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками.

В естествознании первыми фундаментальными науками, столкнувшимися с необходимостью учитывать особенности исторически развивающихся систем, были биология, астрономия и науки о Земле. В них сформировались картины реальности, включающие идею историзма и представления об уникальных развивающихся объектах (биосфера, метagalaktika, земля как система взаимодействия геологических, биологических и техногенных процессов). Идеи эволюции и историзма становятся основой синтеза картин реальности, вырабатываемых разными науками XX – XXI вв. Среди исторически развивающихся объектов современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые в качестве компонента включен сам человек (например, медико-биологические и экологические исследования). При изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегий практического преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности (в этой связи трансформируется идеал «ценностно-нейтрального» исследования). Объективное описание и исследование «человекообразных» объектов не только допускает, но и требует включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Конкретным механизмом для этого служит социально-гуманитарная и экологическая экспертиза крупных научно-технических программ. В процессе такой экспертизы под углом зрения гуманистических ценностей и решения глобальных проблем анализируются возможные последствия реализации программы. Таким

образом, техногенная цивилизация вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска.

В целом, развитие науки происходит *остенсивным* (постепенное накопление знаний) и *интенсивным* (научная революция) путем, причем последний играет в науке решающую роль, т.к. смена исследовательских установок, программ приводит к качественному изменению научного знания. Таким образом, развитие науки представляет собой единство поступательного и скачкообразного процессов (постепенное накопление фактов, научных знаний и «скачки», связанные с новыми открытиями, производящими существенные изменения и даже переломы в системе научных знаний). В результате научных революций происходит коренная ломка устаревших идей, целостных теоретических систем и предлагаются новые гипотезы и теории, формирующие парадигмальные установки научного развития. По мнению Т. Куна научная революция представляет собой период распада господствующей парадигмы, конкуренцию между альтернативными парадигмами и, наконец, победу одной из них, т.е. переход к новому периоду «нормальной науки» (период спокойного остенсивного развития научного знания, когда безраздельно господствует установившаяся научная парадигма).

4. Современная наука. Функции науки в индустриальном и постиндустриальном обществе.

Важным этапом для развития науки становится формирование индустриального общества¹⁵. В этот период потребности научного развития являются главным стимулом для развития общества, в котором наука постепенно приобретает статус важнейшей производительной силы.

Важнейшей функцией науки в индустриальном обществе является мировоззренческая функция. Крупные научные открытия этого периода, формирование новых теорий оказывают серьезное воздействие на культуру общества, ведут к ломке сложившихся стереотипов и установок восприятия социального и природного мира. Так, например, открытая Ч. Дарвином теория эволюции и

¹⁵ Индустриальное общество - тип общества, которое достигло такого уровня общественно-экономического развития, при котором наибольший вклад в стоимость материальных благ вносит добыча и переработка природных ресурсов, а также промышленность. Индустриальное общество развивается в XIX – XX вв.; в отличие от традиционного, динамично прогрессирует, источником его развития является научно-технический прогресс.

происхождения человека в результате естественного отбора способствовала пересмотру устоявшихся представлений о месте человека в природном мире, заложила основы эволюционного подхода как к развитию человека, так и природы в целом.

Постиндустриальное общество – новая, более высокая ступень развития, сменяющая стадию индустриального общества. Началом этапа постиндустриализма можно считать последнюю четверть XX века, однако постиндустриализм начинает формироваться только в наиболее технически и технологически развитых странах. Основной чертой постиндустриального общества является формирование компьютерно-технологического уклада производства, для которого характерно производство преимущественно посредством «знаний и информации». Фундамент постиндустриального общества составляют наукоемкие и ресурсосберегающие технологии (например, микроэлектроника, телекоммуникации, робототехника, биотехнологии и др.); особое значение в эпоху постиндустриализма имеет процесс информатизации, последняя становится важнейшей социальной технологией и пронизывает все сферы жизни общества.

В 1990-е и 2000-е годы «Большую науку» поразил структурный кризис, в результате которого оказались закрытыми многие многообещающие проекты в сфере науки. Так, в 1990-е годы правительства ведущих западных держав произвели корректировку приоритетов национальной научно-технической политики, осуществив сдвиг от практики реализации крупных государственных проектов в сторону помощи частному сектору в совершенствовании применяемых им технологий. Это связано с достижением основных задач военно-стратегического характера, с последующим прекращением «холодной войны», а также с актуализацией в связи с обостряющейся конкуренцией производителей высокотехнологических товаров на мировом рынке проблем внедрения, коммерциализации и распространения новых технологий. В итоге происходит заметное повышение роли частного сектора в проведении НИОКР, большая часть которых ориентирована на прикладные исследования и разработки, что отчасти вывело науку из «опеки» государства в рыночный сектор.

Наряду с традиционными типами научно-исследовательских центров в этот период также формируются «гибридные» формы, которые создаются для сокращения

разрыва между результатами традиционных фундаментальных исследований, проводимых в университетах, и потребностями национальных промышленных производителей.

В последнее время повышается роль как внутрифирменных научных структур (лабораторий, исследовательских центров и т.д.), так и их конгломеративных внефирменных структур и образований, к которым относятся интеграционные формы становящейся системы «образование – наука – производство». Особый интерес представляет такая форма интеграции науки и материального производства, как «научные парки», распространенные в США и Западной Европе, «технополисы» в Японии.

Мировоззренческая функция науки в постиндустриальном обществе приобретает новое звучание. Научный прогресс приводит к тому, что система научных знаний становится не только обязательным условием успешного развития экономико-технологической сферы, но и обязательным элементом грамотности и образования любого человека. Современное общество заинтересовано в том, чтобы научные знания стали достоянием каждого человека, ибо они рационализируют его отношения с окружающим миром, позволяют довольно четко сформулировать собственную мировоззренческую концепцию. По этой причине изучение комплекса наиболее важных научных достижений, даже в самом обобщенном и доступном виде, является обязательным атрибутом социализации личности, происходящей в процессе среднего, а затем и высшего образования. Научные знания играют важную роль в государственном управлении общественными процессами, помогают планировать стратегию развития общества, осуществлять экспертную оценку различных социальных проектов.

Технологическая функция науки в постиндустриальный период также приобретает социальное звучание. Огромное воздействие научно-технических достижений на общество остро ставит вопрос об их социальных последствиях, ибо далеко не все они оказываются благоприятными и предсказуемыми. Инновационная творческая деятельность, обусловленная во многом потребностями постоянного прогресса и социального развития, становится преобладающим типом социального действия. Всякое новое изобретение рассматривается как желательное, признается в

качестве социальной ценности. Это в свою очередь ставит новые задачи перед системой образования, призванной формировать социально активную личность.

Еще одна функция науки – рационализация человеческого поведения и деятельности – также тесно связана с социумом и социальным знанием, реализуясь благодаря достижениям в области социальных наук – психологии, экономики, культурной антропологии, социологии и др. Благодаря успехам этих наук стало возможным создание и распространение многочисленных социальных технологий – рациональных схем и моделей поведения, с помощью которых деятельность человека приносит более эффективные результаты (например, научный менеджмент и маркетинг, образовательные технологии, политехнологии, доказательная медицина и т.д.).

Тема 2.3 Структура и динамика научного знания

1. Эмпирический уровень научного знания. Научный факт – основа эмпирического исследования.
2. Теоретический уровень научного исследования. Проблема и гипотеза. Понятие научной теории и ее функции.
3. Метатеоретические основания науки: научная картина мира, идеалы и нормы научного знания, философские основания науки
4. Диалектика развивающейся науки. Кумулятивные и антикумулятивные теории научного прогресса.

Научное познание как процесс представляет собой поступательное движение – от незнания к формированию целостного объективного представления о предмете изучения. Началом этого процесса может стать сформулированный вопрос (проблема), или случайное наблюдение, требующее внимательного изучения и обобщения. Методология науки объясняет процесс научного познания как состоящий из 3-х уровней, которые взаимосвязаны и одинаково важны для формирования объективных научных данных, гипотез, теорий и их обоснования.

Основные уровни научного познания:

- эмпирический (уровень, с которого начинается постановка и изучение научного вопроса/проблемы; на этом уровне происходит набор фактического материала, почерпнутого из опыта и его первичное обобщение);
- теоретический (здесь обрабатываются, осмысливаются и преобразуются данные, полученные на эмпирическом уровне; реализуется научное обобщение фактического материала, выдвижение гипотез и их обоснование, формирование теорий, законов и их доказательство);
- метатеоретический (уровень, который продуцирует начало научного исследования и задает его стандарты; метатеоретические основания «пронизывают» исследование на всем его протяжении и в конечном итоге, позволяют «вписывать» новое знание в сложившийся социокультурный контекст).

1. Эмпирический и теоретический уровни научного знания. Научный факт – основа эмпирического исследования.

Эмпирический уровень познания принято считать «базовым» для всего процесса научного исследования. На этом уровне исследуемый объект изучается преимущественно со стороны своих внешних связей и проявлений, происходит набор количественных данных и их первичное обобщение. Кроме того, эмпирический уровень научного познания предполагает описание наблюдаемых и экспериментальных данных, их систематизацию, классификацию и иную первичную фиксирующую деятельность.

Здесь происходит процесс накопления информации об исследуемом объекте путем наблюдения, выполнение разнообразных измерений и проведения экспериментов, первичная систематизация получаемых данных и формулирование некоторых простых эмпирических закономерностей. Переход от данных наблюдения к эмпирическим зависимостям предполагает элиминацию из наблюдений содержащихся в них субъективных моментов. Так, изучение конкретных клинических случаев, описание реакций систем организма на различные препараты, наблюдение и фиксация зависимостей взаимодействия организма и окружающей среды и т.д. являются характерными примерами эмпирических исследований в биомедицинском знании.

Основной формой эмпирического уровня научного познания является **научный факт**, своеобразная точка отсчета в познании. Становление факта – длительный и внутренне амбивалентный процесс, поскольку научным фактом признается не всякий результат, а только тщательно выверенный, объективный, полученный на основании научно разработанных методов (методик). Чтобы прийти к знанию, выступающему в форме факта, необходимо множество исследовательских операций и процедур, а также их последующая статистическая обработка. Непроверенные факты, факты «фантазийные», субъективные, надуманные и т.д. могут стать основанием для спекуляций, сомнительных выводов, заблуждений и даже создания лженаучных теорий.

Важнейшие характеристики научного факта – достоверность и инвариантность. Достоверность научного факта проявляется в том, что он воспроизводим и может быть получен путем новых экспериментов, проведенных в иное время.

Инвариантность научного факта заключается в том, что он сохраняет свою достоверность независимо от многообразных интерпретаций.

Простейшие формы обобщения фактов — систематизация и классификация, осуществляемые посредством их анализа, синтеза, типологии, использования первичных объяснительных схем. Большинство научных открытий (например, теория происхождения видов Ч. Дарвина, периодическая система элементов Д.И. Менделеева) были бы невозможны без предварительной работы ученых по систематизации и классификации фактов.

Важнейшими функциями научного факта являются – стимулирующая (стимул к поиску новых данных и создание обобщений), проверочная и стабилизирующая (например, набор достаточного количества подтверждающих фактов обеспечивает достоверность и статистичность информации).

Более сложными формами обобщения фактов являются *эмпирические гипотезы и эмпирические законы*, раскрывающие устойчивую повторяемость и связи между количественными характеристиками исследуемых объектов. Эмпирические законы, как правило, выражают регулярную и необходимую связь между свойствами или отношениями эмпирических объектов (например, между температурой тела и его размерами; реакцией пищеварительной системы на введение определенного препарата и т.д.)

Необходимо отметить, что эмпирический уровень научного познания невозможно рассматривать обособленно от теоретического. Научный факт как основная форма эмпирического уровня научного познания изначально «теоретически нагружен» и не является «чистым» эмпирическим знанием. Во-первых, формирование фактов и их первичное обобщение происходит на основе определенных теоретических установок (зачастую в русле уже сложившихся научных гипотез и предположений). Академик И.П. Павлов отмечал, что прежде чем изучать явление, надо иметь предварительную идею, на которую можно было бы «цеплять факты»¹⁶. В такой ситуации ученый не свободен от субъективизма восприятия, что отразится в конечном итоге и на формируемых фактах. Субъективность восприятия должна быть максимально элиминирована из научного исследования, поскольку

¹⁶Ноздрачев, А.Д. Илья Цион и Иван Павлов: учитель и ученик (к 150-летию со дня рождения академика И.П. Павлова)/ А.Д. Ноздрачев, А.Т. Марьянович// Вестн. РАН. - 1999. - Т. 69, № 9. -С. 813–823.

получаемые на эмпирическом уровне факты становятся базисом для построения и обоснования научной гипотезы и теории. Однако в реальности субъективизм исследователя в научном познании полностью исключить невозможно.

Во-вторых, связь эмпирического и теоретического уровней подтверждается и тем, что научные факты (их фиксация, подбор) зависят от методологии и методик проведения исследования. Например, изначально заложенные теоретические ошибки (например, ошибки в компьютерной программе статистической обработки данных) могут привести к искажению фактов, формированию некорректных эмпирических закономерностей и, следовательно, повлечь за собой дальнейшее построение гипотезы или теории на ошибочном материале.

В-третьих, зависимость эмпирического и теоретического уровней научного познания проявляется в использовании на обоих уровнях специфического научного языка, «выстраивающего» мышление исследователя, общелогических методов мышления (таких, как аналогия, дедукция, индукция, анализ и синтез и т.д.), обобщающей все исследование единой научной проблемы и т.д.

Таким образом, эмпирический и теоретический уровни познания взаимосвязаны, граница между ними условна и подвижна. Эмпирическое исследование, выявляя с помощью наблюдений и экспериментов новые данные, стимулирует теоретическое познание, ставит перед ним новые более сложные задачи. С другой стороны, теоретическое познание, формулируя и обобщая знания, открывает новые горизонты для эмпирического познания, ориентирует и направляет его, способствует совершенствованию его методов и средств.

Наука как целостная динамическая система знания не может успешно развиваться, не обогащаясь новыми эмпирическими данными, и не обобщая их в системе теоретических средств. В развитии науки эмпирическое и теоретическое тесно связаны, поэтому недопустимо абсолютизировать один из уровней научного исследования (эмпирический или теоретический) в ущерб другому.

2. Теоретический уровень научного исследования. Проблема и гипотеза. Понятие научной теории и ее функции.

Теоретический уровень научного познания характеризуется преобладанием рационального момента. На теоретическом этапе ученый наряду с обобщением

эмпирических данных выделяет и формулирует всеобщие универсальные связи, причинно-следственные отношения, выстраивает классификации и определяет понятия. Главным итогом теоретического уровня познания становится формирование научных проблем (которые и задают впоследствии направление эмпирического исследования), выдвижение и обоснование гипотез, а также построение научных теорий.

Научная проблема – вопрос, задача, формулируемые в процессе научного познания. Проблема не является застывшей формой знания, в процессе изучения она может видоизменяться (например, сужаться или расширяться), уточняться, переформулироваться и т.д. Четкая формулировка научной проблемы, как считает большинство исследователей, – это уже половина успеха научной работы, т.к., во-первых, ученый четко понимает, что, и в каком масштабе он рассматривает, а, во-вторых, сама формулировка научной проблемы уже содержит в себе «подсказку», указывающую, где или как нужно искать недостающее знание. Формулируя научную проблему, молодые ученые часто сталкиваются с неумением выделять из массива накопленной информации главное и второстепенное, что напрямую влияет на точность и качество постановки вопроса, а также на последующую работу по подбору и селекции фактического материала.

В методологии науки рассматривается понятие «избыточной» информации, которая сама по себе не является ложной, но является излишней при рассмотрении изучаемого вопроса. *Избыточная информация* подразделяется на релевантную и нерелевантную. *Релевантная* – совместима с условиями задачи, имеет непосредственное отношение к изучаемому объекту исследования, однако является излишней (например, тавтологии, эквивалентные выражения, равнозначные понятия, «далекие» следствия проблемы) – все это «запутывает» исследователя, неоправданно увеличивая объем изучаемой информации. *Нерелевантная* информация вообще несовместима с условиями поставленной задачи; это – истинные, но лишь косвенно относящиеся к поставленной проблеме факты, не связанные с изучаемым вопросом подробности и т.д. Такая нерелевантная информация называется также «шумом», поскольку отвлекает исследователя от решения проблемы, нередко «уводит» его в сторону и «размывает» рамки научного исследования.

Нельзя не отметить, что чем шире поставленная проблема и неопределенней конечная цель, тем шире пространство возможностей решения, больше вероятность непредвиденных открытий и «находок». Такая парадоксальность в постановке научных проблем достаточно хорошо известна в науке. Обращаясь к истории науки, целесообразно отметить вклад в ее развитие так называемых «мнимых» проблем (например, поиски философского камня или эликсира молодости), которые сами по себе выходят за рамки научного дискурса, однако в процессе решения их фиксировались неожиданные связи, наблюдения, появлялись новые знания и даже научные открытия¹⁷.

Гипотеза – это предполагаемое решение проблемы. Как правило, гипотеза является предварительным, условным знанием о закономерности в исследуемой предметной области или о существовании некоторого объекта. Главное условие, которому должна удовлетворять гипотеза в науке, – обоснованность.

К критериям обоснованности гипотезы относят такие условия как:

- принципиальная проверяемость гипотезы (принципиальная возможность опытным путем проверить истинность положений гипотезы, даже если наука сегодняшнего дня еще не располагает техническими средствами для опытного подтверждения её идей);
- совместимость гипотезы с фактическим материалом, на основе которого она выдвинута, а также с утвердившимися теоретическими положениями;
- «приложимость» гипотезы к достаточно широкому классу исследуемых объектов.

В дополнение к вышеназванным критериям следует обозначить принцип фальсифицируемости научного знания (принципиальная опровержимость научной гипотезы/теории), выдвинутый в философской методологии К. Поппера. В контексте принципа фальсифицируемости свидетельства (доказательства и обоснования), подтверждающие гипотезу, принимаются только тогда, когда безуспешны попытки фальсификации.

По своему характеру гипотеза может быть как выдвижением принципиально нового положения (революционирующая гипотеза) или модификацией уже известных законов и расширения их действия на другие области знания. По

¹⁷ «Спутник» мнимых проблем получил название «поризм» (греч). Такие «продукты великих ошибок» нередко имеют самостоятельное значение для науки, становятся основой для великих открытий.

логической структуре гипотезы могут носить линейный характер, когда выдвигается и проверяется одно предположение, или разветвленный, когда необходима проверка нескольких предположений.

Любая сфера научного познания содержит множество гипотез, относящихся к единичным фактам или к некоторым закономерным связям. Например, как гипотеза изначально рассматривалась идея дискретного (атомного, корпускулярного) строения материи; как гипотеза возникла теория эволюции органического мира; гипотеза лежит в основе открытия европейцами американского континента, обнаружения планеты Нептун и т.д. Даже в доказанных и общепризнанных научных теориях имеется множество гипотетических элементов, выраженных в форме проблематичных суждений.

Эмпирическое доказательство гипотезы связано с тем, что ее разработка на предыдущих этапах (выдвижение, развитие) позволяет осуществить непосредственную проверку путем получения соответствующего факта (события, явления, процесса). Классическим примером такого доказательства гипотезы является открытие планеты Нептун. На основании наблюдений за траекторией Урана (для объяснения непонятных ускорений в его движении) было выдвинуто предположение о существовании неизвестной планеты. Почти одновременно и независимо друг от друга Д. Адаме и У. Леверье произвели расчеты, подтвердившие эту гипотезу и позволившие астроному И. Галле в 1846 г. зафиксировать на небесном своде планету, названную Нептуном.

Теоретическое доказательство гипотезы возможно тогда, когда она включается в систему умозаключений и с необходимостью выводится из независимых от нее истинных суждений.

Опровержение гипотезы также имеет большое значение для развития науки, способствуя дальнейшему прогрессу знания. Примером освобождения науки от заблуждений может служить опровержение гипотезы существования «невесомых веществ»¹⁸, что послужило дальнейшим поискам обоснования явлений в физике.

В определенном смысле гипотеза может быть охарактеризована как показатель динамики научного познания, становления нового, связи известного с неизвестным.

¹⁸ Для обоснования химических реакций, физических процессов в XVI – XVII вв. существовала гипотеза «невесомых веществ» - теплорода, флогистона, магнетических флюид. Опровергнута учеными естествоиспытателями А. Лавуазье, М.В. Ломоносовым, Г. Дэви и др.

Теория – высшая, самая развитая форма организации научных знаний, которая дает целостное отображение закономерностей определенной сферы действительности. Теория представляет собой знаковую модель изучаемой сферы; эта модель строится так, что наиболее общие характеристики/закономерности составляют основу модели, остальные – подчиняются основным положениям или выводятся из них по логическим законам.

Основными блоками теории являются:

- эмпирический базис теории (содержит основные факты и данные, а также результаты их простейшей логико-математической обработки);
- исходный теоретический базис (включает основные допущения, аксиомы и постулаты, фундаментальные законы и принципы);
- логический аппарат (содержит правила определения производных понятий и логические правила вывода следствий, или теорем из аксиом, а также производных законов из фундаментальных законов);
- потенциально допустимые следствия и утверждения теории.

Все научные теории, как и науки в целом, могут классифицироваться по предмету исследования, т.е. той области действительного мира, которую они изучают. По этому основанию различаются теории естественнонаучные, медицинские, социальные и т.д.

По адекватности отображения исследуемой области явлений различают *феноменологические* и *нефеноменологические теории* (нефеноменологические называют также аналитическими или объяснительными). Большинство теорий, разрабатываемых в медицинском знании, относятся к феноменологическим. Феноменологические теории часто отождествляют с эмпирическими и описательными: во-первых, потому что они опираются, прежде всего, на опыт и наблюдения, во-вторых, они не вводят ненаблюдаемые объекты и максимально не прибегают к абстракциям и идеализациям с формированием новых теоретических понятий. Однако, в эпоху постнеклассической науки востребованность феноменологических теорий значительно снижается, т.к. современной науке для дальнейшего развития нужно уже не столько накопление знаний, сколько их интерпретация, поиск объяснения и прогнозирование.

Еще один вариант классификации теорий предполагает их деление на *детерминистические* и *«стохастические»*. Детерминистические теории стремятся давать точные и достоверные предсказания, однако в силу сложности явлений и процессов, наличия в мире значительной доли неопределенности и случайностей, которые не учитывает детерминизм, такие теории редко востребованы в современной науке. Альтернативой им являются теории стохастические, которые с учетом многообразия факторов случайности, а также с учетом системности предлагают вероятностные прогнозы-вариации, рассчитывающие процент достоверности наступления события или явления.

В научном познании теория выполняет ряд функций, важнейшими из которых являются *объяснительная, систематизирующая, предсказательная и методологическая*. Объяснительная функция теории заключается в возможности объяснять новые факты, подчиняя их сформированным в теории законам, принципам, соответствиям. Систематизирующая функция позволяет возникающие новые факты рассматривать в контексте теоретического положения, которое их объясняет, и включать в более широкий теоретический контекст (систематизировать). Предсказательная функция теории реализуется в способности к прогнозам. Предсказательная мощь теории зависит, прежде всего, от глубины и полноты отображения сущности изучаемых предметов (чем глубже и полнее такое отображение, тем надежнее опирающиеся на теорию прогнозы). Теоретическое предсказание находится в обратной зависимости от сложности и нестабильности исследуемого процесса: чем сложнее и неустойчивее процесс, тем рискованнее (менее точен) прогноз.

Одной из главнейших функций теории является методологическая, т.е. способность состоявшейся теории выступать в качестве опоры, базиса и даже средства дальнейшего исследования.

3. Метатеоретические основания науки: научная картина мира, идеалы и нормы научного знания, философские основания науки.

Метатеоретические основания науки представляют собой синтез философских и конкретно-научных идей, выраженных в виде общеобязательных в науке установок, идей, принципов и т.д. Метатеоретические основания задают стратегические

ориентации научному познанию и обеспечивают включение его результатов в культуру соответствующей исторической эпохи.

Предпосылками к осознанию существования метатеоретических оснований науки стали революционные научные открытия во всех областях научного знания конца XIX – начала XX вв. Проблема существования «мета» знаний рассматривалась в различных философско-методологических построениях: конвенционализме А. Пуанкаре, психофизике Э. Маха, анализе протокольных предложений Венского кружка М. Шлика, идее личностного знания М. Полани, эволюционной эпистемологии Ст. Тулмина, концепции парадигмы Т. Куна, научно-исследовательской программе И. Лакатоса, тематическом анализе науки Дж. Холтона, методологическом анархизме П.Фейерабенда др.

Так, представитель постпозитивистской философии Т.Кун писал: «Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»¹⁹. Т. Кун определяет парадигму также как «дисциплинарную матрицу». Она состоит из символических обобщений (формализованных утверждений, общепризнанных учеными²⁰) и философских оснований (концептуальные модели, ценностные установки, общепринятые образцы принятия решения в определенных ситуациях и т.д.).

И. Лакатос рассматривал рост науки как смену исследовательских программ, состоящих из непрерывно связанных серий теорий. Непрерывность программы обусловлена особыми нормативными правилами, которые предписывают, какие методологические научные принципы лежат в основе дальнейших исследований («положительная эвристика»). Существует также «негативная эвристика», предписывающая методологические ограничения и запреты, «тупиковые ветви» исследований. Важным структурным элементом исследовательских программ, согласно И. Лакатосу, является «жесткое ядро», объединяющее условно не опровергаемые, специфические для данной программы фундаментальные допущения. В развитии исследовательских программ можно выделить две основные стадии – прогрессивную и регрессивную. На прогрессивной стадии «положительная

¹⁹ Кун, Т. Структура научных революций/Т.Кун. — М.: Прогресс, 1977.

²⁰ Например, законы И. Ньютона

эвристика» способна стимулировать выдвижение вспомогательных гипотез, расширяющих эмпирическое и теоретическое содержание программы. Однако в дальнейшем достигнув пункта насыщения, развитие исследовательской программы резко замедляется (регрессирует). Возрастает число противоречащих гипотез, аномальных фактов, появляются внутренние противоречия, парадоксы. Смена жесткого ядра научно-исследовательской программы связано с появлением новой «ad hoc» гипотезы, способной объяснить и «примирить» накопившиеся противоречия, теоретически предсказать неизвестные ранее факты, а затем экспериментально их подтвердить.

В современной философской методологии в качестве базовых форм метатеоретического знания также называют научную картину мира, стиль научного мышления, философские категории и принципы. Утвердившееся в методологии науки понимание метатеоретических оснований науки разработано белорусским философом В.С. Стёпиным. В качестве метатеоретических оснований науки он выделяет три блока предпосылочного знания: идеалы и нормы научного исследования, научную картину мира, философские основания науки. Каждый из этих блоков обладает сложной структурой и изменяется в ходе динамики социума и развития научного знания.

Блок идеалов и норм исследования включает в себя идеалы и нормы:

- доказательности и обоснования знания;
- объяснения и описания знания;
- построения и организации знания.

Примером идеалов и норм доказательности и обоснования знаний в современной медицине является применение принципов доказательной медицины, проведение рандомизированных исследований и т.д. Современное применение идеалов и норм объяснения, описания, построения и организации знаний связано с требованиями к научным публикациям (их содержанию и оформлению), диссертациям, научным докладам, научной коммуникации, а также формированию научных школ, объединений, проведению научных мероприятий и т.д. Требования построения и организации знания тесно связаны с правилами проведения научных исследований и испытаний, оформлением их результатов, методологически выверенными требованиями к построению научной теории и др. Идеалы и нормы

исследования в современной биомедицинской науке дополняются биоэтическими принципами и правилами – такими, как автономия пациента, недопущение стигматизации и дискриминации, превалирование пользы для конкретного индивида над предполагаемым риском, а также правилами информированного согласия, врачебной тайны, правдивости и т.д.

Таким образом, начиная с норм подготовки научной публикации, оформления научного проекта и заканчивая социальными и этическими нормами научного этоса, все разнообразие идеальных установок и их формального воплощения в традиционной практике может быть обозначено как идеалы и нормы научного знания. Идеалы и нормы в определенном смысле организуют инициативу ученого, включая его в контекст научной деятельности и научную коммуникацию. Например, трудно представить ситуацию признания новой идеи научным сообществом, если знание не соответствует современным критериям научности, не представлено в виде научных статей/диссертационных исследований/научных проектов и т.д., не обсуждается на научных форумах, не соответствует господствующим в науке представлениям об обосновании/доказательности знания, современным этическим ценностям и т.д.

Система идеалов и норм научного знания определяется в обществе с одной стороны мировоззренческими установками, доминирующими в культуре той или иной исторической эпохи, с другой – характером исследуемых объектов. Нормы и нормативы в конкретных науках (дисциплинах) формируются на основании общенаучных идеалов и норм исследовательского этоса, определяющих и регулирующих действия ученого в конкретной исторической эпохе.

Еще одна важная составляющая блока метатеоретических оснований науки – **научная картина мира**. Она складывается в результате синтеза знаний, получаемых в различных науках, и содержит общие представления о мире, вырабатываемые на соответствующих стадиях исторического развития. Формирование научной картины мира всегда протекает не только как процесс внутринаучного характера, но и как взаимодействие науки с другими областями культуры.

По своей сути научная картина мира — это особая форма систематизации знаний, качественное обобщение и мировоззренческий синтез различных научных теорий. В научную картину мира не входят частные знания о различных свойствах

конкретных явлений, о деталях самого познавательного процесса. Научная картина мира не является совокупностью всех знаний человека об объективном мире, но представляет собой целостную систему представлений об общих свойствах, сферах, уровнях и закономерностях реальной действительности.

Основой современной научной картины мира, прежде всего, являются фундаментальные знания физики, астрономии и, безусловно, наук о жизни – биологии, экологии, медицины. Усиление влияния биомедицинского знания на формирование современной картины мира связано не только с новым уровнем познания Вселенной и человека, но и с тем, что биологические и медицинские знания постепенно приобретают универсальный характер (например, идеи развития, эволюции, системности, индивидуальности и типичности) и становятся методологической основой познания.

В качестве базового элемента метатеоретический уровень науки включает также *философские основания науки (философские идеи и принципы)*, показывающие насколько научные знания связаны с культурой и мировоззрением. Философские основания науки обеспечивают «состыковку» научной картины мира, идеалов и норм исследования и господствующего мировоззрения эпохи. Любая новая идея, чтобы стать постулатом картины мира, либо принципом, выражающим новый идеал и норматив научного познания, должна пройти через процедуру философского обоснования. Философские основания науки наряду с функцией обоснования уже добытых знаний выполняют так же эвристическую (предсказательную) функцию.

Примером связи философских обоснований и научной картины мира может служить открытие английского физика и химика М. Фарадея. Обнаружив в опытах электрические и магнитные силовые линии, он постулировал идею существования электрического и магнитного полей, имеющих такой же материальный статус, как и вещество. Основанием для введения в картину мира такого постулата стал философский принцип неразрывной связи материи и силы, который противоречил первоначальной идее о силах, существующих в отрыве от их материальных источников/носителей.

Конструктивные элементы метатеоретического уровня науки включают онтологические, эпистемологические и собственно методологические предпосылки для формирования целостного знания, оказывая одинаковое влияние как на

эмпирический, так и теоретический уровни исследования. Благодаря синтезирующей функции метатеоретического уровня знания, организуется познавательная деятельность, обеспечивается коммуникация ее участников, задаются стратегии и нормы познания, признанные научным сообществом.

4. Диалектика развивающейся науки. Кумулятивные и антикумулятивные теории научного прогресса.

Важнейшей особенностью научного знания является его постоянное развитие, динамика. Идея диалектической изменчивости знания интересовала философию еще со времен Г. Гегеля, который считал, что истина должна рассматривать как процесс, а не как готовый результат. Осмысление динамики науки в методологии связано, прежде всего, с идеями нео- и постпозитивистов в контексте проблемы смены научных парадигм, основных моделей и процессов развития знания.

В целом, описание динамики науки связано с анализом двух основных процессов развития – поступательное накопление знаний и «перерывы постепенности» (научные революции, скачки, смена парадигм). В методологии науки сложились две философские позиции, абсолютизирующие один из этих процессов и, соответственно описывающие развитие науки с 2-х противоположных позиций.

Кумулятивизм (от лат. *cumulatio* — увеличение, скопление) — общая для ряда направлений в логике, методологии и философии науки модель роста научного знания, согласно которой эволюция науки сводится к постепенному непрерывному накоплению абсолютно достоверных, непроблематичных (или высоковероятных) знаний/истин/теорий. Кумулятивизм предполагает, что существует единая общечеловеческая рациональность, единая и непрерывная линия роста научного знания.

Впервые кумулятивистскую модель роста научного знания выдвинул еще Г. Галилей, который считал, что по своему достоверному содержанию человеческое познание равно божественному, уступая ему лишь с экстенсивной стороны, т.е. по отношению к множеству познаваемых объектов. Поэтому процесс человеческого познания правомерно представить в виде бесконечного линейного накопления частных, «атомарных» истин.

Кумулятивистская модель экстенсивного расширения научного знания была доминирующей концепцией роста знания в XVII—XIX вв. Научная революция на рубеже XIX—XX вв. поставила под сомнение правомерность кумулятивизма, однако его новое обоснование предложил логический позитивизм. Логические позитивисты утверждали, что каждый последующий шаг в развитии познания состоит в обобщении предшествующих результатов. Согласно их представлениям, научная теория, успешно преодолевшая достаточное число эмпирических проверок, приобретает высокую степень подтверждения относительно своей первоначальной области применения и оказывается застрахованной от опасности дальнейшего опровержения. Если эта теория окажется не в состоянии предсказать какие-то новые виды явлений, то их открытие потребует дополнительных инструментов теории, дополнительных правил соответствия, расширений и т.д. Согласно кумулятивизму научный прогресс представляет собой последовательность теорий, в которой «устаревшие» концепции не отбрасываются, а вытесняются более исчерпывающими, при этом последние по сути могут быть редуцированы к предыдущим. Впрочем, при редукции теорий не выполняется условие неизменности смыслов научной теории, поэтому предлагаемая кумулятивизмом редукция логически возможна, но исторически не имеет смысла.

Еще один вариант «поддержки» кумулятивистской модели развития науки связан с идеями конвенциализма (А. Пунккаре, П. Дюгем и др.). По мнению конвенциалистов, достаточно изобретательный ученый всегда будет в состоянии перестроить научную теорию или переинтерпретировать противоречащие ей результаты экспериментов, так что последние окажутся ее подтверждением. Поэтому, делают вывод конвенциалисты, фундаментальные теории принципиально нефальсифицируемы – ни экспериментальными данными, ни отдельными изолированными гипотезами.

В целом, идеи кумулятивизма допустимы при анализе накопления знаний в пределах организованных комплексов теорий (или – научных парадигм, научно-исследовательских программ), однако не отражают в целом развитие науки, а только периоды ее «спокойного», нереволюционного развития.

Реальная практика научных исследований показала несостоятельность идеализированного представления кумулятивизма о характере научного прогресса. К

середине XX столетия в связи с общим кризисом неопозитивистской философии науки, доктрина кумулятивности становится объектом критического анализа и кардинального переосмысления в рамках *антикумулятивизма*.

Идеи антикумулятивизма приобрели известность среди ученых благодаря методологическим исследованиям постпозитивистов.

Так, по мнению К. Поппера, естественный процесс развития науки состоит в разоблачении (опровержении), отбрасывании ложных теорий. В попперовской модели развития знания наука переходит от одних проблем к другим — более глубоким, но научные теории не модернизируются и не переосмысливаются.

У Т. Куна динамика науки рассматривается как дискретный процесс: периоды прогресса и накопления разделяются революционными провалами, разрывами «ткани науки». В отличие от кумулятивизма, предлагавшего идею единой нормативной программы науки, согласно теории Т. Куна (а также И. Лакатоса) в истории происходит революционная смена фундаментальных программ познания и разных типов научной рациональности. Концепция революционной динамики науки и несоизмеримости различных парадигм актуализировала проблему методологического релятивизма. В частности, в «анархистской эпистемологии» П. Фейерабенда наука утрачивает черты объективно-истинного знания, оценивается как обычное верование и своеобразная форма мифологических представлений.

Развитие науки с позиции антикумулятивизма рассматривается как перманентная борьба и смена научных теорий, между которыми нет ни логической, ни содержательной связи и преемственности. Соответственно, научный прогресс, по мнению антикумулятивистов, приводит к абсолютной относительности и мозаичности картины мира, а также к пониманию несоизмеримости исторически сменяющихся друг друга научных теорий.

Предпринимая попытку целостно описать процессы динамики науки, Т. Кун объединяет крайние позиции кумулятивизма и антикумулятивизма, рассматривая в развитии науки два относительно автономных этапа: эволюционный или экстенсивный (в интерпретации Т.Куна – «фаза нормальной науки») и революционный или интенсивный (у Т. Куна – «период научной революции»). Эволюционное развитие не предполагает радикального обновления существующего теоретического знания. В этот период чаще всего происходит «накопление» знаний,

расширение области приложения главенствующих в научной дисциплине теорий и их адаптация к решению новых задач.

Революционное развитие науки связано с пересмотром, обновлением и модификацией ее концептуального ядра. В революционный период концептуальная основа науки утрачивает свой объяснительный и предсказательный потенциал, накапливаются противоречия между теоретическим осмыслением и эмпирическим подтверждением явлений. В итоге, наступает стадия, когда теория оказывается не в состоянии ассимилировать все возрастающий поток эмпирической информации. Результатом становится революционное переосмысление базовых научных теорий, концепций или в целом смена парадигм (научно-исследовательских программ).

По мнению академика В.С. Степина, в динамике науки можно выделить три типа революций:

- внутридисциплинарные революции;
- научные революции, основанные на междисциплинарных взаимодействиях;
- глобальные научные революции.

Наиболее значимы для понимания прогресса науки глобальные революции, которые приводят к коренным изменениям в развитии научного знания, к изменению сложившихся типов научной рациональности. В истории науки можно выделить 4 глобальные научные революции:

- первая (XVII в.) связана с глобальным изменением картины мира и становлением классического естествознания;
- вторая (к. XVIII – перв. половина XIXв.) определяет формирование дисциплинарно организованной науки и переход к диалектическому стилю мышления;
- третья (с конца XIX в. и до сер. XX в.) обуславливает становление неклассической науки, диалектизацию естествознания и конец механистических представлений о мире;
- четвертая (с последней трети XX в.) задает вектор развития постнеклассической науки и рациональности, акцентируя значимость гуманистических ориентиров и ценностей в развитии науки.

Тема 2.4 Методологический инструментарий современной науки

1. Понятие метода, методики и техники (технологии) научного исследования. Научная методология.
2. Системный подход как общенаучная методологическая программа. Нелинейная методология познания.
3. Методы эмпирического и теоретического исследования.
4. Логические основы обоснования/опровержения результатов исследования.
5. Логические основы методов систематизации научных знаний (деление и классификация, определения).

1. Понятие метода, методики и техники (технологии) научного исследования. Научная методология.

Метод – совокупность правил, приемов, операций практического или теоретического освоения действительности. Он служит получению и обоснованию объективно истинного знания. В научном познании метод — это путь научного исследования (стратегия и тактика), а также способ познания реальности. По сути, научный метод выполняет в науке роль «компаса», который позволяет определить правильное направление, а также отбирать факты в соответствии с поставленной задачей, производить корректные обобщения и т.д. Метод можно рассматривать как проявление зрелости науки: по мнению академика Павлова И.П.: «При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много...при плохом – и гениальный будет работать впустую...»²¹.

Каждая научная дисциплина использует собственный набор методов, которые позволяют наиболее точно решать поставленные задачи и анализировать предмет исследования. Выбор конкретного метода определяется многими факторами: спецификой объекта и предмета исследования, степенью общности поставленных задач, результатами накопленного опыта, уровнем развития научного знания и т.д.

²¹ Павлов И.П., Лекции по физиологии 1912-1913 годов / И. Павлов// Полное собрание сочинений, Том 5, - М., Издательство Академии Наук СССР, 1952 г. – с. 26.

В современной постнеклассической науке проекты междисциплинарных исследований порождают вопрос о возможности переноса методов (подходов) из одной области исследования в другую, а также между научными дисциплинами. Зачастую такой перенос становится основой для открытий, построения новых вариантов решения проблемы, интерпретации следствий. Вместе с тем, перенос должен осуществляться максимально корректно и сбалансировано, с учетом качественной специфики метода и особенностей той области исследований, в которой он изначально сформировался.

Особенное значение имеет применение подходов и методов из других областей знания в медицине. Медицина, являясь одновременно теоретическим и прикладным знанием и занимаясь человеком, которого невозможно понять вне сочетания физического, психического и социального (а также духовного) компонентов, не только претендует, но требует сочетания естественнонаучного и гуманитарного знания, формирования междисциплинарных подходов.

Типичными примерами применения гуманитарных методов в доказательной медицине являются традиционные методы интервьюирования, опроса, биографического анализа; на классических принципах проведения социологического исследования и формирования выборки строится, например, основополагающее для доказательной медицины рандомизированное контролируемое исследование. Как в научных биомедицинских исследованиях, так и в прикладной деятельности на первый план выходят гуманистические ценности и основанные на них методы разговора с пациентом, понимания его уязвимости (не только телесной/биологической, но социальной и культурной), умение установить коммуникативное взаимодействие для решения проблемы и др., что далеко выходит за рамки исключительно естественнонаучных методов.

Наряду с понятием метода в науке используются также понятия **методика** и **технология**. Методика, технология есть правила/предписания, регулирующие конкретные процедуры исследования (действия). Методика представляет собой набор установленных стандартов, правил и норм, следование которым обязательно для получения объективных и общепризнаваемых результатов; технология рассматривается как совокупность конкретных операциональных действий, соответствующих установленным стандартам. Понятие технология классически

относилось исключительно к техническому знанию, однако в современной науке технологии рассматривают и в естественнонаучном знании, и даже в гуманитаристике (например, в социологии, психологии и т.д.).

Методологией в широком смысле называют целостное учение о методах, которое анализирует методы, ранжирует и классифицирует их, разрабатывает способы повышения эффективности. Методология как учение также обосновывает выбор и применение методов в том или ином исследовании (научной дисциплине), изучает их взаимодействие, внутренние механизмы, логику движения, законы функционирования и т.д.

Понятие методологии применяют также и в более узком смысле – рассматривая конкретное научное исследование или конкретную научную дисциплину (здесь методология – совокупность применяемых методов).

Методология конкретного исследования предполагает не просто перечисление используемых методов, но их ранжирование, классификацию, определение взаимодействия и взаимовлияния, обоснование необходимости переноса методов (технологий) из одной научной области в другую и т.д. Типичной ошибкой во многих научных текстах (в т.ч. диссертационных работах) является хаотичное перечисление в разделе методологии исследования всех используемых в работе методов (включая в этот список и общие подходы, и методики, и технологии). Безусловно, такое отсутствие понимания главного и второстепенного, взаимовлияния и качественной специфики общих методов в противовес технологиям/методикам не только ухудшает восприятие научного текста, но обесценивает саму работу, разрушает научный потенциал решения проблемы.

Методология науки разрабатывает многоуровневую концепцию методологического знания, распределяющую все методы научного познания по степени общности и сфере действия. При таком подходе можно выделить 5 основных групп методов.

Во-первых, *общефилософские методы и подходы*. Они являются предельно общими, поскольку выходят за пределы строго научного знания и имеют, скорее, общемировоззренческий характер. Общефилософские методы «направляют» исследование, влияют на выбор его предмета, средств и правил. По сути, общефилософские методы выполняют роль общеметодологических регулятивов,

предполагая ориентирующий, но не предписывающий характер. Совокупность философских регулятивов действенна не столько сама по себе, сколько в контексте общей установки, парадигмы, стратегии, наполняемой конкретными общенаучными (или специальными) методами. К философским методам, приемам, принципам относятся, например, метафизический и диалектический; принцип глобального эволюционизма, герменевтический (объект изучения нужно понять, истолковать, проинтерпретировать) и др. К философским методам можно отнести также такие общие принципы познания как исторический, компаративистский (сравнительный), феноменологический (выявление сущности) и т.д.

Характерным примером применения философских подходов в медицине может служить понимание процесса болезни. Сама по себе болезнь уже есть процесс диалектический и противоречивый (А.А.Богомолец, говоря о единстве таких противоположных начал как норма и патология, писал, что «первая включает в себя вторую как свое внутреннее противоречие»²²). Во время болезни в организме противодействуют две стороны – «полом» (патогенез) и «защита» (саногенез). Факты свидетельствуют, что один и тот же механизм может выступать как с функцией защиты, так и в качестве патологического процесса: защитно-приспособительные механизмы при определенной фазе их нарастания превращаются в свою противоположность. При применении диалектического подхода в медицине необходимо обратить внимание также на взаимоотношение частного и общего, детерминированного и случайного, перехода от количественных к качественным изменениям и т.д.

Во вторую группу методов относят *общелогические методы*, на которые опирается мышление в целом и научное познание в частности. Общелогические методы познания разрабатывает и обосновывает логика, они позволяют правильно выстраивать наши рассуждения, объединять эмпирический и теоретический методы исследования и т.д. К общелогическим методам относятся методы построения знаний – индукция и дедукция, аналогия, анализ и синтез, деление и классификация, определение и др. Например, сама система постановки клинического диагноза представляет собой не что иное, как суждение по аналогии, или индуктивное

²² Пицык Н. Е. Александр Александрович Богомолец / Н.Пицык -[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://irbis-nbuv.gov.ua/ulib/item/ukr0011513>

доказательство, когда на основе повторяемости симптомов и синдромов конструируется представление о законе, нозологической форме.

Третья группа методов – *общенаучные подходы и методы*, которые являются универсальными для всех наук. Применение этих методов позволяет не только выстраивать новое знание, но и вписывать его в контекст уже существующих концепций. К общенаучным методам и подходам можно отнести концептуальные подходы и методы построения и систематизации знания – системный, структурно-функциональный, вероятностный и т.д., а также конкретные методы, применяемые для получения нового знания и его организации – формализация, моделирование, эксперимент, измерение, наблюдение и т.д.

Четвертая группа методов – *частнонаучные (или конкретнонаучные) методы*, т.е. совокупность способов и принципов, исследовательских приемов и процедур, применяемых в той или иной отрасли науки. Специфические методы отдельных наук имеют свои особенности, зависящие не только от общенаучного уровня познания, но и обусловленные особенностями той или иной области научного познания. К свойствам конкретнонаучных методов относится однозначность объяснения и применения, четкость и ясность, обоснованность, подчиненность определенной цели, результативность, плодотворность как способность обеспечивать не только главные, но и «побочные» результаты, надежность как способность с большой степенью вероятности обеспечить получение истинного знания, экономичность и др.

Медицина использует огромное количество частнонаучных методов, которые в свою очередь подразделяются на виды и группы в зависимости от: принадлежности (к традиционной или нетрадиционной медицине, доказательной, персонализированной, альтернативной и т.д.), сферы медицинской деятельности, целей применения – например, для сбора и анализа данных или для лечения конкретных пациентов, использования технических средств и т.д.

К пятой группе методов относят *дисциплинарные и междисциплинарные методы*, рассматриваемые как система приемов, применяемых в той или иной дисциплине, возникшей на стыке наук или входящей в какую-нибудь отрасль науки, а так же в эту группу включаются методы междисциплинарного исследования как совокупность интегративных способов, нацеленных на «стыки» научных дисциплин.

Междисциплинарные методы, методики и подходы сегодня необходимы во всех областях знания, особенно актуально это в медицине. Например, кризис советской клинической психиатрии во многом объясняется «пристрастием» к линейному принципу, согласно которому каждая (психическая) болезнь должна включать единые причины, проявления, течение, исход и анатомические изменения (т.е. одна причина дает одинаковый эффект). Осознание чрезвычайной сложности и целостности объекта исследования ставит современную психиатрию перед необходимостью включения в ее аргументационную систему описаний различного уровня (биохимического, поведенческого, социального), предполагает гибкость и многовариантность в постановке диагноза болезни, ориентацию на конкретного человека, избегание этических «перекосов» (гипердиагностики или презумпции болезни и т.п.).

Развивая учение о методе и построении методологии исследования, постнеклассическая наука ставит вопрос о необходимости гибкого подхода к методологическим стратегиям, множественности и плюралистичности методологий исследования, настоятельной необходимости методологических новаций. Так, по мнению постпозитивиста П. Фейерабенда, плюрализм является существенной чертой любого научного знания, претендующего на объективность²³. Занимая позицию жесткого методологического релятивизма (методологический релятивизм понимается как относительность и условность строгого использования методов, правил, техник и т.д., снятие ограничений на число используемых стратегий/методологий в научном исследовании; такая позиция сближается с методологическим плюрализмом), П. Фейерабенд убежден, что важнейшие результаты в истории науки стали возможны благодаря нарушению наиболее рациональных методологических правил, запретов (именно так объясняет П. Фейерабенд открытия Н. Коперника, А. Эйнштейна, Н. Планка, З. Фрейда и др.).

Опираясь на изучение современной методологии познания постнеклассическая наука и философия предлагают фундаментальные принципы, опора на которые необходима при проведении научного исследования и осмыслении его результатов:

²³В.А. Шапошник Методологический плюрализм в теории познания/ В.А.Шапошник -[Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2014/04/2014-04-08.pdf>

- усиление роли междисциплинарности в изучении объектов и, соответственно расширение применения междисциплинарных методов, правил, подходов;
- акцент в построении исследования на парадигме целостности и интегративности, осознание необходимости глобального всестороннего взгляда на мир (опора на методологию системного подхода);
- построение методологических стратегий в соответствии с пониманием нестабильности, неопределенности и хаотичности изучаемых объектов, учет фактора случайности, динамики и функционирования самоорганизации систем (методы синергетики);
- внедрение в научное исследование темпорального фактора (фактора времени), опора на многоальтернативное прогнозирование;
- трансформация и переосмысление соотношения понятий «объективности» и «субъективности», сближение методов естественных и гуманитарных наук;
- изучение нетрадиционных средств и методов исследования, внимание к нерациональным способам постижения действительности в контексте формирования новой постнеклассической рациональности.

2. Системный подход, его общенаучная методологическая сущность.

Становление нелинейной методологии познания.

Современная наука при анализе окружающего мира и человека опирается на методологию системного подхода, согласно которой любой объект может быть рассмотрен как сложное образование, включающее составные части, организованные в целое.

Понятие системы, как и системный подход в целом, было сформировано в XX в. на основе работ А.А. Богданова и Л. фон Берталанфи. Известный русский советский ученый А.А. Богданов стал основоположником тектологии (всеобщей организационной науки). Он утверждал, что любой предмет или явление имеет свою цель и устроен в соответствии с ней. Это дает нам основания считать эти предметы и явления организмами и организациями, соответственно в природе существует объективная целесообразность, или организованность, являющаяся результатом естественного отбора. А. Богданов понимал организованность как свойство целого

быть больше суммы своих частей, причем, чем больше эта разница, тем выше степень организации.

Известный австрийский биолог-теоретик Л. фон Берталанфи разработал теорию открытых биологических систем, способных достигать своего конечного состояния, несмотря на некоторые нарушения условий своего существования. Он обратил внимание на существование моделей, принципов и законов, применимых к любым системам, независимо от их содержания. Физические, химические, биологические и социальные системы, по его мнению, должны функционировать по одним и тем же правилам. Он же дал первое определение системы как совокупности элементов, находящихся во взаимодействии.

В современной науке в основе представлений о строении материального мира лежит именно системный подход, согласно которому любой объект материального мира может быть рассмотрен как сложное образование, включающее составные части, организованные в целое. Для обозначения этой целостности в науке выработано понятие системы. под системой понимают внутреннее (или внешнее) упорядоченное множество взаимосвязанных элементов, проявляющее себя как нечто единое по отношению к другим объектам или внешним условиям.

Понятие «*элемент*» означает минимальный, далее уже неделимый компонент в рамках системы. Во всех системах связь между ее элементами является более устойчивой, упорядоченной и внутренне необходимой, чем связь каждого из элементов с окружающей средой. Элемент является таковым лишь по отношению к данной системе, при других отношениях он сам может представлять сложную систему.

Совокупность связей между элементами образует структуру системы.

В зависимости от структуры системы делятся на дискретные, жесткие и централизованные. Дискретные (корпускулярные) системы состоят из подобных друг другу элементов, не связанных между собой непосредственно, а объединенных только общим отношением к окружающей среде, поэтому потеря нескольких элементов не наносит ущерба целостности системы.

Жесткие системы отличаются повышенной организованностью, поэтому удаление даже одного элемента приводит к гибели всей системы.

Централизованные системы имеют одно основное звено, которое, находясь в центре системы, связывает все остальные элементы и управляет ими.

По типу взаимодействия с окружающей средой все системы делятся на открытые и закрытые. Открытыми являются системы реального мира, обязательно обменивающиеся веществом, энергией или информацией с окружающей средой. Закрытые системы не обмениваются ни веществом, ни энергией, ни информацией с окружающей средой. В реальности закрытые системы – это скорее абстракция (или искусственно созданное образование), так как в действительности система не может быть полностью изолирована от воздействия других систем.

Принципы, на которых строится системный подход

1. Принцип целостности, который позволяет рассматривать одновременно систему как единое целое и в то же время как подсистему для вышестоящих уровней.

2. Принцип иерархичность строения, т.е. наличие множества (по крайней мере, двух) элементов, расположенных на основе подчинения элементов низшего уровня - элементам высшего уровня.

3. Принцип структуризации, позволяющий анализировать элементы системы и их взаимосвязи в рамках конкретной организационной структуры. Как правило, процесс функционирования системы обусловлен не столько свойствами ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры.

4. Принцип множественности, позволяющая использовать множество кибернетических, экономических и математических моделей для описания отдельных элементов и системы в целом.

5. Принцип целесообразности, т.е. ориентированность системы на достижение какой-либо цели.

К основным проблемам применения системного подхода в научном исследовании, требующим осмысления исследователем вне зависимости от изучаемого им объекта, относят проблему упорядоченности и организованности, последовательности и интегрированности элементов системы, проблему бесконфликтности части и целого, проблему целостности и дискретности в строении системы (структурно-функциональный анализ системы), проблему исследования генезиса системы, ее границ и иерархических связей с другими системами; а также

возникающие на базе системного подхода методологические проблемы взаимодополняемости операций анализа и синтеза.

В целом методология системного подхода требует от исследователя особой «системной» логики в изучении исследуемого объекта (и предмета): от идентификации целого, частью которого является интересующий нас объект к объяснению поведения/свойств целого, затем к трактовке поведения/свойств интересующего нас предмета с точки зрения его функции/роли в составе целого.

В медицинских исследованиях применение системного подхода связано, прежде всего, с пониманием организма как целостности в неразрывном взаимодействии его систем. Взгляд на болезнь, ее характер, особенности возникновения, локализации и генерализации во многом предопределяет и способ воздействия на болезнь. В самом деле, если местный процесс – лишь проявление общего состояния организма, то лечебному воздействию следует подвергать, прежде всего, организм как целое. С другой стороны, если общее состояние организма обусловлено тем или иным болезнетворным воздействием местных патологических процессов, то лечебное воздействие должно быть направлено главным образом на местные процессы, при этом не следует упускать из вида и общее состояние организма. Развитие медико-биологических наук и клинической практики все больше показывает ведущую роль общего, целостного состояния организма.

В заболевшем организме взаимоотношение общего и местного носит весьма сложный и противоречивый характер, в нем борются две взаимоисключающие тенденции – тенденция к расширению тех или иных патологических проявлений и тенденция к их сужению, локализации и обезвреживанию. Преобладание той или иной противоречивой стороны, победа той или другой тенденции во многом зависят от общего состояния организма, деятельности его защитно-приспособительных механизмов и т.д. В самом организме имеются такие механизмы, которые способствуют обезвреживанию, локализации патологического процесса. К ним относятся всевозможные гистогематогенные барьеры, барьеры лимфатических узлов и т.д. Например, по мнению патологоанатома И.В. Давыдовского, всякая травма, особенно с нарушением анатомической целостности тканей, сопровождается катаболической реакцией, мобилизацией организмом энергетических ресурсов,

высвобождением важнейших химических элементов (фосфора, азота, серы, калия и т.п.) для предстоящей регенерации.

Нелинейная методология познания как основа постнеклассической научной рациональности связана с разработкой междисциплинарных научных концепций на основе системного подхода – синергетики (динамики неравновесных процессов) и др. Новый тип объектов, рассмотрение которых требует нелинейной методологии познания – сложные самоорганизующиеся системы, воспроизводящие в динамике изменений основные характеристики целого как иерархии порядков. Нелинейная методология познания опирается на:

- системный подход как таковой,
- рассмотрение систем как открытых (незамкнутых), неравновесных, характеризующихся нелинейностью своего развития,
- значимость фактора случайности в развитии системы,
- неустойчивость системы (прохождение точек бифуркации²⁴ и выбор аттрактора),
- принципиальную непредсказуемость развития системы (возможен только вероятностный прогноз),
- динамическую иерархичность системы (самоорганизация, рождение структур из хаоса),
- наблюдаемость (относительность к средствам наблюдения),
- самоорганизацию системы (по мнению основателя теории диссипативных структур И. Пригожина «В неравновесных – открытых системах возможны эффекты, приводящие не к возрастанию энтропии и состоянию хаоса, а к самопроизвольному возникновению упорядоченных структур, к рождению порядка из хаоса»²⁵). Направленность процессов самоорганизации обусловлена внутренними свойствами объектов (подсистем), а также воздействиями со стороны среды, в которую «погружена» система.

²⁴Критическое состояние (состояние максимальной хаотичности) неравновесного процесса называют точкой бифуркации (от лат. bifurkus – раздвоенный).

²⁵ И.Пригожин, И.Стенгерс Порядок из хаоса –[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/betweenall/prigogine-stengers_ru.htm

Учет, интерпретация и преломление вышеназванных принципов в контексте системного подхода и междисциплинарной исследования и составляет основу нелинейной методологии исследования.

3. Методы эмпирического и теоретического исследования.

Наблюдение – это преднамеренное и целенаправленное (обусловленное задачей исследования) восприятие объекта. Основные требования к научному наблюдению – однозначность замысла, наличие строго определенных методов и средств, объективность результатов. Последняя обеспечивается возможностью контроля путем повторного наблюдения, либо применения других методов исследования, в частности эксперимента. **Измерение** – метод исследования, при котором устанавливается отношение одной величины к другой, служащей эталоном, стандартом. Общей целью любых измерений является получение числовых данных, позволяющих судить не столько о качестве, сколько о количестве некоторых состояний изучаемого объекта. Различают прямые и косвенные процедуры измерения. К косвенным относятся, например, измерение объектов, процессов и пр., которые удалены от нас или непосредственно не воспринимаются. Значение измеряемой величины устанавливается при этом опосредованно. Косвенные измерения осуществимы лишь тогда, когда известна общая зависимость между величинами, которая позволяет вывести искомый результат из уже известных данных.

Возникновение современного естествознания и науки в целом связано с развитием эксперимента. **Эксперимент** – метод, при помощи которого явления действительности изучаются в контролируемых, управляемых, точно учитываемых условиях. По сути эксперимент – идеализированный опыт. Он дает возможность следить за ходом изменения явления, активно воздействовать на него (если в этом есть необходимость), сравнивать полученные результаты. Активное вмешательство исследователя в протекание природного процесса, искусственное создание им условий взаимодействия отнюдь не означает, что экспериментатор сам (по своему желанию и произволу) «творит» свойства предметов. Так, ни световое давление, ни условные рефлексy не являются свойствами, изобретенными экспериментаторами, однако выявлены они в экспериментальных (искусственно созданных) ситуациях. Эксперимент, являясь высшей формой эмпирического исследования, позволяет

изучить не только то, что бросается в глаза, но и то, что нередко скрыто в глубине явления и выражает его сущностные характеристики. Важнейшее требование к эксперименту – чистота его проведения (эксперимент тем чище, чем полнее изолируется исследуемый объект от внешних влияний).

Основные научные методы теоретического исследования – методы получения и обработки знаний (формализация, моделирование, идеализация и др.), а также методы построения научной теории (аксиоматический и гипотетико-дедуктивный).

Особый метод теоретического этапа научного исследования – **формализация**. Заключается этот метод в построении абстрактно-математических моделей, раскрывающих сущность изучаемых действительных процессов. При формализации мы оперируем не изучаемыми объектами, а их знаками, отношения знаков заменяют собой высказывания о свойствах и отношениях реальных предметов. Таким образом, при формализации создается обобщенная знаковая модель, позволяющая обнаружить структуру различных явлений и процессов, отвлекаясь от их количественных характеристик. Применяя законы логики и математики, возможно вывести достоверные формальные следствия в рамках данной формализованной системы. В широком смысле под формализацией понимается любая совокупность специализированных языковых средств с точно фиксированными правилами образования выражений и приписывания этим языкам определенного смысла (язык науки), в узком – под формализованным языком понимается множество интерпретированных выражений (формул), включая способы преобразования одних выражений в другие по логическим правилам дедукции

Моделирование – важнейший метод теоретического исследования, позволяющий переносить полученное эмпирическим путем знание на абстрактные модели, образцы, схемы, с которыми можно выстраивать гипотезы, производить вычисления, даже ставить эксперименты и т.д.

Моделирование возможно при соблюдении следующих условий:

- модель воспроизводит сущностные признаки изучаемого объекта,
- модель способна заменить оригинал в определенных отношениях,
- получаемая с помощью модели информация допускает опытную проверку,
- а также имеются в наличии четкие правила перехода от модельной информации к информации об оригинале.

Различают предметное и знаковое моделирование. Предметное – когда модель воспроизводит определенные физические, геометрические и пр. характеристики оригинала – может рассматриваться на примере создания (изучения) симуляторов, макетов, компьютерных моделей систем живого организма (компьютерное моделирование) и т.д. Знаковое – когда в качестве модели используются схемы, чертежи – не предполагает значительных капиталовложений и специальных ресурсов. По сути, мысленное моделирование (объекта, ситуации, функционала) является разновидностью знакового моделирования, и фактически каждый ученый на этапе создания гипотезы и теории (а также на этапе постановки проблемы, планирования эксперимента) прибегает к такому типу действий.

Идеализация – мысленное конструирование ситуации (объекта, явления), как метод идеализация отчасти сродни мысленному моделированию, но имеет существенное отличие от последнего. Сущность идеализации в том, что объекты не просто мысленно конструируются, но рассматриваются в «чистом виде», без учета случайностей, особенностей, отклонений от положения нормы, влияния внешних объектов (систем) и т.д. В результате ученый получает идеализированный объект (например, абсолютно черное тело, идеальное государство и т.д.), который характеризуется не бесконечным, а определенным количеством свойств, не подвержен изменениям, что позволяет исследователю полностью контролировать такой объект. При этом надо помнить, что удобство работы с идеальным объектом (например, идеальный пациент) только способствует разработке гипотезы, но не предполагает механического переноса полученного знания в реальную жизнь. Любая наука в своих исследованиях отчасти упрощает и идеализирует ситуацию, иначе было бы невозможно строить гипотезы/предположения, однако при переносе научного знания на практику, при построении теории обязательно учитываются разнообразные факторы (например, случайность, нестандартность и т.д.), выходящие за рамки идеализации.

Кроме методов получения научного знания большое значение имеют также методы систематизации (построения) научного знания – аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы.

Аксиоматический метод состоит в том, что изначально исследователь для построения теории задает набор исходных положений (аксиом), не требующих

доказательства. По заранее определенным правилам из аксиом (постулатов) выводятся следствия. Совокупность исходных аксиом и выведенных на их основе предложений образует аксиоматически построенную теорию. Аксиоматический метод развивался по мере развития науки (от «Начал» Эвклида к математической логике). Построение формализованных аксиоматических систем привело к большим успехам (прежде всего в математике), впрочем, уже в 1931 г. К. Гёдель доказал теорему о неполноте формальных аксиоматических систем. Одно из следствий теоремы Гёделя состоит в том, что невозможно разрешить вопрос непротиворечивости таких систем, используя только их собственные средства. Таким образом, аксиоматический метод, достаточно плодотворно влияющий на развитие научного знания, оказался неполным и далеко не всегда применимым; проблематично применение аксиологического метода для сложных развивающихся систем, которые в основном и изучает современная наука. Развитое теоретическое знание все чаще опирается на гипотетико-дедуктивные конструкции, которые составляют основу гипотетико-дедуктивного метода.

Гипотетико-дедуктивный – метод построения знания, опирающийся на выведение следствий из посылок, истинностное значение которых неизвестно. Использование этого метода подразделяется на 3 этапа:

- выдвижение гипотезы (предположение о закономерности в исследуемой области или существовании некоторого объекта),
- выведение следствий из этой гипотезы,
- проверка полученных следствий (с точки зрения их истинности или ложности).

Если какие-либо следствия оказываются ложными, то исходные гипотезы либо отбрасываются, либо подвергаются корректировке. При истинности следствий обоснование истинности гипотезы может осуществляться либо путем выведения гипотезы из других посылок, истинность которых уже установлена, либо путем опровержения всех альтернативных гипотез, либо путем прямой опытной проверки на эмпирическом уровне познания. В научном познании первые попытки применения гипотетико-дедуктивного метода были предложены еще в XVII в. Сущность гипотетико-дедуктивного развертывания теории состоит в том, что сначала строится гипотетическая конструкция, которая дедуктивно разворачивается, образуя целую систему гипотез, а затем эта система подвергается опытной проверке, в ходе которой

она уточняется и конкретизируется. Каждая гипотетико-дедуктивная система реализует особую программу исследования, суть которой выражает ее базовая гипотеза. Конкуренция гипотетико-дедуктивных систем выступает как борьба различных исследовательских программ, в борьбе конкурирующих программ побеждает та, которая наилучшим образом согласовывается с опытными данными и выполняет эвристические функции, предлагая выводы, неожиданные и новые для других программ.

4. Логические основы обоснования/опровержения результатов исследования.

Важнейшей частью научной деятельности является обоснование полученных знаний. Обоснование может осуществляться разными способами – собственно доказательство (процедура, с помощью которой устанавливается истинность знания), подтверждение (частичное обоснование знания), интерпретация, объяснение, оправдание. «Обратные» процедуры, связанные с полным или частичным опровержением знания (факта, тезиса, теории) также имеют значение для науки, т.к. позволяют «отсекать» ложное знание, «фильтровать» с точки зрения истинности/ложности основные положения гипотезы (теории), отбирать наиболее важные и весомые аргументы, освобождаясь от ложных и неоднозначных, в целях построения истинного знания. Это, прежде всего, опровержение и возражение.

Реализация операций обоснования/опровержения знаний осуществляется с применением всего арсенала средств современной науки – теоретических положений, эмпирических фактов и теорий и т.д., которые выстраиваются согласно логическим законам и алгоритмам.

Доказательство – это совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью связанных с ним суждений, истинность которых уже установлена. Обобщенная структура доказательства включает тезис (положение, истинность которого устанавливается), аргументы/доводы/основания, с помощью которых устанавливается истинность тезиса, добавочные допущения (выражения/положения, которые носят вспомогательный характер и могут быть устранены без нарушения логики и смысла доказательства) и логическая форма, которая связывает доказываемый тезис и аргументы (демонстрация).

Аргументы, приводимые для доказательства (а также опровержения, подтверждения, возражения) должны отвечать элементарным логическим требованиям и критериям. Во-первых, аргументы должны быть уместными: т.е. содержательно связанными с обосновываемым тезисом. Во-вторых, достаточными – совокупность аргументов является достаточной для доказательства/опровержения тезиса (это требование ослабляется при возражении и подтверждении); имеется в виду формально-логическая достаточность аргументов (исчерпывающе для доказательства и опровержения) и прагматическая достаточность (аргументы значимы как для ученого, так и аудитории/оппонентов). В-третьих, аргументы должны отвечать критерию приемлемости – т.е. выдвинутые аргументы должны быть понятны, существенны как для самого ученого, аудитории/оппонентов, так и для общества в целом.

Доказательство строится на основании дедуктивных логических выводов (на основании логических законов). Логическая форма доказательства:

Если А то В.

А.

Следовательно, В

Существует 2 основные формы доказательств – прямое и косвенное (апагогическое и разделительное). Выбор формы доказательства зависит от выбора доказывающего, от внешних обстоятельств – аудитории, восприятия оппонента и т.д. Прямое доказательство – более ясное и классически построенное, косвенное – сложнее в построении, но оказывает более внушительное воздействие на аудиторию.

Прямое доказательство предполагает, что тезис непосредственно вытекает из доводов, которые приводятся в его обоснование. Классический вариант – вывод из общего установленного положения (закона). Пример прямого доказательства:

Для доказательства тезиса «Х. должен быть освобожден от уголовной ответственности» мы опираемся на истинное положение/аксиому (в данном примере на закон): согласно УК Республики Беларусь «уголовная ответственность за деяние, совершенное в состоянии аффекта..., когда лицо не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими, наступает лишь в случае умышленного причинения смерти, тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.». Также

опираемся на уже доказанное утверждение, что X нарушил общественный порядок, находясь в состоянии аффекта, при этом не нанес никому телесных повреждений.

Косвенное апагогическое доказательство – доказательство «от противного», которое предполагает «сведение рассуждения к абсурду», т.е. противоречие истинных суждений и антитезиса.

Изначально предполагаем истинность антитезиса. Исходя из нашего примера, будем считать, что X. не должен быть освобождён от уголовной ответственности за нарушение общественного порядка. Однако он находился в состоянии аффекта (установлено), не причинил никому телесных повреждений/смерти, а статья УК не предполагает уголовного наказания в подобных случаях. Следовательно, возникает противоречие антитезиса (X. должен подлежать уголовной ответственности) с истинными суждениями, таким образом, наш антитезис абсурден (неверен), что косвенно доказывает истинность тезиса.

Косвенное разделительное доказательство также несколько сложнее прямого по форме, оно применимо при наличии разных альтернатив выдвинутому тезису. Разделительное доказательство проводится путем отбрасывания (отсечения) альтернатив, противостоящих тезису (например, необходимо из 3-х групп пациентов отобрать одну и обосновать ее статус как контрольной группы. Отсекая первую и вторую, опираясь на объективные основания и критерии и останавливаясь на третьей, мы, по сути, осуществляем разделительное доказательство, при этом «отсечение» имеющихся «лишних» вариантов косвенно доказывает наш выбор).

Опровержение устанавливает ложность тезиса и в целом строится также как доказательство, только «с точностью до наоборот». На практике опровержение используется так же широко, как и доказательство, и имеет такую же структуру. Логически опровержение проводится также в соответствии с дедуктивными выводами по схеме:

Если А, то В.

Не-В

Следовательно, не-А

С точки зрения логической процедуры опровержение может выступать как прямое или косвенное доказательство антитезиса (противоположного утверждения), как опровержение демонстрации (опровергнуть логическую связь тезиса и

подобранных аргументов, т.е. доказать несоответствие демонстрации дедуктивным логическим выводам), а также как установление ложности следствий, вытекающих из тезиса. Однако, следует помнить, что установление ложности следствий, вытекающих из тезиса, не является полным опровержением тезиса (если мы доказали ложность следствий, это не означает, что тезис ложен).

Достаточно часто в научной деятельности используются логические операции подтверждения и возражения. Подтверждение и возражение по сути являются «неполным» доказательством и «неполным» опровержением. Осуществляются эти процедуры в соответствии с индуктивными логическими выводами (вероятностными выводами), т.е. демонстрация (связь тезисов и аргументов) не носит необходимого дедуктивного характера

Подтверждение – это частичное обоснование результата (характерно для гипотез). Необходимо помнить, что если подтверждающее и подтверждаемое относятся к разным уровням познания (теоретическому и эмпирическому), то мы можем использовать это в качестве подтверждающего аргумента, но для доказательства этого будет недостаточно (например, данные соцопроса, предсказавшего победу на выборах кандидата Х., подтверждают реальное событие, но не доказывают его).

Возражение – противоположная процедура, направленная на ослабление тезиса. Прямое возражение осуществляется через рассмотрение тезиса и выявление его «слабых мест», самой слабой формой прямого возражения является обращение к мнению или вере. Косвенное возражение направлено не против тезиса, а против приводимых в его обоснование аргументов. Необходимо помнить, что, как и в опровержении, установление ложности аргументов при возражении не означает ложности тезиса. Например, опровергнув наличие у пациента вредной привычки (курение), генетической предрасположенности к тяжелым и антибиотико-резистентным формам туберкулеза легких и т.д. (что следует из имеющихся у вас данных), мы не опровергаем тезис о наличии антибиотико-резистентной формы туберкулеза легких у пациента, а только ослабляем его (возражаем).

Подтверждение и возражение при построении часто используют **вероятностные логические выводы** – индукцию и аналогию.

Аналогия – вывод, характеризующийся переносом признака, присущего одному предмету, на другой, подобный первому, предмет. (По аналогии часто проводят параллели между пациентами и назначают лечение «по аналогии»: в силу того, что в протекании болезни у пациентов А и В много схожего, назначим пациенту В такое же лечение как для А.). Необходимо помнить, что достоверность аналогии выше, если переносимые свойства переносятся с более простой системы на более сложную (но не наоборот!).

Индукция (наведение) – вывод, при котором на основе множества посылок, констатирующих принадлежность признака некоторым предметам определенного класса, делается обобщающее заключение о принадлежности этого признака всем предметам класса. Различают ненаучную и научную индукцию, последняя производится только на основе существенных признаков. Современная наука часто пользуется таким видом индукции как статистическая индукция, которая (благодаря однородности данных и существенности оснований ихвыбора) представляет собой выборку из исходной совокупности, дающую возможность вывести суждение обо всей исходной совокупности.

Недедуктивные выводы могут использоваться при разных логических процедурах, но следует помнить, что даже при соблюдении всех логических правил эти выводы имеют только вероятностный характер. Основные часто встречающиеся ошибки (погрешности) недедуктивных выводов:

- «слишком далекая аналогия» – тем больше вероятность ошибки, чем более разнородны предметы, выступающие в качестве модели и прототипа. Например, неоднозначны и даже опасны исторические аналогии – имеем дело с изменяющимися по своей сущности предметами; то, что существенно в одну эпоху может не быть таковым в другую;
- «просеивание (подтасовка) фактов» – как правило, производится сознательно (разряд софизмов). Широко применяется при подготовке общественного мнения, в рекламе;
- «ошибка поспешного обобщения» – признак, присущий лишь части предметов, переносится на все предметы рассматриваемого класса.

Повышение эффективности недедуктивных выводов возрастает при использовании научной методологии, включая отбор существенных оснований и увеличение числа подтверждающих фактов.

Объяснение – логическая операция установления существенных характеристик объекта/явления, по сути повторяющая доказательство. При этом слабые аргументы могут в объяснении вообще не использоваться. В тоже время для наглядности и понятности объяснения могут использоваться доводы излишние в доказательстве (добавочные допущения), но воздействующие на реципиента. Для естественных наук основой процедуры объяснения является подведение явления/объекта/свойства под общий закон.

Отчасти близкой к объяснению является операция **оправдания**. В широком смысле оправдание отвечает на вопрос «зачем» и сближается с обоснованием актуальности результата. Оправдание предполагает подбор аргументов, имеющих ценностное значение для данного общества/ситуации, т.е. моральные и правовые оценки, соглашения, интересы, мотивы, нормативы, основания и т.д. Аргументы для оправдания всегда достаточно субъективны и выбор их зависит от потребностей ситуации, времени, аудитории.

Интерпретация – необходимая в современной науке логическая процедура, которая может рассматриваться в двух смыслах. Во-первых, интерпретация – приписывание содержательного смысла или значения символам и знаковым выражениям формальной системы, в результате чего формальная система превращается в язык, описывающий ту или иную предметную область (характерно для точных наук, в частности характерно и для медицины). Интерпретация для каждой формальной системы необходима, формальная теория не рассматривается как обоснованная без наличия интерпретации.

Во-вторых, интерпретация (в гуманитарном знании, также и в медицине) может рассматриваться как истолкование смысла положения/идеи/исторического источника – т.е. интерпретация как преобразование, толкование для понимания. При таком подходе к интерпретации необходимо помнить, что итоговые наши выводы имеют статус предположений (вероятностных выводов).

5. Логические основы методов систематизации научных знаний (классификация и типологизация, определения).

Систематизация научных знаний чрезвычайно важна как для организации научного исследования, так и для коммуникации (как письменной, так и устной). С помощью определений ученый добивается точности понимания заложенных в понятия смыслов, однозначности толкования терминологии и т.д. Классификация (деление) позволяет «выстраивать» знание, правильно производить анализ, разделяя объект/явление на взаимозависимые составные части.

Деление – это логическая операция, при которой объем делимого имени (понятия) распределяется по классам и видам в соответствии с существенным признаком (такое деление называется таксономическим, примером может служить деление туберкулеза легких на виды). Также используется мерелогическое или аналитическое деление (частный случай – иерархизация), т.е. мысленное вычленение частей (деление по принципу целое – часть). Особенности иерархизации является то, что в ней показывается развитие отображаемого предмета во времени (например, иерархия воинской службы), а также члены деления (периоды) отличаются своей мерой как единством качественных и количественных характеристик предмета

Оба вида деления осуществляются на основании общих правил, способ деления определяется ученым в зависимости от поставленных им задач.

Многоступенчатое разветвленное таксономическое деление, при котором каждый из членов, полученных в процессе этой операции, становится предметом дальнейшего деления, называется *классификацией*. В научной деятельности чаще всего мы имеем дело с классическими классификациями – типологиями (примером типологии может служить типология растений и т.д.)

К основным общим правилам деления относятся:

- правило адекватности (деление должно быть соразмерным; объем делимого равен сумме объемов делителей). При нарушении этого правила возникают распространенные ошибки – «деление с лишними членами», «неполное деление»,
- правило разграниченности (члены деления должны исключать друг друга, т.е. их объемы не должны иметь общих элементов),

- правило единственности основания (деление должно производиться по одному основанию). Здесь распространённой ошибкой является «смешение оснований». Например, «симптомы аллергии бывают большие и малые, а также латентные».

Кроме вышеперечисленных правил, в логике существуют также дополнительные правила для классификации (многоступенчатого деления). Это – правило последовательности (от рода переходить к ближайшим видам, в иерархизации – от целого к частям одного и того же уровня, без «скачков»/пропусков), правило существенности основания (классификация должна проводиться по существенным признакам, которые определяются ученым на основе уже имеющихся данных и значимости признака для решаемой задачи)

Определения — это логическая процедура, состоящая в придании строго фиксированного смысла языковым выражениям (терминам языка). Структура определения включает две равнозначные части – Dfd (определяемое понятие) и Dfn (выражение определяющее), в правильном (корректном) определении $Dfd \equiv Df$.

Существуют разные виды определений (например, по способу представления определяемого объекта – явное (классическое «А есть В») и неявное (через контекст использования понятия), по выполняемым функциям – регистрирующее, постулирующее и т.д.

К основным логическим правилам формирования определения относят:

- правило соразмерности определяемого и определяющего, основные ошибки при нарушении этого правила – «слишком широкое определение» ($Df < Dfn$), «слишком узкое определение» ($Dfd > Dfn$), а также одновременно слишком узкое и слишком широкое определение,
- правило запрета порочного круга (когда Dfd определяется через Dfn, который в свою очередь определен через Dfd, простым примером такого определения являются тавтологии – например, определение «науки» через «научность»),
- правило однозначности (каждому Dfn в точности должен соответствовать один единственный Dfd, а не наоборот, т.е. определяющая часть однозначна и не позволяет реципиенту «подбирать» разные варианты определяемого),
- правило простоты (Dfn должен выражаться описательным именем, характеризующим определенные объекты лишь своими основными признаками,

т.е. определение не должно быть слишком сложным и должно опираться на уже принятые в науке знания),

- правило компетентности (В Dfn могут входить лишь выражения, значения которых уже приняты или ранее определены, часто встречающейся ошибкой при нарушении этого правила является определение неизвестного через неизвестное, что не добавляет ясности, а только усложняет, добавляет сложных и неоднозначных выражений).

Выполнение вышеназванных правил является прежде всего основой культуры мышления, а также основой ясности, точности, однозначности, доступности научного знания вообще и научной коммуникации в частности.

В целом, фундаментом методологии современной науки становится соблюдение законов и правил мышления (логика), специфических методологических требований (в т.ч. логических) к построению и обоснованию знаний, а также применение методологической парадигмы системности.

Тема 2.5 Создание научного текста

1. Алгоритм создания научного текста.
2. Первичные и вторичные научные тексты.

1. Алгоритм создания научного текста

Текст (лат. *textus* - связь, соединение, ткань) — это последовательность предложений, построенная по правилам данной системы языка. Текст, прежде всего, дает описание явлений (предметов) реальности, а также отражает мировоззренческие, научные, этические и др. ценностные установки автора. Текст выступает средством сохранения, развития и обогащения человеческой культуры.

Главные функции научного текста: а) регистрация нового знания; б) консервация накопленных знаний с целью передачи их по эстафете следующим поколениям; в) фиксация процесса перехода от накопленных к новым знаниям; г) описание (явное или неявное) средств, способов, приемов приобретения новых, общественно значимых знаний²⁶.

К отличительным чертам научного текста можно отнести проблематичность, гипотетичность, незавершенность. Кроме высказываний, которые в форме утверждений или отрицаний характеризуют некоторые выводы автора (его предшественников) или факты, полученные при изучении поставленной проблемы, в создании ценного научного текста поднимаются и вопросы, озвучиваются предложения, которые могут выходить за рамки темы (при условии логической и фактической с ней связи) и рассматриваются как элементы развивающегося знания.

Простейший научный текст может быть представлен отдельным высказыванием, в структуре которого выделяется субъект и предикат. Такую же субъектно-предикатную структуру имеют и более сложные научные тексты.

Текстовый субъект, или *тема*, — это выражение, фиксирующее предмет, о котором говорится в тексте. *Текстовый предикат*, или *рема*, — это, как правило, совокупность выражений, с помощью которых раскрывается тема.

Любой текст представляет собой единство формального и содержательного моментов. Особенно значимо это единство для научного текста, поскольку форма

²⁶ Берков, В.Ф. *Философия и методология науки*/ В.Берков – Мн., 2009 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adverbium.org/ru/comment/reply/841>

позволяет упорядочить содержание, т.е. информацию, заключенную в тексте. Форма придает информации строгость и точность, четкость и максимальную однозначность трактовки. Все эти характеристики априори должны быть присущи научному тексту, поскольку именно через него автор передает реципиенту идею (идеи), ее обоснование и ракурс рассмотрения проблемы.

Еще великий античный философ и логик Аристотель утверждал, что форма не менее важна, нежели содержание, и только в их единстве объект приобретает целостность и смысл. В контексте рассмотрения научного текста идея Аристотеля остается не только актуальной, но и обязательной к исполнению всеми авторами, претендующими на оформление результатов исследования (или его этапа) в научном тексте. Даже самая новаторская и неординарная научная работа, не выдерживающая логических принципов и методологических требований к построению, вероятнее всего окажется невостребованной, непонятой и не включенной в общий контекст развития научного знания. Таким образом, создание научных текстов – процесс не только креативный, но и методологически организованный, основывающийся в том числе на соблюдении элементарных правил классической логики.

Первое правило создания научного текста – правило полного соответствия излагаемого материала заявленной теме (названию). Как бы ни казалось это парадоксальным, несоответствие темы и собственно содержания текста, заглавия и плана работы – достаточно типичная ошибка, которая встречается не только в студенческих работах, но также в диссертационных текстах, а порой и в статьях зрелых ученых. Для выполнения этого элементарного правила изначально автору необходимо определить объект и предмет исследования, цель и задачи, соответствующие теме.

Объект (изучаемая сфера реальности) и предмет (сторона, свойство, характеристика, функция изучаемой сферы) исследования определяются для того, чтобы четко очертить объем изучаемого, ограничить распространенное и вполне естественное желание автора описывать все полученные результаты и максимально полно охарактеризовать изучаемую сферу реальности.

Пример неточного определения объекта исследования приводит в отзыве на диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук официальный оппонент доктор социологических наук А.С. Вахштайн. Анализируя

диссертацию «Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий России и США», оппонент рассматривает несоответствие темы и текста исследования, неоправданные обобщения, изначально неточное определение объекта и предмета исследования. Достаточно саркастически А.С. Вайнштайн пишет: «В диссертационном исследовании автор называет своим объектом «научные лаборатории России и США», а предметом – их «сетевые взаимодействия». При этом речь идет о двух небольших группах русскоязычных ученых (одна из которых работает в США). Впрочем, автору чуждо этническое крохоборство – он не мелочится в ограничении своего объекта и видит в двух научных русскоязычных группах «научные лаборатории России и США»»²⁷.

Следующим за определением объекта и предмета действием становится формулировка цели работы и соответствующих ей задач. Безусловно, методологически грамотный исследователь объект и предмет, цели и задачи сформулировал еще до начала исследования, однако уточнение и окончательная коррекция формулировок необходимы на этапе написания научного текста. Точная, емкая и адекватная формулировка цели позволяет автору организовать изложение полученных результатов исследования, создать гармоничную и понятную конструкцию текста, где тема определяет цель (и задачи), цель определяет исследование и собственно текст, а текст полностью соответствует заявленной теме, не сужая и не расширяя ее.

Известный белорусский логик и методолог В.Ф. Берков уточняет, что «согласно методологическому правилу релевантности (англ. relevant – уместный, относящийся к делу), ответ (собственно сам текст) должен даваться по существу поставленного вопроса (конкретно по существу темы). Это правило выполнимо, если ответ (текст) формулируется на языке вопроса (темы), соответствует схеме

²⁷Вахштайн, А.С. «Отзыв на диссертацию «Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий России и США», подготовленную на соискание ученой степени кандидата социологических наук»/В.Вахштайн – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100006502/отзыв%20002_Артюшина.pdf..

построения прямых ответов и области его неизвестной, и при этом не содержит избыточной информации»²⁸.

Особое внимание рекомендуется обратить на формулировку цели и задач в тексте. Они оформляются побудительным предложением или глаголом. Так, авторы, формулирующие цель существительным, – например, «оценка», а не «оценить», «изучение», а не «изучить» – изначально нацеливают работу не на получение конкретного результата, а на сам процесс изучения темы. Например, формулировка цели (в диссертационном исследовании) «установление особенностей окислительного метаболизма и антиоксидантной эффективности... и оценка возможности использования исследуемых показателей в качестве дополнительных тестов...» является некорректной, поскольку фактически не предполагает необходимости изложения конкретных данных, а лишь необходимость фиксации основных этапов процесса «установления...и оценки». Такая постановка цели не только не способствует грамотному изложению материала, но к тому же, неявно влияет на всю последующую логику автора, приводя к нечеткости и неконкретности результатов.

Второе правило создания научного текста неразрывно связано с первым и предполагает адекватное (в соответствии с законами логики) разделение текста на части, что способствует как систематизации мысли автора, так и лучшему восприятию текста реципиентом.

Для выполнения этого правила необходимым действием является составление плана научного текста. В качественно составленном плане через названия глав/разделов или через смысловые блоки ясно прослеживается как раскрывается содержание заявленной темы. По сути, в контексте названий/заголовков скрыты все поставленные вопросы и предполагаемые на них авторские ответы.

Не лишним будет напомнить, что план – это «лицо», «визитная карточка» любой научной работы, знакомясь с планом (содержанием) теоретически становится ясен и масштаб исследований, и научная корректность, и уровень логической и в целом интеллектуальной культуры автора. Перегруженный обилием структурных частей план свидетельствует о том, что у автора нет четкого и конкретного видения темы, он запутался в обилии материала и возможно потерял главную мысль/тему.

²⁸ Берков, В.Ф. Философия и методология науки/В.Берков – Мн., 2009 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adverbium.org/ru/comment/reply/841>

Чрезмерно упрощенный и обобщенный план, как правило, свидетельствует о плохом знании вопроса, хаотичном изложении материала без дифференциации на главное и второстепенное. План, вообще не отвечающий теме (когда вопросы выходят за рамки темы или, наоборот, тема в вопросах полностью не раскрывается), сразу говорит о недостаточности и не качественности проведенной работы. Во всех этих случаях логически грамотный человек вряд ли вообще дальше будет знакомиться с текстом, поскольку впечатление (негативное) о работе автора уже сформировалось.

Рекомендуем в ходе работы над научным текстом и при ее завершении всегда проверять себя посредством применения нескольких простых логических операций. Для этого после составления плана рекомендуется проверить логическое и смысловое соответствие заявленной темы и цели исследования, затем – соответствие цели и задач, затем – задач и основных глав/разделов/смысловых блоков и, наконец, соответствие плана в целом заявленной теме. При проведении такой «проверки» следует руководствоваться принципом равенства объемов темы и раскрывающих ее частей плана, а также известным принципом «долой все излишнее».

Немаловажно при «наполнении» структурных элементов плана придерживаться нескольких базовых формальных принципов. Эти принципы предполагают выполнение основных методологических требований к структурным элементам научного текста. Конечно, требования, например, к введению, для научного текста могут различаться в зависимости от функциональной характеристики научной работы, допустимого объема (безусловно, отличны требования к введению в диссертации и научной статье) и т.д., однако, существуют и общие формальные правила для написания структурных частей научного текста. Так, задача введения – составить впечатление о теме, уровне ее разработанности и актуальности, наличии нерешенных вопросов, собственном вкладе автора в изучение исследуемой проблематики. Введение не рекомендуется перегружать терминологией, сложными словами и концептами. Во введении, как правило, прописываются объект и предмет исследования, поставленная цель и задачи, в целом характеризуется методология исследования и основные подходы к изучению рассматриваемого объекта.

В последующих смысловых блоках научного текста (главах/разделах) излагается основной материал проводимого научного исследования. Основных частей (кроме введения и заключения), как правило, должно быть не более трех–четырех,

что обусловлено спецификой восприятия текста реципиентом. Безусловно, каждая такая часть в свою очередь может члениться на главы, подглавы и т.д. Итогом каждого смыслового блока (главы/ раздела) научного текста являются выводы, которые обобщенно формулируют основные результаты полученные автором и подводят итог определенной смысловой части текста.

Обращают на себя внимание советы психологов и методологов науки, которые предлагают при написании научного текста по возможности придерживаться правила примерного равенства в тексте объема основных блоков (глав/разделов), что позволяет визуальнo легче воспринимать текст и оценивать его как более сбалансированный.

Заключение в научном тексте становится итогом всей предыдущей работы, что должно побуждать авторов относиться к написанию заключения максимально внимательно. Здесь в краткой и сжатой форме излагаются результаты, получившие достаточное обоснование в основной части текста и представляющие собой решение всех задач, поставленных исследователем в рамках реализации цели работы. Следует помнить, что вспомогательные результаты, как и результаты недостаточно аргументированные, в заключение не включаются. В заключении могут намечаться дальнейшие перспективы изучения темы, однако излишняя перегруженность заключения реципиентом может восприниматься негативно – главное здесь кратко и аргументировано изложить результаты, обеспечивающие решение задач исследования.

Общими принципами, при соблюдении которых логически объединяются части научного текста, являются:

- целенаправленность и связность текста,
- содержательная и логическая полнота изложения,
- единство стиля изложения.

Третье правило создания научных текстов требует соблюдения элементарных законов логики в процессе написания текста. Нарушение этого правила приводит к тому, что текст становится противоречивым, непонятным и, в конечном итоге, ненаучным.

Часто в научных текстах допускаются погрешности, связанные с нарушением элементарных законов логики. Например, (из текста замечаний рецензентов к

диссертационной работе) «на стр...рассматривается «положительная» корреляционная связь, тогда как $s = -0,7534$, что свидетельствует об отрицательной связи»; «автор пишет, что имеются единичные работы о состоянии метаболитов ПОЛ и АОЗ при *H-pylori* ассоциированных заболеваниях..., но в тоже время на стр... читаем, что исследователями уделяется большое внимание изучению состояния ПОЛ у больных...подтверждением чего могут служить следующие работы.... (рассмотрено не менее 10)».

Особенно некорректно и антинаучно в тексте воспринимается нарушение закона исключенного третьего. В.Ф. Берков пишет: «Научное исследование по большей части начинается с мнения, завершается же оно знанием. В этом процессе активно используется закон исключенного третьего, позволяющий на основе отбрасывания ложного А (или не-А) переходить к истинному высказыванию не-А (или А). Важно в самом начале найти и сформулировать эти А и не-А. Допускаемые при этом ошибки связаны, в частности, с тем, что между А и не-А помещают или пытаются поместить нечто третье»²⁹. Например, «симптомы пищевой аллергии могут быть большими и малыми, а еще латентными», «материализм может быть либо последовательным, либо непоследовательным, либо диалектическим». Интересно, что приводя логически безграмотные высказывания, классификации, авторы, отстаивая свое мнение, нередко ссылаются на специальную литературу (научную или учебную), которая, по их мнению, непогрешима и даже «свободна от выполнения требований законов логики».

Четвертое правило создания научных текстов требует использования в научном тексте ясного и выверенного научного языка, отсутствия многозначности и нечеткости определений.

Научный текст теряет свою научную ценность, когда изложение материала многословно и расплывчато, отличается нечеткостью формулировок, неопределенностью и некорректностью используемой терминологии. Неточные, неясные выражения зачастую разрушают сам смысл научного текста. Примером могут служить неудачные выражения из диссертационных текстов, смысл которых, пожалуй, понятен только авторам работ: «из уровня техники известно», «без

²⁹ Берков, В.Ф. Философия и методология науки/В.Берков – Мн., 2009 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adverbum.org/ru/comment/reply/841>

статистически значимых различий между силой связи», «отрицательная корреляционная связь средней степени и статистической значимости», «накопившийся массив теоретических исследований» и т.д.

Часто авторы научных текстов недооценивают значимость определений (дефиниций) – либо, не используя их вообще и не объясняя вводимые термины, либо игнорируя логические правила определений при формировании научной терминологии. Это нередко распространяется и на приводимые авторами классификации или типологии. Распространенные примеры классических нарушений при определении и классификации проиллюстрированы в нижеприведенных фразах из текстов, претендующих на научность и логическую корректность: «протозоология – это раздел зоологии, изучающий протозоа» или «выделяют следующие виды массажа – лечебный, гигиенический, спортивный и самомассаж».

Заслуживает особого внимания высказывание известного итальянского философа, литературоведа и педагога Умберто Эко, который, наставляя своих студентов, говорил о важности определений весьма колоритно: «Вводите определения всех терминов, когда они появляются в первый раз. Не можете дать определения термина — не употребляйте. Если речь идет об одном из главных терминов вашего диплома, а вы не можете дать ему определение — бросайте писать диплом. Вы ошиблись в выборе темы (или профессии)»³⁰.

И, наконец, **пятое правило** создания научных текстов требует устранения из текста избыточной информации – СЛЕНТа.

В методологии науки всё, что сопровождает становление результата и отбрасывается на его зрелой стадии, получило название строительных лесов научной теории, или **СЛЕНТа** (аббревиатура, предложенной философом Э.М. Чудиновым). Задача исследователя состоит в том, чтобы своевременно отказаться от СЛЕНТа, устранить его из текста как излишество.

В качестве примера проникновения СЛЕНТа в план научной работы приведем план диссертации на тему «Соотношение теории и эксперимента в современном естествознании»: «Введение. Глава 1. Возникновение познавательного интереса в практической деятельности людей. Глава 2. Развитие естествознания до появления

³⁰ Эко, У. Как написать дипломную работу/У.Эко – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/eco-diplom.pdf>.

эксперимента. Глава 3. Эксперимент и его связь с теорией. Заключение.» При внимательном изучении плана становится ясно, что, во-первых, собственно тема раскрывается только через главу 3, тогда как главы 1 и 2 вообще выходят за рамки изучаемой темы. Во-вторых, материал, который предлагается рассмотреть в главах 1 и 2 лишь косвенно связан с изучаемой темой (в рамках подготовительного этапа исследования) и, соответственно, является СЛЕНТОМ.

Распространенным приемом «протаскивания» СЛЕНТА в тексте является включение излишних теоретических положений, которые играют исключительно вспомогательную роль при изложении материала. Рассмотрение таких положений, как правило, выходит за рамки изучаемого вопроса (темы) или представляет собой обсуждение «хрестоматийных истин», что в научном тексте не является логически оправданным. К сожалению, на изложение такого рода «прописных» истин иногда отводятся целые разделы диссертаций в ущерб принципиально новым исследованиям и их теоретическому обоснованию.

Выполнение вышеперечисленных пяти правил создания научного текста, безусловно, не является панацеей от написания некорректных и безграмотных научных трудов. Однако, соблюдая эти правила, автор существенно облегчает себе задачу: выполняя формальные требования, обеспечивает конструктивность, четкость, ясность, однозначность и презентабельность текста. Остается напомнить, что хорошее содержание без адекватной формы, как правило, не принимается научным сообществом, форма без содержания – пуста и бессмысленна, и только при совокупности логически продуманной формы и значимого научного содержания возможно сформировать качественный интеллектуальный продукт.

2. Первичные и вторичные научные тексты.

Научные тексты можно условно классифицировать на первичные и вторичные. К первичным текстам относят те, которые содержат собственно авторскую информацию, связанную с исследованием, оформленную по заранее заданным правилам и имеющую научную новизну, – научные статьи, тезисы, диссертации, монографии и т.д. Вторичный текст создается на основе первичного и служит совершенствованию процессов хранения, накопления, переработки и использования

информации. Примерами вторичных текстов являются аннотации, рефераты, конспекты, резюме, рецензии, обзоры и т.д.

Вторичные научные тексты в свою очередь можно разделить на тексты «разворачивающие информацию» и тексты «сворачивающие информацию». При «свертывании» происходит сокращение первичного текста с сохранением информации, необходимой и достаточной для сообщения основных положений. «Развертывание» противоположно свертыванию, оно состоит в акцентировании моментов, не включенных в первичный текст. Тексты «разворачивающие информацию» чаще всего акцентируют мнение автора, проблему актуальности и/или носят объясняющий характер. Здесь происходит «погружение» текста в систему некоторых информационно-коммуникативных и социокультурных отношений и, следовательно, приобретение им новых смысловых качеств³¹.

Основными видами вторичных научных текстов – **«сворачивания информации»** – являются аннотирование, реферирование, конспектирование и фрагментирование. **Аннотирование** — это создание вторичного текста (аннотации), содержащего необходимые и достаточные сведения о теме (субъекте) первичного текста. Аннотация информирует о замысле произведения, предмете рассмотрения в тексте и рассчитана на самый широкий круг читателей.

Реферирование — создание вторичного текста (реферата), содержащего необходимые и достаточные сведения о теме вместе с речью текста. Здесь устраняется вводная часть текста, сложные элементы заменяются более простыми (эквивалентными по смыслу!), также элиминируются терминологические разъяснения, вспомогательный аппарат, к минимуму сводятся аргументационные структуры. Близким по существу к реферированию является конспектирование, фрагментирование.

Вторичные тексты – **«развертывание информации»** представлены в виде научных (литературных) обзоров, критических статей к первоисточнику, рецензий, комментариев, экспертных оценок и др. **Рецензия** (лат. recensio – рассмотрение) представляет собой вторичный текст, назначение которого разобрать и оценить научный текст в разных его формах (научная программа, отчет, диссертация, статья и

³¹ Берков, В.Ф. *Философия и методология науки*/В.Берков – Мн., 2009 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adverbium.org/ru/comment/reply/841>

т.д.). Важно, чтобы рецензия отвечала поставленным перед ней задачам, т.е. давала четкий ответ на вопрос о возможности публикации/защиты/использования в учебном процессе и т.д. рецензируемого текста. Рецензии также обязательно отражают актуальность и значимость текста, его «презентабельность» и соответствие современным научным знаниям по рассматриваемому предмету. Рецензии могут носить и критический характер, однако в соответствии с научной этикой критика не должна переносить аргументы «против» с научной проблематики на межличностные отношения.

Под *обзором* понимается вторичный текст, содержащий сводную характеристику первичных текстов, объединенных некоторым признаком (темой, методом решения вопроса, способностью удовлетворять насущную потребность и т. д.). Так, итоговые обзоры научной литературы как бы подводят черту под научными разработками в той или иной области и имеют своей целью сориентировать специалистов в состоянии некоторого вопроса. Библиографические обзоры представляют собой связные характеристики произведений печати по типам и видам изданий, персоналиям, тематике и т.д. и ориентируют потребителей в документальных потоках³².

³² Берков, В.Ф. Философия и методология науки/В.Берков – Мн., 2009 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adverbum.org/ru/comment/reply/841>

Тема 2.6 Наука как социальный институт

1. Институализация науки и ее основные этапы.
2. Научная коммуникация и ее специфика. Научная дискуссия.

1. Институализация науки и ее основные этапы

Социальный институт – это устойчивый комплекс формальных и неформальных правил и норм, регулирующих человеческую деятельность и организующих ее в систему ролей и статусов, существующих и развивающихся в рамках общества. Наука, являясь важнейшим социальным институтом в современном обществе может рассматриваться как совокупность организаций и учреждений, функционирующих в соответствии с особыми правилами и императивами, а также как система отношений и ролевых функций, возникающих в научных сообществах на различных стадиях исследовательского процесса

По мнению представителя когнитивной социологии науки Р. Уитли необходимо различать когнитивную и социальную институализацию науки. Когнитивная проявляется через интеллектуальную, социально-психологическую, ментальную координацию и интеграцию членов научного сообщества, их приверженность единым принципам и эталонам изучения мира, нормам исследований, общим стандартам и корпоративным ценностям, правилам профессионального поведения и т.д. Социальная же институализация науки выражается через интегрированность ученых в формальные и неформальные научные структуры, сообщества (такие как научные школы, университеты, исследовательские институты, научные журналы и пр.) Таким образом если когнитивная институализация «выстраивает» и цементирует науку изнутри как сообщество, то социальная институализация формирует структуру и проявления науки как феномена общественной жизни.

Процесс институализации науки начинается еще в период протанаучного знания, когда наука как оформленное явление культуры (социума) еще не существует, но интенции на консолидацию знания, начала формирования специальных правил и норм познания уже закладываются (начало этих процессов относится еще к эпохе великих цивилизаций древности – с тайных учений древнеегипетских жрецов, античных школ, академии Платона и Ликеея Аристотеля, Византийской школы Льва Математика и др. – где знания рассматриваются уже как способ развития человека и средство управления обществом, а «носители» знаний стремятся к консолидации).

Значимый этап для становления науки – это также формирование первых университетов, объективирующих знание как самоценность, формирующих первые нормы научной (точнее протонаучной) деятельности и развивающих престижность знания как такового³³.

С формированием классической науки в к. XVI – начале XVII века процессы институализации науки и интеграции ее в жизнь общества существенно ускоряются: от фигуры ученого-одиночки, исследующего мир преимущественно ради собственных интересов, к объединению ученых в группы и оформлению этих процессов (например, формирование Лондонского научного общества в 1660 г., Парижской академии наук 1666 г., Петербургской академии наук в 1774 г. и т.д.). Ученые, начиная с XVII в. объединяются в группы/общества на основе близости интересов, идей, методов познания, формируя параллельно нормы, правила и эталоны профессиональной научной деятельности.

Второй этап институализации науки можно очертить временными рамками XVIII – XIX вв., что связано с периодом развития неклассической науки и проявляется в организации профессиональных ассоциаций и объединений ученых (французская консерватория (хранилище) технических искусств и ремесел, 1795 г.; собрание немецких естествоиспытателей, 1822 г. и др.). Такие профессиональные объединения способствуют созданию «республики ученых», где постепенно стираются национальные границы и предпочтения, а наука как социальное явление уже претендует на наднациональный статус. Оформлению науки как социального института и одновременно интернационального феномена также способствует и развитие традиции научных съездов и конференции после 1848 г., опыт всемирных выставок (например, в Лондоне с 1851 г.) и др.

XX в. знаменует начало 3 этапа институализации науки, связанного с объединением науки и других социальных институтов – прежде всего производственных, а также образовательных, что свидетельствует о возрастающей значимости науки в обществе и закреплении ее социального статуса как важного явления в социальной жизни. Примером может служить создание государственных управлений для руководства научными исследованиями (Управление по научным и промышленным исследованиям – Англия, 1916 г., координационных советов, в т.ч.

³³ В XII в. созданы Болонский, Парижский университеты, в начале XIII в. – Оксфорд, Кембридж и т.д.

осуществляющих финансирование науки – например, национальный исследовательский совет США); а также создание системы аспирантуры для концентрации,

координации и поддержки наиболее перспективных научных кадров в 30-е годы XX ст. В современном мире развитие институализации науки связано с проникновением науки практически во все сферы жизни общества – экономику, политику и управление, образование, производство (во всех его проявлениях), слияние науки и технологий, манипулирование общественным сознанием и т.д.

Третий этап институализации науки связан также с развитием научных школ. *Научная школа* – интегрированный единой программой и общим стилем мышления коллектив исследователей, возглавляемый, как правило, широко известным и признанным ученым, выполняющим в данном коллективе функции лидера и генератора идей. Классические научные школы возникают начиная с XIX века при крупнейших европейских университетах, научно-исследовательских центрах, решая наряду с образовательными задачами проблемы развития научных знаний.

С середине XX столетия начинается 4 этап институализации науки, который определяется прежде всего «внутренними» процессами институализации научного знания – ростом внутринаучной коммуникации, постепенным переходом от классической научной школы «географически» привязанной к конкретному научному центру (например, научные школы Белорусского государственного университета) и, соответственно конкретному государству, к «незримому колледжу» и общемировому научному сообществу. Новый тип научных школ возникает с середины XX в., когда адресные научные программы и проекты, выступающие как социальный заказ, объединяют ученых «под идею/задачу» независимо от национальной или профессиональной принадлежности. Реализация таких проектов обеспечивается не столько собственно научным центром (университетом) или влиянием научного лидера, сколько базисными целевыми установками исследования. Известный историк и социолог науки Дж. Бернал обозначил такие научные школы понятием «*незримый колледж*».

В целом процессы институализации науки в XX – XXI ст. развиваются в мире неравномерно, что зависит от уровня политических, экономических, национальных

особенностей развития обществ. Глобальные тенденции институализации науки в современном обществе связаны с:

- формированием междисциплинарных и международных научных групп («незримый колледж»), объединенных идеей/проектом и индивидуальным авторитетом крупных ученых,
- сплочением ученых; переходом от научных обществ, имеющих преимущественно национальное значение, к международному научному сообществу. Этот процесс выражается, в частности, в формировании общих норм и требований к оформлению, распространению результатов научного труда, оформлением статусных научных журналов (изданий), авторитетных международных научных платформ и баз данных, международном признании³⁴ научных достижений, а также международном порицании и неприятию научных исследований³⁵;
- развитием науки как социального института в XXI веке, что требует понимания необходимости распространения научных знаний в обществе, их популяризации, поскольку современная наука существует в социуме и «для социума» (выполняет социальный заказ на средства общества) и, соответственно, ученый уже не может себе позволить замыкаться только в рамках своего профессионального (научного) сообщества. Эта проблема особенно значима сегодня для биомедицины, поскольку биомедицинские исследования, новые средства/технологии и их применение на практике затрагивают интересы всех представителей общества, что требует широкого распространения/разъяснения полученных результатов/знаний/практических методик.

Таким образом в ходе поэтапной институализации науки в обществе сформировался значимый и влиятельный социальный институт (наука), который развивался от становления фигуры ученого к научным обществам и ученому сообществу, объединенному наднациональными целями, ценностями, нормами и эталонами.

³⁴ Например, Нобелевские премии, гранты на исследования, резолюции международных научных конгрессов и т.д.

³⁵ Например, международный негативный отклик ученых на исследования по редактированию генома китайского ученого Хэ Дженкуя (2018 г.), поддержанный не только различными ассоциациями научного сообщества, но также различными международными комитетами по этике науки и технологий, биоэтике и т.д.

2. Научная коммуникация и ее специфика. Научная дискуссия

Огромное значение для становления ученого сообщества имеет научная коммуникация. В широком смысле коммуникация выступает как связь внутри научного сообщества, передача информации, обмен мнениями, собственно публикация научных достижений и т.д. **Научная коммуникация** – совокупность видов и форм профессионального общения, а также передачи информации от одного его компонента научного сообщества к другому. Различая виды и формы коммуникации научного сообщества целесообразно выделить «внешнюю» и «внутреннюю» коммуникацию. «Внешняя» связана с социально-когнитивной коммуникацией ученых (исследовательских групп, научных школ, направлений и т.д.) и внешних по отношению к науке общественных институты/организации (государственные, политические, экономические, правовые, религиозные, институт общественного мнения и т.д.). Такая коммуникация имеет своей целью достижение научного результата (поставленной цели) и его реализацию на практике. Внешняя коммуникация, как уже говорилось выше, с развитием социума и развитием науки приобретает определяющее значение.

«Внутренняя» коммуникация предполагает весь комплекс взаимоотношений внутри научного сообщества. С развитием информационно-коммуникационных технологий коммуникация в рамках научного сообщества осуществляется через новые формы (от переписки ученых к публикациям в научных изданиях с последующим обсуждением до научных объединений на соответствующих платформах, сайтах, формирование баз данных). Например, Scopus – единая реферативная и наукометрическая база данных (индекс цитирования), которая индексирует более 18500 наименований научно-технических и медицинских журналов примерно 5000 международных издательств; также можно в качестве примера привести платформы Web of Science Core Collection, соционет, academia.edu, UNIPHY, medtusovka.ru и др. в зависимости от профессиональной направленности, целей, обсуждаемых проблем и т.д.

Классификации форм научной коммуникации в зависимости от выбранного признака (носитель коммуникации, средства коммуникации, временной интервал и т.д.) может рассматривать также формальную и неформальную коммуникацию (в контексте ее зафиксированности в официальных документах/источниках), устную и

письменную, личностную и безличностную, непосредственную и опосредованную, планируемую и спонтанную и т.д. Так, по мнению известного социолога науки Д. Прайса «если мы говорим о той коммуникации, которая используется исследователем и как источник мотивации его работы, и как источник данных, вообще делающих возможной его работу, то около 80% этого информационного потока поступает к нему от других исследователей на стадии, которая предшествует формально коммуникации, по неформальным каналам – бесед за бокалом вина, конференций, семинаров, препринтов и других компонентов “невидимого колледжа”»³⁶.

Подчеркивая значимость коммуникации для научного сообщества необходимо акцентировать момент коммуналности научного творчества. Обмен идеями, результатами важен не только как этап движения к цели, но и как определение «тупиковых ветвей», оттачивание аргументов, определение хрестоматийных основ и нетрадиционных путей и т.д. Таким образом, не гениальное молчание о великой идее, а постоянный коммуникативный обмен способствует развитию науки. Практически хрестоматийным стало высказывание испанского философа Х. Ортега-и-Гассета о том, что необходимо подчеркнуть чрезвычайный, но неопровержимый факт: экспериментальная наука развивалась в значительной мере благодаря усилиям людей на редкость посредственных³⁷. Н. Винер отмечал, что 95% оригинальных научных работ принадлежат менее чем 5% ученых, оговариваясь при этом, что без оставшихся 95% эти работы никогда не могли бы быть написаны. По мнению Р. Коллинза «местом» мышления являются не сознание индивидов, а исторический сети взаимоотношений; по мнению ученого, порядка 75% процентов всех его идей унаследованы от менторов, получены в ходе дискуссий с коллегами, сконструированы для опровержения оппонентов и «все мы – участники широкой сети взаимоотношений между людьми, вовлеченными в постоянный диалог и спор. И эта сеть не менее реальна, чем мы с вами».³⁸

³⁶ Дж. де С. Прайс, Д. де Б. Бивер. Сотрудничество в "невидимом колледже" // Коммуникация в современной науке : сб. — М.: Прогресс, 1976. — С. 337.

³⁷ По сути, на этой же максиме основаны теория «общего знания» Дж.Займана, концепция «нормальной науки» Т. Куна, «коммуникативное существо науки» У. Гарвея и т.д.

³⁸ Randall, Collins «Interaction Ritual Chains»/ С.Randall – Princeton University Press. 2009, p.31

Владение средствами и навыками современной коммуникации, таким образом, становится одной из важнейших основ современной науки. Это предполагает знание различных средств коммуникации, знание общедоступных и специальных коммуникативных платформ, умение использовать соответствующие кодировки, обеспечивающие адекватное восприятие информации, умение пользоваться инфопотоками (в т.ч. умение противостоять манипулированию инфопотоков) и, конечно, владение навыками проведения научной дискуссии.

Научная дискуссия – обсуждение какого-либо научного вопроса или группы связанных вопросов компетентными лицами с целью достижения взаимоприемлемого решения, выработки основных путей решения обозначенной проблемы.

Продуктивная дискуссия может способствовать также выявлению, постановке и решению научных проблем, возникновению новых междисциплинарных направлений, внедрению нестандартных подходов, формированию нового знания, оттачиванию аргументации и т.д.

Обязательным требованием к проведению научной дискуссии является соблюдение базовых логических правил организации и выстраивания дискуссии. Прежде всего, это четко выстроенная логическая структура: тезис, обсуждаемый в дискуссии, точки зрения участников дискуссии и подтверждающие их точку зрения аргументы, собственно итоги дискуссии.

Общие правила ведения научной дискуссии:

1. Требование наличия общего предмета обсуждения и четкой формулировки тезиса дискуссии (к сожалению, тезис, обсуждаемый в ходе дискуссии не всегда понятен всем участникам – и не только по сути заложенной в тезисе идеи, зачастую непонимание может касаться количественной/качественной характеристики обсуждаемого предмета). Например, обсуждая пациентов с диагнозом ХОБЛ, мы не оговорили в начале дискуссии идет ли речь обо всех пациентах, или только о некой референтной группе, будем ли рассматривать особенности ХОБЛ в зависимости от половых, профессиональных, психических и т.д. характеристик пациентов. Классические законы логики, управляющие основами нашего мышления, запрещают как сужать, так и расширять тезис в процессе дискуссии, иначе она (дискуссия) становится бессмысленной. Дополнительно это правило предполагает наличие взаимопонимания между участниками и, одновременно, наличие разногласий в

понимании/осмыслении рассматриваемого тезиса. Тезис формулируется ясно, четко и максимально недвусмысленно, предельно конкретно, тезис опирается на истинные основания. (Так, обсуждаемый тезис не должен опираться на ложные посылки – известная в логике «ошибка многих вопросов»: например, вопрос «перестал ли пациент курить» требует в начале ответа на вопрос курил ли он до этого вообще, что безусловно «уводит» дискуссию от заданного направления или даже делает ее беспредметной). Тезис должен оставаться одним и тем же на протяжении всего процесса обсуждения (это касается и «уточнений» тезиса, которые могут менять его смысл). Например, в ходе дискуссии может производиться несознательное/сознательное искажение тезиса. Несознательное связано с нарушениями логического мышления. Сознательное изменение тезиса – «подмена тезиса» – свойственно участникам дискуссии, которые настроены не на объективное обсуждение, а на агрессивное «протаскивание» собственного мнения.

2. Используемые в дискуссии средства должны признаваться всеми, кто принимает в дискуссии участие. Частный случай – требование точности/однозначности используемых участниками дискуссии терминов или базовых понятий. Кроме того, правило распространяется и на обоюдное признание избираемых аргументов (планируется ли в ходе дискуссии использовать статистику, неофициальные данные, а также ценностные аргументы, мнение авторитетных экспертов и т.д.)

3. Целью дискуссии должно являться сотрудничество. Это предполагает не только изложение точек зрения участников дискуссии, но также и желание/возможность выслушать противоположные точки зрения (аргументированные). При этом стремление к сотрудничеству не должно трансформироваться в конформизм и соглашательство, что изначально делает дискуссию бессмысленной.

4. Стремясь к плодотворной и результативной научной дискуссии важно помнить, что дискуссия должна обладать свойством избыточности. Это касается как привлечения участников дискуссии (разные специалисты), так и наличие разнообразных точек зрения по рассматриваемому вопросу.

Требования к точкам зрения и аргументам (достоверия) участников дискуссии

предполагают релевантность поставленному вопросу. Релевантность здесь рассматривается как непосредственная связь с поставленным вопросом/тезисом.

Точки зрения участников дискуссии могут быть релевантным и нерелевантным ответом на обсуждаемый вопрос: при этом релевантные ответы предполагают полные или частичные ответы по существу вопроса, тогда как нерелевантные – не соответствуют вопросу (тезису), что нередко приводит к отсутствию взаимопонимания между участниками и, как следствие абсолютной бессмысленности дискуссии.

Кроме того, важным условием плодотворности дискуссии является информативность ответов (тезисов).

К приводимым в защиту точек зрения аргументам также можно предложить основные требования:

1. Требование наличия аргументов, обосновывающих точки зрения участников дискуссии. При отсутствии аргументов дискуссия перерастает в бессодержательные и абстрактные рассуждения. Бессмысленно дискутировать с человеком, который оперирует в дискуссии только абстрактными истинами или категоричными сентенциями, никак не аргументируя свою точку зрения.

2. Следует учитывать, что на отбор доводов/аргументов существенно влияет мировоззрение аргументатора. Важен для дискуссии не только эпистемический аспект аргументации (логическая связь довода/тезиса и аргументов), но также и коммуникативный аспект (который касается подбора аргументов, принимаемых всеми сторонами дискуссии, включая ценностные, образные и пр. примеры, ссылки и т.д., подобранные для убеждения участников)

3. Важно помнить, что при доказательствах/опровержениях, подтверждениях/возражениях аргументы должны быть истинными. Ложные аргументы не только не обосновывают тезис, но также придают дискуссии бессмысленный характер. Зачастую ложные аргументы «маскируются» с помощью различных коммуникативных уловок – таких как обращение к авторитетам (например, «по мнению академика Х.»), к общественному мнению («всем известно, что...»), к силе, жалости и т.д.

4. В доказательствах и опровержениях аргументы должны быть достаточными для принятия тезиса. Знаменитые логические ошибки при нарушении этого правила – «не следует» (из аргументов тезис логически не вытекает), «кто много доказывает – ничего не доказывает» (приводятся такие аргументы, из которых вытекает тезис, но также вытекают и другие, несовместимые с ним положения).

5. Должна соблюдаться связь между тезисом и аргументами (т.е. демонстрация как связь между тезисом и аргументами строится на основании логических правил, характерных для используемой разновидности аргументации). Так, при доказательствах и опровержениях демонстрация должна соответствовать законам логики (правилам дедуктивного рассуждения), при подтверждении и возражении допустима демонстрация, опирающаяся на вероятностные (индуктивные) логические рассуждения.

Даже при логически и содержательно корректной дискуссии, итогом ее не всегда является принятие однозначной исчерпывающей точки зрения по рассматриваемому вопросу. Несмотря на то, что наиболее распространенным результатом становится «компромисс» – определенная степень согласия участников – любая правильно выстроенная научная дискуссия имеет колоссальное значение. Главным итогом научной дискуссии является обмен мнениями/данными, общение между представителями научного сообщества при котором точки зрения участников дискуссии уточняются, аргументы оттачиваются, проверяется их воздействие на оппонентов, слабые аргументы отбрасываются, знания по вопросу приводятся в строгую систему. По мнению К. Поппера результатом дискуссии не обязательно становится установление истины, главным является расширение интеллектуального горизонта участников.

Для современной постнеклассической науки, где сложно найти однозначность и абсолютный консенсус в решении вопросов, и где в соответствии с принципом дополненности Н. Бора дополняют друг друга противоположные объяснения явлений и процессов, коммуникация в форме дискуссии приобретает особенно важное значение.

Вступая в дискуссию, оценивая иную точку зрения/гипотезу современному ученому необходимо помнить о сформулированном советским ученым биологом С.И. Мейном *«принципе сочувствия»*. По мнению ученого в случае иного видения мира

надо постараться мысленно встать на место оппонента и «изнутри с его помощью построить здание, которое он построил, воспроизвести весь ход его аргументации»³⁹. И только проникнув в логику и интуицию (!) оппонента – либо принять, либо сделать вывод о ее неприемлемости для себя. Принцип сочувствия С. Мейена, наряду с базовыми мировоззренческими принципами науки (принципом детерминизма классической науки, принципом дополнительности неклассической науки) становится важнейшим принципом постнеклассической науки, который акцентирует не только проблему понимания в современной науке, но также актуальность и значимость правильной коммуникации.

³⁹ С.В.Мейен. Принцип сочувствия. Размышление об этике и научном познании/ С.Мейен – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ginras.ru/library/pdf/meyen2006_princ_sochuvst.pdf

Тема 2.7 Наука в системе социальных ценностей

1. Роль науки в современной культуре. Сциентизм и антисциентизм.
2. Этнос науки.
3. Проблема этической экспертизы научных исследований.

1. Роль науки в современной культуре. Сциентизм и антисциентизм.

Наука – социокультурный феномен, самым активным образом влияющий на формирование базовых установок жизни современного общества. Прежде всего, это картина мира, складывающаяся у человека современной эпохи под влиянием науки, а также ценностные установки на развитие, совершенствование, применение во всех сферах жизни современных научных знаний и технологий (в политике, воспитании, образовании, спорте, быту и т.д.), использование наукоёмкого языка и пр. Соединившись с технологией, наука стала непосредственной производительной силой, способной как удовлетворять человеческие потребности, так и создавать новые. Классическая типология человеческих потребностей А. Маслоу сегодня может быть пересмотрена в контексте связи с научностью – удовлетворение практически всех потребностей человека современного общества связано с научным знанием.

Парадокс в том, что с внедрением науки в жизнь общества одновременно начинают развиваться процессы, противопоставляющие науку и общество. Прежде всего формируется своеобразный «разрыв» между профессиональной наукой и обывателем (здесь автор имеет в виду типичного представителя современного общества): чем дальше «вглубь» развивается наука, тем в меньшей степени ее новейшие открытия и идеи ассимилируются обществом. Отчасти это происходит потому, что наука не всегда готова транслировать свои идеи людям, используя ясный и понятный научно-популярный язык, отчасти потому, что в сознании обывателя научные и паранаучные знания тесно переплетаются, образуя, по меткому выражению О. Шпенглера «мифы современной эпохи». Особенно явно вышеназванные процессы отражаются в биомедицинском знании, которое, с одной стороны, актуально для каждого, с другой – наполнено для человека, далекого от профессиональной биомедицины, мифами, заблуждениями и упрощениями.

Серьезным вопросом для обсуждения статуса современной науки является вопрос ее ценностной нейтральности. Должен ли ученый задумываться о результатах

и воздействию своих идей на общество? Думается, что если классическая наука могла себе позволить оставаться относительно «ценностно нейтральной», прежде всего в силу того, что не имела такого колоссального влияния на жизнь общества, то сегодняшняя постнеклассическая наука не может не понимать, что проводя свои исследования современный ученый в ответе не только за актуальность и эффективность своего научного труда, но и за его гуманность, ценность для общества (как в контексте развития общества, так и в контексте сохранения человека и жизни вообще). Еще Н. Бор, рассуждая о несостоятельности представления о ценностной нейтральности науки (т.е. позиции «знание ради знания» или самоценности прогресса знания) говорил: «это [*ценностная нейтральность науки – прим. автора*] прекрасный сон, от которого нас пробудили мировые события»⁴⁰. В биомедицине вопросы ценностной «нейтральности» проводимых учеными исследований оказываются максимально значимыми, т.к. в этой сфере научные эксперименты связаны с людьми, и ученые не могут не предвидеть возможных последствий, рисков, не могут нарушать строгие эτικο-правовые нормы (информированное согласие, врачебная тайна) и т.д.

Споры и дискуссии о значимости и роли науки в жизни общества и человека выразились в истории культуры в формировании позиций сциентизма и антисциентизма. **Сциентизм** – это мировоззренческая установка, в основе которой представление об естественнонаучном знании как наивысшей культурной ценности и достаточном условии решения смысловых проблем. Сциентизм связан с абсолютизацией возможностей науки (среди известных представителей сциентизма – Г. Спенсер, Р. Карнап, Дж. Гелбрейт, Д. Белл и др.). Сциентизм, предполагая установку на абсолютную значимость науки в развитии человеческого общества, может быть представлен различными формами (крайний сциентизм, умеренный сциентизм) и идеями. Например, аксиологический сциентизм утверждает, что наука – высшая культурная ценность человечества и, соответственно, прогресс общества напрямую связан с прогрессом науки. Методологический сциентизм рассматривает науку как универсальный инструмент для объяснения/истолкования/интерпретации

⁴⁰ История и философия науки / под общей редакцией доктора философских наук М. Г. Федотовой – Омск, ОмГУ 2018 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.omgtu.ru/scientific_activities/division_of_graduate_and_doctorate/graduate%20school%20plus/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9C.%D0%93.%20%D0%B8%20%D0%B4%D1%80.%20%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%8F.pdf

любых феноменов человеческого бытия, в частности утверждая, что методологический арсенал точных наук универсален и может трансформироваться в любые сферы деятельности. В биомедицине, как и, впрочем, в других сферах человеческой деятельности, превалирование (преувеличение) роли научного познания в противовес остальным формам познания (и формам культуры), с одной стороны, плодотворно, т.к. призывает мыслить логично, доказательно, опираться на научную методологию в познании (в частности на этом строится доказательная медицина), однако в понимании сложных феноменов современного мира, в том числе человека, невозможно исключить иррациональные (ненаучные) формы познания – интуицию, предвидение, творческое озарение, вчувствование и т.д. (что необходимо в деятельности врача и, в частности, является важной частью клинического мышления).

Противоположной сциентизму является позиция антисциентизма, позиция отрицания роли науки в развитии общества или даже боязнь науки как инструмента уничтожения человеческой самости и человека как такового (например, рассуждения об искусственном интеллекте, победившем человека, биороботах, заменивших человека и т.д.)

Антисциентизм – мировоззренческая установка, в основе которой установка преуменьшить (или отрицать) позитивную роль науки в развитии общества и культуры. Согласно представителям антисциентизма (М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Т. Роззак, П. Фейерабенд, Э. Фромм и др.) невозможно упростить многообразие социального мира до научно-рациональных моделей и интерпретаций (что противоречит иррациональной природе общественной жизни). В разных формах сциентизм отрицает возможность познать феномен человека с помощью науки (антропологический антисциентизм), отрицает созидательные возможности науки (гуманистический антисциентизм), рассматривает науку как социальную утопию и др.

Нельзя отрицать наличие рационального зерна и в позиции сциентизма, и в позиции антисциентизма, первый ориентирован на колоссальный потенциал науки в развитии общества, второй – на сохранение человечности и роли внерационального познания и восприятия мира в человеческом опыте, Однако наиболее плодотворной позицией для развития человека и общества стал бы компромисс между двумя непримиримыми позициями, основой которого является признание роли науки в

жизни общества и, одновременно, учет того, что только рациональное познание, без учета системного подхода, интуиции, креативность не способно понять сложные феномены современного мира. Примером такого подхода может служить медицина, где клиническое мышление, например, предполагает рациональный подход, основанный на доказательствах, но также клиническое мышление предполагает «чувствование» пациента, установление «терапевтического альянса», врачебную интуицию и т.д.

2. Этнос науки.

Этнос науки – это сложившееся на протяжении развития науки и становления научного сообщества комплекс этических норм, принципов, правил, объединяющих ученых. По сути, это внутренний кодекс ученого мира, принятие и выполнение которого позволяет нам ощущать свою принадлежность к мировому научному сообществу как в исторической так и футуристической перспективе. По мнению А. Пуанкаре «наука является коллективным творчеством...; она как монументальное сооружение, строить которое нужно века и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни. Следовательно, она дает нам чувство необходимой кооперации, солидарности наших трудов с трудами наших современников, предшественников и последователей»⁴¹.

Основой этноса науки являются общечеловеческие ценности, а также сложившиеся в сообществе этические нормы научного труда. Согласно Р. Мертону в основе науки – комплекс ценностей и норм («научный этнос»), который включает в себя четыре основных правила (институциональные императивы):

1. универсализм (независимость результатов научной деятельности от субъективно-личностных контекстов научного знания). Наука – интернациональна и демократична,

2. коллективизм (предписывает ученому незамедлительно передавать результаты своих трудов в общее пользование, ученый как автор открытия может претендовать только на право приоритета, но не собственности!),

⁴¹ Берков, В.Ф. Философия и методология науки/ В.Берков – Мн., 2009 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adverbium.org/ru/comment/reply/841>

3. бескорыстность: требование к профессиональному поведению ученого, которое не предполагает учитывать никакие интересы, кроме достижения истины, а также радикальный запрет любых действий с целью приобретения признания за пределами научного сообщества (например, – слава, деньги и т.д.),

4. организованный скептицизм: императив требует детальной и всесторонней проверки любого научного результата, т.к. для науки нет ничего «святого», огражденного от методологических сомнений и критического анализа.

Также по мнению Р. Мертонa проблемой институализации науки становится «научная амбивалентность» – т.е. двойственность и противоречивость мотивов и профессионального поведения ученого: противоположность нормативных требований, реальность нерациональных мотивов поведения, включая явления конкуренции, зависти, подозрительности, скрытого плагиата и т.д.

Наряду с базовыми установками этоса науки – такими как честность, демократичность и коммуналность, формируются также научные ценности уважения чужого мнения, уважения (но не преклонения!) перед научными авторитетами, уважение культуры научной дискуссии, уважение авторства и моральный запрет на «подарочное авторство»⁴², культура ссылок в научных работах, запрет плагиата и компиляции в научных трудах и т.д. Современное общество в центр этических проблем современной науки ставит также гуманистическую ответственность ученого за этичность и нравственность проводимых им исследований. Никогда раньше моральная ответственность ученого за свои изыскания не была столь высокой в силу того, что наука, достигнув невиданного раньше могущества, становится амбивалентной – она может предоставить человечеству совершенно новые инструменты для развития, но также способна уничтожить человека, общество и природу (достаточно подумать о возможностях современной генной инженерии, создании атомного оружия, исследованиях по созданию искусственного интеллекта и т.д.). Поэтому императивом науки XXI века становится не просто поиск истины, но истины, согласованная с гуманистическими и моральными ценностями, требованиями защиты человека и человечества.

⁴² Под «подарочным авторством» обычно понимают включение в список авторов научного труда людей, не имевших к данной работе отношения, что происходит в связи с различными ненаучными соображениями (отблагодарить за оказанную помощь, включить в состав авторов авторитета в данной научной области и т.д.)

Наряду с общемировыми научными этическими нормами и правилами в национальных и профессиональных сообществах ученых могут устанавливаться и дополнительные этические требования, связанные с особенностями национального менталитета и культуры, профессиональных норм и т.д. Чаще всего это проявляется в формировании специфических дополнительных требований к публикациям, защите диссертаций, экспертизе научных работ, и т.д.

Большое значение для этоса современной науки имеет этика научных публикаций, т.е. принципы признания деятельности ученого, авторства его результатов, – то, что делает исследование доступным и открытым для научного сообщества и мира в целом. Необходимо помнить, что публикационная активность – это обязательное современное требование к нахождению в научном сообществе. Для науки существуют только то, что опубликовано и те, кто опубликовал. В контексте публикационной активности также возникает большое количество этических вопросов – от соблюдения этических норм и требований к публикациям до этически аморальной «погони за количеством публикаций» (которая, к сожалению, часто провоцируется внутренними требованиями в самом же научном сообществе⁴³), проблеме некорректного рецензирования и проблеме информирования общества о проводимых исследованиях и их результатах. К сожалению, современный мир столкнулся с новой проблемой – наука стала самостоятельным социальным институтом, практически «закрытым» для непосвященных. При этом научные исследования оплачиваются обществом, которое зачастую остается в неведении относительно результатов научных исследований. Причин такого неведения много, наиболее явные – неумение научных работников доносить результаты своих исследований понятно и доступно (используя научно-популярный язык), отсутствие желания и потребности информировать общество о результатах своего научного труда, отсутствие соответствующих механизмов в рамках научных институтов и т.д. Эта проблема особенно остро сегодня стоит в области биомедицины, поскольку проводимые исследования здесь непосредственно касаются жизни и здоровья людей и общества в целом. Иногда «трансляция» результатов передовых исследований

⁴³ Имеются в виду различные индексы (публикационной активности, цитирования и т.д.), требования к количеству (редко – к качеству) публикаций для защиты диссертации, научные отчеты «для галочки» и т.д.

запаздывает на годы (если не десятилетия), неудивительно, что это способствует недоверию науке и росту невежества общества в области биомедицины.

Тема научного этиоса, научных ценностей и норм находит свое отражение не только во внутренних дискуссиях научного сообщества, но и, во-первых, в формировании кодексов и правил научной этики (этики публикаций и т.д.), обязательных для применения в научном сообществе, и, во-вторых, в создании системы этической экспертизы научных проектов, исследований и их результатов.

3. Проблема этической экспертизы научных исследований.

По мнению многих авторитетных современных ученых сегодня необходим широкий демократический контроль над силами и инструментами, определяющими развитие науки. Безусловно, прежде всего такой контроль осуществляет сам исследователь (ученый), однако сложность, потенциальная опасность и порой непредсказуемость современных научных исследований такова, что дополнительно необходимы и инструменты, обеспечивающие гуманистическую экспертизу проводимых научных исследований. Здесь должны отслеживаться и рассматриваться возможные риски, соотношение предполагаемого вреда и пользы, предвосхищение краткосрочных и долгосрочных перспектив, информированность участников исследований, соблюдение основных этических норм научного труда и мн. др. Система экспертизы научных исследований начала развиваться еще в середине XX столетия, цель ее – охватить научные исследования, связанные с возможным воздействием на человека и природу во всех ее проявлениях (т.е. практически все научные исследования).

Система такой экспертизы на сегодняшний день в основном сложилась в области медицинского знания (*НЭК⁴⁴ или REC – независимые этические комитеты или Research Ethics Committees*), где влияние результатов научных исследований на человека (животных) непосредственно. Однако, в рамках биологического, педагогического, социологического, а также технического, кибернетического и пр. знания, где предполагаемые результаты и проводимые эксперименты также могут быть прямо или косвенно связаны с людьми, природой, обществом, такая экспертиза практически не существует.

⁴⁴ В Беларуси

Для биомедицинских исследований этическая экспертиза имеет особенно важное значение, поскольку здесь мы имеем дело с экспериментами, проводимыми на людях, которые могут негативно повлиять на жизнь и здоровье конкретного человека, отразиться в настоящем или будущем на качестве его жизни – как физическом/психическом, так и социальном. Вместе с тем, необходимость развития биомедицинской науки и практики, вызовы новых биомедицинских технологий, позволяющих спасти человеческие жизни и улучшить ее качество, необходимость разработки новых методов лечения, лекарственных средств и медицинских изделий требует проведения клинических исследований с участием людей (далеко не всегда целесообразна и адекватна замена проводимых исследований на людях компьютерными экспериментами, симуляционными аппаратами и т.д.).

НЭК призваны рассматривать и сопровождать исследования в сфере биомедицины, предусматривая соблюдение этических принципов, норм и правил.

В целом, медицинские исследования можно разделить на доклинические (естественнонаучные, которые, как правило проводятся с участием животных – что тоже является важным вопросом рассмотрения НЭК) и клинические (наблюдения/исследования с участием пациентов/здоровых добровольцев). Отдельную группу медицинских исследований составляют исследования в области общественного здоровья и здравоохранения, которые связаны с опросами/анкетированием/изучением документов/наблюдением и т.д. и, хотя не предполагают непосредственного медицинского вмешательства, также могут оказать негативное влияние на субъекта исследований (прежде всего психологическое и социальное воздействие), поэтому также подпадают под «юрисдикцию» НЭК. Все виды биомедицинских исследований (испытаний), независимо от их статуса, длительности, национальной (интернациональной) принадлежности и т.д. до начала исследований необходимо получают одобрение НЭК того учреждения, на базе которого планируется проведение исследования(испытания).

Деятельность НЭК основывается на международных и национальных документах, рекомендациях, локальных нормативных актах. Это, прежде всего Хельсинская Декларация ВМА, Конвенция о правах человека и биомедицине и др., а также национальные документы, в которых закреплены этические нормы и правила проведения биомедицинских исследований.

Важнейшими задачами НЭК при рассмотрении биомедицинского исследования является изучение/экспертиза дизайна исследования, изучение подготовленного для участников исследования информированного согласия, оценка цели, задач, актуальности, методов исследования с позиции защиты прав участников исследования и др. По итогам первичного рассмотрения представленных исследователем документов НЭК одобряет (или не одобряет) проведение исследования, формулирует рекомендации исследователю в сфере защиты прав испытуемых, максимального снижения возможных рисков для них и т.д., в идеале НЭК также контролирует ход проведения исследования, «сопровождает» его на всех этапах. Обеспечение прав человека, в том числе в контексте сохранения конфиденциальности его данных, обеспечение права на информацию, касающуюся жизни и здоровья, вопросов обоснованности рисков, которым подвергается человек при участии в исследовании, защиты уязвимых участников исследования – эти и др. вопросы являются приоритетными для рассмотрения этическими комитетами.

К важным характеристиками деятельности НЭК, обеспечивающим соблюдение прав человека, относятся следующие: следование биоэтическим установкам (правилам, нормам, принципам), принятым мировым сообществом и закрепленным в международных документах и национальном законодательстве, принципиальная независимость этических комитетов, междисциплинарность, повышение биоэтической квалификации членами комитета.

Следование биоэтическим установкам обеспечивается в большой степени знанием и контролем соблюдения членами НЭК международных и национальных документов/рекомендаций по вопросам исследовательской этики. Здесь отражены не только общие нормы исследовательской деятельности и принципы действия НЭК, но, в частности, и важнейшие требования к участию в биомедицинском исследовании.

Так, согласно ст. 40 Закона о здравоохранении Республики Беларусь⁴⁵ запрещается проведение клинических испытаний медицинских изделий на:

- детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей;
- военнослужащих и лицах, на которых распространяется статус военнослужащих;
- осужденных и лицах, содержащихся под стражей;

⁴⁵ Закон Республики Беларусь О здравоохранении 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ (в ред. от 11 декабря 2020 г. № 94-З (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.01.2021, 2/2814)

- лица, признанных в установленном порядке недееспособными;
- а также страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), принудительно госпитализированных и находящихся на принудительном лечении в психиатрическом стационаре.

Проведение клинических испытаний медицинских изделий на беременных женщинах и несовершеннолетних допускается в случае, если испытания проводятся для оказания медицинской помощи исключительно этим категориям лиц⁴⁶.

Кроме того, необходимо помнить и о категориях уязвимых граждан, участие в исследовании (испытании) которых нужно максимально обосновывать и допускать только в случае абсолютной необходимости их привлечения – это лица, чье добровольное согласие на участие в исследовании/испытании может быть результатом их чрезвычайной заинтересованности, санкциях со стороны руководства и т.д. (учащиеся высших и средних медицинских (клинических) учебных заведений; персонал клиник, лабораторий; пациенты, страдающие неизлечимыми заболеваниями; лица, содержащиеся в домах престарелых; безработные и малообеспеченные; пациенты, находящиеся в неотложном состоянии; представители национальных меньшинств; бездомные, бродяги, беженцы; несовершеннолетние и т.д.).

Соблюдение вышеперечисленных норм – обязанность и ответственность исследователя, однако, контроль за добросовестностью (и грамотностью) исследователя, обоснованием включения в исследование уязвимых граждан должен осуществлять и НЭК.

Еще одна важнейшая этическая (биоэтическая) норма проведения исследований и испытаний – требование исключительно добровольного участия в исследовании, оформленного письменным согласием субъекта исследований (для недееспособных – с письменного согласия одного из его законных представителей)⁴⁷.

Информированное согласие включает в себя полную и адекватную информацию об исследовании, а также обозначает права и обязанности участников исследования. В информированном согласии должно быть четко оговорено, в каком исследовании планируется участие, какова его цель, продолжительность, какие риски предполагает

⁴⁶ Закон Республики Беларусь О здравоохранении 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ (в ред. от 11 декабря 2020 г. № 94-З (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.01.2021, 2/2814), статья 40

⁴⁷ Там же ст.40

участие в исследовании, какие методы используются, предполагается ли забор и использование биологического материала, собственником которого является участник исследования, и, соответственно где/как будет храниться и использоваться данный материал и т.д.

Необходимо также помнить, что субъект исследования может в любой момент отказаться от участия в исследовании, что не должно повлечь для него никаких последствий и санкций.

В соответствии с международными этическими принципами и нормами НЭК также осуществляет оценку соотношения риска и ожидаемой пользы (для субъекта исследований/для общества), оценку ожидаемой пользы/выгоды как для субъекта исследований, так и для общества и науки, оценку безопасности возможных последствий и негативных реакций для участников исследования. В число дополнительных вопросов этической экспертизы включаются – непредвиденные и серьезные реакции исследуемых/испытуемых; появление новых данных в процессе исследования, которые могут свидетельствовать об усилении риска для пациентов; знание (и планирование) культурных особенностей испытуемых/культурной среды; предотвращение возможности причинения вреда испытуемым – вреда не только физического, но и социального и психологического (напр., вследствие терапевтического заблуждения исследователя) и др.

Независимость и междисциплинарность состава НЭК – это своего рода «инструмент», обеспечивающий реализацию возложенных на него функций по защите прав участников исследований/испытаний.

Независимость НЭК предполагает свободу его мнений от политических/экономических/религиозных/социально-культурных и др. установлений и обеспечивается за счет отсутствия требования подотчётности принятых решений каким-либо органам (что, впрочем, не исключает обоснованности решений НЭК!). Независимость НЭК тесно связана с обеспечением междисциплинарности и представительности его состава. Междисциплинарность предполагает включение в состав НЭК не только представителей «профильных» биомедицинских специальностей (медиков, фармацевтов, биологов), но в обязательном порядке и гуманитариев (юристов, специалистов по этике, психологов), что обеспечивает комплексный подход к пониманию исследования и защите прав

участников исследования. Кроме того, в состав НЭК должны включаться представители по роду своей деятельности не зависящие от данного учреждения и отражающие разные интересы общества (например, представители общественных организаций, социальных проектов, церкви и т.д.). Безусловно, обеспечение абсолютной независимости НЭК – задача чрезвычайно сложная в силу того, что комитет, как правило, существует при определенном учреждении, однако соблюдение требований по составу НЭК – это уже серьезная «заявка» на мультидисциплинарный комплексный взгляд и максимальную самостоятельность при принятии/реализации решений.

В целом, очерчивая круг проблем, связанных с функционированием НЭК по вопросам исследовательской этики, необходимо отметить, что несмотря на прозрачность задач НЭК в сфере биомедицинских исследований, реальная практика их действий далеко не всегда отвечает решению поставленных задач.

Разъяснение населению и собственно ученым важности этического сопровождения научных исследований, этической экспертизы научных проектов, которая уже давно стала в мире основой для функционирования любого научного проекта/исследования, затрагивающего права человека (и права всего живого) – важнейшее направление совершенствования деятельности НЭК. Сегодня вопросы защиты жизни, здоровья и социального благополучия человека/природы достаточно важны, поэтому требуют «тройного контроля» – со стороны самого исследователя, со стороны экспертной оценки этического комитета и, безусловно, со стороны общества в целом.

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНО-ОРГАНИЗОВАННОЙ НАУКИ

Тема 3.1. Философско-методологические проблемы медицины

1. Философия и медицина. Основные проблемы философии медицины
2. Биоэтика как новое гуманитарное знание и гуманистическая основа современной медицины
3. Этические основы коммуникации врача и пациента

1. Философия и медицина. Основные проблемы философии медицины.

Философия и медицина – феномены культуры, сформировавшиеся в глубокой древности; несмотря на общность задач – стремление постичь человека и облегчить его существование в мире – изначально философия и медицина выбирают разные пути своего развития. Медицина – путь практического действия, философия – путь теоретического обобщения и рефлексии. Медицина занимается человеческой телесностью, философия – человеческим духом. Однако на протяжении всей истории человечества философия и медицина шли «рука об руку», стремясь к гармонии разума и чувства, материального (телесного) и духовного в познании человека и мира. Главная проблема, которую они решали сообща, – проблема выживания человечества на Земле и проблема самоопределения человека как гармоничного природного и культурного существа.

В развитии истории культуры идеи объединения философского и медицинского знания ради постижения тайны жизни и тайны человека претворялись в трудах самых известных философов, медиков, естествоиспытателей. В результате сложилась особая отрасль знания – философия медицины, которая призвана объединить имеющиеся практические знания о человеке как биологическом и социальном, материальном и духовном существе и найти адекватные пути адаптации человека к окружающим условиям жизни. Философия медицины как особая отрасль научного знания особенно популярной становится в XX веке, когда появляется огромное количество исследований, находящихся на стыке философии и медицины. В них разрабатываются практики и техники лечения, самооздоровления, самосовершенствования с учетом внутренних возможностей организма и резервов

человеческого духа и т.д. Выдвигаемые сегодня предложения по «улучшению» человеческой телесности диктуют необходимость нового обсуждения старого философского вопроса о том, что есть человек, что есть норма и патология применительно к человеческому здоровью как физическому, так и духовному.

Сегодня *философия медицины* — раздел философии науки, который занимается онтологическими, эпистемологическими и этическими вопросами в области медицины как особой сферы теоретической и практической деятельности человека.

Философской основой клинической медицины становится так называемая «философия врачевания», т.е. теория постановки диагноза, теория лечения, реабилитации и т.д., выстроенные в соответствии с пониманием сущности человека как психо-био-социального существа. Философской основой профилактической медицины становятся исследования в области теории гигиены как оптимального состояния человека и окружающей среды. Философская теория ценностей составляет фундамент врачебной этики, деонтологии, клинической практики.

Большое значение в современной философии медицины приобретает *медицинская антропология* – новая наука о постижении человека как многомерного биологического и социального существа. Изучение важнейших физиологических и психосоматических проявлений жизнедеятельности человека в настоящее время происходит в условиях постоянно нарастающего противоречия между биологическими и социальными факторами, возникновения и усиления так называемой «социально-биологической аритмии». Если биология и психофизиология человека по-прежнему остаются относительно устойчивым, консервативным началом, то производственное, социально-экономическое, экологическое и информационное окружение человека изменяется нарастающими темпами за весьма короткий промежуток времени. Технический прогресс вызвал к жизни массу новых факторов (химические вещества, различные виды радиации и др.), перед которыми человек как представитель биологического вида оказался практически беззащитен: у него нет эволюционно выработанных механизмов защиты от воздействия факторов, с которыми он раньше не встречался. Серьезные требования к адаптационным возможностям человека предъявляет «экологическая экспансия», т.е. освоение неблагоприятных климатических зон, космического пространства, а в перспективе и

дна мирового океана. Перестройку испытывает также аппарат психоэмоциональной адаптации. Здесь особое значение приобретают моторизация современного производства и быта, насыщение жизни техникой, шум, ускорение ритмов жизни, резкое увеличение числа межличностных контактов.

Изменение образа жизни имеет существенное значение для здоровья населения (роль этого фактора особенно отчетливо выявляется в детском и пожилом возрасте). В частности, длительное пребывание в искусственной среде жилища, малоподвижный образ жизни, постоянные стрессы, «скорость жизненных изменений» и т.д. способствуют развитию психических и соматических расстройств. Например, известно, что у служащих инфаркт миокарда встречается в 2–3 раза чаще, чем у людей, занятых физическим трудом, а проявления «эмоционального выгорания» приводят сегодня к серьезным нарушениям жизнедеятельности человека.

Основой жизнедеятельности современной цивилизации становятся процессы урбанизации, химизации, информатизации, индустриализации, в результате которых окружающая человека среда существенно изменяется. Следствие становится появление новых болезней, которые являются итогом закономерности влияния цивилизации на здоровье людей. Среди медицинских антропологов сложилось мнение, что физическое и психическое недомогание является реакцией человека на сверхмерное перенапряжение. Нарушается адаптация, возникают социальная неуверенность, конфликты, изоляция, утрата традиций, что вызывает чувство тревоги, агрессивность и соматические заболевания. Таким образом, социальная обусловленность филогенетического и онтогенетического развития человека, влияние социального фактора на адаптацию и экологию организма человека, на морфологию, физиологию, генетику и биохимию, на жизнедеятельность в норме и при патологии и становится предметом осмысления философии медицины и связанных с ней областей знания.

Медицинская антропология, биомедицинская этика и в целом философия медицины рассматривают также вопросы «открытых» (нерешенных) проблем современной биомедицины, связанных с влиянием новых биомедицинских технологий на этико-правовой, социальный, психологический статус человека (трансплантология, вспомогательные репродуктивные технологии, смерть мозга и т.д.), проблемы инхэнсента (улучшения человека) и идеи трансгуманизма по

изменению и совершенствованию человеческого рода в целом и индивидуального человека в частности.

Наряду с осмыслением нового энвайронмента и собственно человеческой телесности и духовности, огромное значение имеет симбиоз философии и медицины для разработки методологического фундамента медицинского знания, базовых принципов и парадигм клинического мышления, доказательной медицины, построения биомедицинских исследований.

Один из важнейших методологических принципов современного знания – **принцип системности**. Требования системного мышления в медицине предполагает как минимум 3 основных постулата:

- рассматривать организм как совокупность малых систем и, в свою очередь, слаженную единую систему, действующую по определенным закономерностям (опираясь на базовые разработки синергетики и теории открытых систем),
- рассматривать человека (пациента) как единство души и тела, своего рода психосоматическую систему, закономерности существования и развития которой не сводятся только к соматическим изменениям (опираясь на наработки психосоматического подхода),
- стремиться к объединению разрозненного медицинского знания, формированию общей теории патологии, которая реально станет фундаментом всей современной медицины (опираясь на клиническое мышление, базой которого становится доказательная медицина, при этом учитывая и иррациональный компонент – интуицию врача, силу духа пациента, ценность жизни и убеждений, эмпатию и т.д.).

Большое значение для развития медицины имеет и применение таких классически философских принципов и методов как принцип глобального эволюционизма, диалектический, компаративистский (сравнительный), исторический методы и т.д.

Большое значение в медицинской деятельности приобретает проблема понимания (герменевтика). Во-первых, понимание как основа познавательного процесса является обязательным условием трансляции медицинских знаний из теории в практику. Во-вторых, понимание – основа диагностического процесса, оно выступает фундаментом общения между врачом и пациентом. В-третьих, понимание

необходимо для распространения медицинских знаний, развития медицинской культуры общества. В-четвертых, понимание является основанием соблюдения этико-деонтологических норм в медицине.

Медицинская герменевтика рассматривает три круга проблем:

- проблема понимания медицинских текстов (эта проблема связана с появлением широкого круга научно-популярной медицинской литературы, доступной широкому кругу людей, но при этом не всегда научно-выверенной или, наоборот, наличие научной медицинской литературы, не адаптированной и, соответственно, не доступной для обычного пациента),
- проблема понимания медицинской терминологии (связана с быстрым развитием медицинской науки, появлением новых методов диагностики и лечения, новых лекарственных средств),
- проблема понимания во взаимоотношениях врача и пациента.

Основные проблемы философии медицины могут быть представлены следующими «блоками»:

Проблема субъекта и объекта в медицинском познании

Исходя из классического определения медицины как научной и предметно-практической деятельности, направленной на сохранение здоровья, избавление от болезней и продление жизни, объектом медицины является человеческий организм в норме и патологии. В то же время человек – существо общественное, поэтому по мере развития его социальных качеств, развития системы разнообразных взаимосвязей и взаимоотношений в обществе медицинская деятельность обращается уже не только к конкретному человеку, но и к обществу. Медицина может эффективно выполнять свои функции лишь при рассмотрении человека в его единстве с природной и социальной средой. Это свидетельствует о расширении объекта медицины: им становятся целые коллективы, социальные общности, слои общества. Кроме того, объект медицинского познания включает в себя природную среду обитания человека, различные природные явления, влияющие на состояние здоровья людей. Таким образом, объект медицины становится многоуровневым: индивидуальный – общественный, социальный – природный. Субъект медицины так же сложен, как и ее объект. С одной стороны, это врач-профессионал, обладающий знаниями, умениями,

навыками, опытом. Именно врач несет груз личной профессиональной, социальной, моральной ответственности за жизнь и здоровье пациента. С другой стороны, медицинская деятельность носит общественный характер. Врачебные коллективы, научно-исследовательские сообщества, медицинские службы и организации различного уровня обеспечивают уровень здоровья населения. И, наконец, с третьей стороны, – это сам человек (пациент), который в первую очередь ответствен за свое здоровье, от уровня медицинской и общей культуры которого, умения объективно оценивать состояние своего организма во многом зависит точность постановки диагноза и успех лечения. Поэтому пациент, человек со своими психическими особенностями, моральными представлениями, уровнем культуры, образом жизни, также является субъектом медицинской деятельности.

Проблема нормы и патологии

В биологии и медицине философской категории меры соответствует понятие нормы. Норма – это мера здоровья, тот интервал изменений показателей организма, который характерен для состояния здоровья. Например, температурная норма у человека – интервал 36–37 градусов, норма систолического давления – 100–130 мм. рт. ст. Как и любая мера, норма имеет нижнюю и верхнюю границы. Если в организме возникает патологический процесс, то показатели организма начинают изменяться. Когда показатели выходят за пределы нормы, то это воспринимается как состояние болезни организма, как патология, симптом болезни. Однако, практическое установление нормы является весьма сложной проблемой. Это связано, во-первых, с тем, что норма индивидуальна, и норма одного человека может совпадать, а может и не совпадать с нормой другого. И, во-вторых, норма изменчива: у одного и того же человека она может изменяться в зависимости от возраста, перенесённых заболеваний, питания, занятий физкультурой, режима и других составляющих образа жизни. Ещё одна трудность при диагностике заключается в том, что не всякая норма может быть выражена численно, например, цвет слизистой оболочки, состояние кожи, плотность ткани при пальпации и др. В этом случае большое значение имеет опыт и интуиция врача. В настоящее время используют некие «усредненные» показатели норм, хотя их однозначность может быть поставлена под сомнение. В конечном итоге норма может рассматриваться как оптимум функционирования. Соответственно, когда медицинская наука будет хорошо знать системы

регулирования организма, тогда сможет для каждого организма вычислять его индивидуальную норму. Отклонение показателя от нормы есть патология. Патология – это интервал изменений показателей организма, характерный для состояния болезни. Норма плюс патологии вместе составляют меру жизни, или границы жизни, – тот интервал изменений показателей организма, при котором организм может оставаться живым. Выход показателей за границу жизни означает смерть.

Проблема здоровья и болезни

Жизнь может существовать в форме здоровья и болезни. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических недостатков. Такое понимание здоровья служит не столько отражением реального состояния людей, сколько идеалом, к которому стремится человек (и медицина в целом). В настоящее время едва ли на планете найдётся человек, соответствующий предложенному определению ВОЗ. Можно определить здоровье также как состояние, при котором показатели организма и личности соответствуют норме, однако такое определение не предлагает качественной специфики здоровья и не отражает внутреннее состояние человека.

В свете категорий сущности и явления, болезнь есть единство сущности (этиологии и патогенеза – детерминирующих факторов и внутреннего механизма болезни) и явлений (симптомов – внешних обнаружений патогенеза), а также единство двух противоположностей: 1) процессов повреждения, деструкции (вызванных внешними и внутренними факторами – инфекцией, токсинами, радиацией, генетическими изменениями, температурными и механическими воздействиями и др. и 2) процессов компенсации, защиты. Если преобладает деструкция, то болезнь усиливается; если превалирует защита, то идёт выздоровление; при их равновесии наблюдается хроническое течение болезни. Задача врача – ослаблять деструкцию и усиливать защиту.

Психосоматическая проблема

Психосоматическая парадигма подразумевает соотношение и взаимовлияние психического и соматического в нормальной и патологической жизнедеятельности человека. Психосоматическими обычно считают расстройства функций органов и систем, в происхождении и течении которых ведущая роль принадлежит воздействию

психотравмирующих факторов (стресс, разного рода конфликты, кризисные состояния и т. д.). О социальной и медицинской сложности психосоматической проблемы свидетельствует факт того, что примерно 90% всех заболеваний в той или иной мере, связаны с психическим стрессом, негативными психоэмоциональными воздействиями.

Уже в медицине Древнего Китая, Индии, Греции не только знали, но и широко опирались на принцип взаимовлияния телесного и психического. В медицине XIX-XX вв. теории психосоматики начинают развиваться на научной основе. В этот период к психосоматическим заболеваниям классически относили эссенциальную гипертензию, тиреотоксикоз, нейродермит, бронхиальную астму, некоторые формы ревматоидного артрита, язвенный колит, язвенную болезнь, однако в настоящее время «регистр психосоматического реагирования» значительно расширился за счет включения в него заболеваний сердечно-сосудистой системы, в частности ишемической болезни сердца, инфаркта миокарда, гипертонической болезни, большого числа кожных и урогенитальных заболеваний, мигрени. К числу типичных психосоматических заболеваний, особенно в странах Северной Америки и Западной Европы, стали относить нервную анорексию, нервную булимию, кардиоспазм и некоторые формы психогенного ожирения. По сути, практически любое заболевание имеет в своем патогенезе в той или иной степени выраженность психосоматической подоплеки, и, безусловно, любое заболевание, в свою очередь, вызывает ответную реакцию человеческой психики. Один из основоположников динамической психиатрии Гюнтер Аммон утверждает, что недугов чисто психических или только телесных (соматических) просто не существует, все болезни носят психофизический характер.

В настоящее время психосоматика должна быть нацелена также на сохранение и укрепление здоровья здоровых людей. В самом общем и широком плане под психосоматическими болезнями понимают такие, в возникновении которых психоэмоциональный фактор играет весьма важную, выраженную роль.

2.Биоэтика как новое гуманитарное знание и гуманистическая основа современной медицины.

Одно из самых востребованных и популярных в современном мире знаний – *биоэтика*. Международный статус биоэтики предполагает ее рассмотрение как нового междисциплинарного научного направления, объединяющего естественнонаучное (медицинское, биологическое и др.) и гуманитарное (философское, юридическое и др.) знания. Однако, прежде всего, современная биоэтика имеет прикладной характер, претендуя на роль нравственной доктрины и новой коммуникативной практики в отношениях между обществом и природой, наукой и человеком.

Широкое распространение биоэтики можно объяснить многими причинами: изменением мировоззренческой парадигмы в XX веке (от антропоцентризма – к биоцентризму), упадком нравственности, глобальным распространением экологических и коммуникативных проблем, вниманием к правам человека, развитием процессов медиализации общества и др. Одной из первостепенных причин становления биоэтики является распространение новых биомедицинских знаний и технологий, необходимость их нравственно-правового регулирования и определения допустимых границ влияния на человека.

Основателем биоэтики считается американский врач-онколог, президент американской ассоциации раковых заболеваний В.Р. Поттер, который в 1971 г. предложил термин «биоэтика» (этика жизни), обозначив в книге «Биоэтика – мост в будущее» новое знание как «науку о выживании», призванную объединить естественнонаучное и гуманитарное знание и стать своеобразным «мостом» между научными представлениями о жизни человека и общечеловеческими ценностями, идеалами, целями. Впрочем, обсуждение биоэтических проблем началось гораздо раньше: уже в Нюрнбергском кодексе 1947 г., Женевской декларации Всемирной ассоциации врачей (ВМА) 1948 г., Хельсинской декларации ВМА 1964 г. заложены основные биоэтические принципы, правила, нормы исследований и испытаний на человеке, взаимоотношений врача и пациента и т.д.

В современном мире биоэтика, понимаемая в широком смысле («глобальная биоэтика», по терминологии В.Р. Поттера), рассматривается как междисциплинарная область знания, исследующая нравственные аспекты отношения человека к жизни и

смерти, вырабатывающая этические ориентиры человеческой деятельности, основанные на ценности Живого (Жизни), в том числе ценности Человека, его жизни и здоровья. Цель глобальной биоэтики – сформировать нравственные нормы, требования, механизмы, обеспечивающие использование научно-технических достижений только во благо человека и природы.

Биомедицинская этика (как основное направление современного биоэтического знания) представляет собой концепцию морально-нравственных основ защиты человека и здоровья населения в целом, защиты качества жизни, физической и психической неприкосновенности человека и его человеческого достоинства. Она изучает противоречие между интересами людей, общества и достижениями биологии, медицины и фармации, которые прямо или опосредовано, могут нанести ущерб здоровью и качеству жизни. Если глобальная биоэтика акцентирует свое внимание на проблемах Жизни любого Живого, то биомедицинская этика (БМЭ) конкретизирует принципы биоэтики применительно к человеку.

В целом, понимание биоэтики в современном социуме связано с определением ее как

- общей этической установки, ориентирующей на защиту Жизни,
- правил и норм поведения общества в реализации «четвертого поколения прав человека»,
- биомедицинской этики, позволяющей гуманизировать высокие технологии современной медицины и ее повседневные практики,
- а также междисциплинарной коммуникации, нацеленной на взаимопонимание и взаимодействие человек – общество – биомедицина.

Основные принципы, правила, нормы биоэтики заложены в Международных документах как обязательного, так и декларативного характера (Конвенцию Совета Европы «Конвенция о защите прав и достоинств человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS№164)», Хельсинкская декларация всемирной ассоциации врачей, Всеобщая Декларация о Биоэтике и Правах и др.).

Начало биоэтического движения в Беларуси связано с именем сотрудника Международного государственного экологического университета им. А.Д. Сахарова кандидата философских наук, доцента Т.В. Мишаткиной. Ею опубликовано большое

количество научных статей, а также монографии, учебные пособия и словари по биоэтике. Совместно с Я.С. Яскевич, доктором философских наук (БГУ), С.Б. Мельновым, доктором биологических наук (МГЭУ им. А.Д.Сахарова), С.Д. Денисовым, кандидатом медицинских наук (БГМУ) и мн. др. организованы конференции и семинары по биоэтике, осуществлялись различные научно-практические биоэтические проекты. В 2006 г. в БелМАПО при участии молодежной организации EсоUni был проведен международный семинар «Гуманизация образования специалистов медико-биологического профиля», с 2017 по 2019 гг. при поддержке комитета по биоэтике Совета Европы (DH-Bio) серия международных научно-практических конференций по вопросам биоэтики и прав человека, республиканский конкурс творческих работ студентов «Доступная биоэтика», осуществлен перевод и адаптация к белорусскому законодательству онлайн курса HELP «Права человека и биомедицина», введены курсы по биоэтике в БелМАПО и др. Важной вехой развития биоэтического знания в Республике Беларусь является сотрудничество с международными организациями – ЮНЕСКО, комитетом по биоэтике Совета Европы, Департаментом по правам человека Совета Европы, ВОЗ и др.

Несмотря на успехи в развитии глобальной биоэтики, сближение биоэтики и практического здравоохранения на постсоветском пространстве делает только первые шаги. У медицинских работников часто возникает вопрос: как связана биоэтика с практической медициной и медицинской наукой, нужно ли медицинскому работнику осваивать биоэтические нормы, термины, международные документы, и не является ли биоэтика экспансией гуманитариев на традиционно закрытую область медицины? Ответ вполне однозначный – в современном мире биомедицина и биоэтика неразделимы, и это касается как высокой науки, так и повседневных практик.

Во-первых, биоэтика обеспечивает этико-правовое сопровождение новых биомедицинских технологий. Новейшие научные достижения сегодня достаточно быстро внедряются в практику, обеспечивая человеку возможности искусственного зачатия, генетического тестирования и модификации, омоложения, изменения пола, обновления органов, безболезненной смерти и даже замены воспоминаний и т.д. Технологии «инхэнсмент» (улучшения человека) прочно вошли в нашу жизнь, но всегда ли мы хорошо понимаем близкие и отдаленные последствия такого

«апгрейда»? Кто должен определять разумный баланс между вредом и пользой для человека в каждом конкретном случае применения новых биомедицинских технологий? Всегда ли как пациент, так и врач задумываются о моральных основаниях и перспективах их выбора и действия? Обратной стороной проблемы становится правовое регулирование вопросов, связанных как с уже привычными в высокотехнологичной медицине практиками (трансплантация, экстракорпоральное оплодотворение), так и новыми достижениями, еще не получившими повсеместного распространения (например, геномная терапия). Нужно отдавать себе отчет, что право далеко не всегда может урегулировать все вопросы, возникающие в процессе применения новых биомедицинских технологий в силу скорости возникновения и распространения последних, а также в связи с индивидуальностью случаев и особенностями пациентов. В таких ситуациях есть два взаимосвязанных выхода – положиться на решение действующего и компетентного(!) этического комитета или опираться на базовые принципы и правила, разрабатываемые биоэтикой. В любом случае адекватное решение и обсуждение применения новых биомедицинских технологий лежит в биоэтическом поле.

Во-вторых, биоэтика необходима современному врачу в контексте коммуникации врач – пациент (врач – родные пациента). Традиционно мы рассматриваем коммуникацию как умение применять психологические знания и навыки в общении с человеком. Однако, для профессионального общения этого сегодня не достаточно. На первый план при профессиональном общении медицинского работника и пациента выходит соблюдение биоэтических принципов. Один из них – признание автономии пациента (и его права на принятие решения, касающегося его жизни и здоровья). Коллизии, связанные с неприятием принципа автономии часто осложняют взаимопонимание врача и современного пациента и, как следствие, последующую медицинскую практику. Принцип автономии рассматривается биоэтикой вкупе с правилами информированного согласия, невмешательства в частную жизнь, конфиденциальности (врачебная тайна), правдивости. Кроме того, принцип автономии дополняется принципами недопустимости дискриминации и стигматизации, классическими формулами «не навреди» и «делай добро». Наряду с традиционным пониманием вечных врачебных истин сегодня биоэтика размышляет также о соотношении вреда и пользы при

лечении человека, допустимости и минимизации рисков и даже о специфике культурного, социального, индивидуально личностного понимания добра и пользы каждым человеком.

В-третьих, одним из направлений биоэтической деятельности является этика биомедицинских исследований и испытаний, этическое и правовое сопровождение выбора объекта, участников исследований (испытаний), коллективное (в рамках этического комитета) обсуждение и оценка хода исследования, его методологии, инструментария, целей и результатов. Биоэтическое регулирование современной научно-исследовательской деятельности – далеко не просто «дань моде», это – необходимое условие развития современной науки, и не только в области биомедицины. Наряду с устоявшимися требованиями рациональности, системности, логичности, эссенциальности, прагматичности и т.д. на первый план в научном исследовании сегодня выходит его ценностная ориентированность. Важным для передовой науки становится вопрос экспертизы научного знания – экспертизы не только методологической и инструментальной, но, главное этической и социокультурной, что позволит «вписывать» новое знание как в сложившийся социокультурный контекст, так и в систему общественных ценностей и приоритетов. Целью науки XXI века является уже не просто истина, но истина, согласованная с аксиологическими, в т.ч. моральными приоритетами человека и человечества, а вопрос о ценностной нейтральности науки сегодня вряд ли можно назвать состоятельным.

В-четвертых, определяя потенциал биоэтики для современной биомедицины, логично рассмотреть статус этических (биоэтических) комитетов, которые становятся обязательной составной частью в структуре современной биомедицины. Международный опыт ориентирует на целесообразность действия в практической медицине двух основных видов биоэтических комитетов – комитетов по этике исследований и этических комитетов медицинских учреждений (больниц, поликлиник, хосписов и т.д. – т.е. комиссий по медицинской этике и деонтологии).

Особую роль в системе биоэтических комитетов призван играть Национальный комитет по биоэтике. Такие комитеты существуют сегодня фактически в каждой стране, подобные структуры могут создаваться, например, при Президенте государства, при государственных организациях (при Министерстве

Здравоохранения, Образования и т.д.), научных объединениях (при Академии наук/Академии медицинских наук и др.), фондах и т.д. В Беларуси Национальный комитет по биоэтике был создан в 2006 г. под эгидой Министерства Здравоохранения, сегодня он объединяет специалистов по биоэтике, юристов, ведущих представителей здравоохранения, ученых в области медицины, генетики, биологии и т.д. (ныне – Комитет по биоэтике Республики Беларусь). Этому комитету сегодня отводится важнейшая роль в определении стратегии и тактики развития биоэтики в стране, разработке обоснованной биоэтической политики проведения научных исследований в области здравоохранения и наук о человеке. Кроме того, в сфере деятельности комитета – биоэтическое просвещение населения, развитие системы биоэтического образования, в т. ч. реализация биоэтического консультирования и обеспечение повышения квалификации членов этических комитетов, обсуждение надлежащего использования биомедицинских технологий, объединение действий локальных и региональных биоэтических комитетов, подготовка и этическое сопровождение документов, регулирующих вопросы биомедицинской науки и практики, рассмотрение сложившихся тенденций и наиболее сложных ситуаций медицинской практики и др.

Фундаментальные основы современной биомедицинской этики – ее принципы и правила. *Принципы* – автономия личности, справедливость, «не навреди» и «делай добро». *Правила*, по сути, являются разъяснением и алгоритмизацией основных биоэтических принципов. К основным правилам относятся «информированное согласие», правило конфиденциальности («врачебная тайна»), правило запрета стигматизации, правило правдивости и др.

4. Этические основы коммуникации врача и пациента.

Ситуация медиализации современного общества как процесса усиления роли и значения медицины в социуме затронула достаточно консервативную систему взаимоотношений врача и пациента. Сегодня классические стратегии общения и коммуникативные практики, наработанные веками в профессиональной медицине, уже не отвечают запросам социума и личности. Современная медицина породила проблемы деперсонализации, формализации, физикализации, коммерциализации взаимоотношений врача и пациента; биомедицинская этика провозгласила идею

автономии личности, право на независимость и самостоятельность решений пациента; тотальная информатизация создала миф о «всеобщей медицинской грамотности». Все это разрушило традиционную парадигму взаимного доверия врача и пациента, уважение пациента к статусу врача, поставило под сомнение работоспособность классических моделей взаимоотношений врача и пациента. Для создания и поддержания отношений с пациентом (равно как и с коллегами) сегодня врачу недостаточно быть высококвалифицированным профессионалом, необходимы, как минимум, владение основами современного биоэтического знания и современными коммуникативными технологиями.

В стандартной ситуации пациент в общении с врачом ожидает, прежде всего, эмпатии и коммуникативной компетентности врача – т.е. умения общаться, что подразумевает вежливость, позитивный настрой, умение слушать, воспринимать, сопереживать, адекватно реагировать и т.д. Многие пациенты отмечают, что общение с врачом само по себе является сильнейшим терапевтическим воздействием и даже способно облегчить болевой синдром. Когда клиницист демонстрирует понимание потребностей пациента, уровень тревоги больного значительно снижается. В исследованиях эффективности коммуникативной компетентности врачей было показано, что снижение эмоционального стресса пациента связано с эмпатическими ответами врача на эмоциональные реакции пациента, доступностью и ясностью информации, которую преподносит специалист. Персонализированное обращение врача к пациенту, зрительный контакт и подробные разъяснения по поводу болезни связаны с меньшим дискомфортом, меньшим беспокойством и улучшением психического здоровья у больных с хроническими заболеваниями.

Врачи, в свою очередь также на первый план во взаимодействии с пациентом выдвигают умение пациента общаться (что подразумевает и умение слушать, воспринимать, выполнять рекомендации), а так же его позитивный настрой, доброжелательность, уважение к врачу. Обоюдное желание эмпатии и эмоционального отклика, уважения собственной личности – это не только проблемы профессионального общения, это в целом фундаментальные основы межличностной коммуникации, «провалы» которой сегодня отражаются как в медицине, так и в других сферах человеческой деятельности.

Наряду с совпадением ожиданий, во взаимоотношениях врача и пациента возникает и сложная дилемма: пациент стремится активно участвовать в процессе лечения, уверенный в своих возможностях помочь самому себе, а врач, негативно настроенный на дилетантское «всезнание» пациента, предпочитает технологичное и авторитарное взаимодействие с ним. Разрешению этой дилеммы может помочь только смена парадигмы (установки) восприятия врачом пациента – в изменившемся мире принцип автономии (право личности на решение вопросов своей жизни и здоровья, право на самостоятельность принятия решений, право на выбор) должен стать основой лечебного взаимодействия.

У большинства медицинских работников теоретически принцип автономии пациента не вызывает вопросов, однако на практике в большинстве случаев сохраняется «давление» на пациента, нравоучения (и в содержании, и в тоне беседы), замена объективного информирования в доступной форме – попытками «запугать», «указать правильный путь», навязать свою систему ценностей и т.д.

В контексте проблемы коммуникативного взаимодействия врача и пациента необходимо поставить вопрос о владении медицинским работником элементарными знаниями и навыками профессионального общения. Незнание элементарных приемов и правил общения, неумение предотвратить (погасить) конфликт, отсутствие навыков ведения разговора, сбора анамнеза, замена убеждения давлением и пр. зачастую становятся причиной «провала» коммуникации между врачом и пациентом (равно как и между врачом и родственниками пациента и т.д.).

К элементарным правилам коммуникации, соблюдение которых в профессиональных (и не только) взаимоотношениях является обязательным относятся следующие:

- общение должно быть двусторонним: все участники заинтересованы в общении, оно строится на паритетной основе (равнозначности, равноправии в общении),
- успешная коммуникация предполагает усилия для восприятия информации: умение слушать и слышать, стремление понять, а не деморализовать и критиковать,
- общение предполагает умение четко, ясно (и в доступной для реципиента форме) излагать информацию,

- общение предполагает доверие собеседнику,
- эффективная коммуникация всегда эмоциональна в той степени, насколько это приемлемо в ситуации: эмоциональность предполагает со стороны врача доброжелательность, улыбку (без преувеличения и нарочитости), проявление желания помочь,
- основой коммуникации является терпение и снисходительность к чужим недостаткам.

Вышеизложенные правила являются своего рода алфавитом коммуникации, который, безусловно, должен знать как врач, так и пациент. При этом коммуникация строится на «трех китах»: необходимости, желании и умении коммуницировать, которые (желание и умение) полезно в себе развивать и совершенствовать.

В дополнении к вышеизложенным правилам коммуникативного взаимодействия следует напомнить и о специфических коммуникативных установках и навыках, определяющих эффективность профессионального взаимодействия врача и пациента (а также врача с родственниками пациента, медицинских работников между собой). Прежде всего это *эмпатия* (понимаемая как деятельное сочувствие), *коммуникативная компетентность* (как умение и владение навыками коммуникации), а также *аффилиация* (понимаемая как общительность, стремление к сотрудничеству с другими людьми) и *коммуникативная толерантность* (проявляемая как терпимость, уважительность, доброжелательность в отношениях). Обязательным условием успешной профессиональной коммуникации является также *коммуникативная адаптация* (как знание и применение современных этических принципов и правил, моделей взаимоотношений, эмпатия вкупе с умением «дозировать» вовлеченность в проблему), *эмоциональная стабильность* и сформированный *профессиональный имидж*. Профессиональный имидж в коммуникативном ракурсе подразумевает проявляемые в поведении уверенность и профессиональное восприятие проблемы, умение произвести впечатление, умение доступно излагать информацию, владение правильной речью, владение невербальными способами коммуникации, приятный и опрятный внешний вид (в рамках стандартизированного понимания норм профессионального этикета) и т.д.

Еще одна причина «провала» в коммуникации между врачом и пациентом – опора на патернализм во взаимоотношениях. *Патерналистская* (или пасторская)

модель взаимоотношений между врачом и пациентом может считаться классической, восходящей еще к этическим наставлениям Гиппократов. Пасторская (патерналистская) модель предполагает такие межличностные отношения между врачом и пациентом, когда роль врача приближается к отцу (или пастору), чей авторитет непререкаем, а забота о пациенте и эмпатия являются необходимым предпосылочным условием взаимоотношений. Патерналистская модель основывается на незыблемой вере в медицину и даже ее сакрализации, «священном трепете» пациента в отношении знаний о болезни (патологии). В таких взаимоотношениях пациент полностью подчинен инициативе врача, принимает его директивы, не подвергая сомнению. Патерналистская модель в медицине господствовала до сер. XX века, т.е. фактически до начала процессов медиализации. Последняя принесла обществу научное (медицинское) знание «вплетенное в ткань повседневности», уверенность в способности каждого через интернет, СМИ получать максимум достоверных сведений о характеристике патологии и ее лечении, и, как следствие, образ врача утратил ореол сакральности, пациент не желает видеть в нем отца (наставника, пастора), стремясь на равных участвовать как в диалоге врач–пациент, так и в лечении собственной болезни.

Несмотря на то, что патерналистская модель взаимоотношений врача и пациента до сих пор транслируется как базовая при обучении студентов медицинских вузов, современному врачу необходимо признать, что сегодня эта модель применима в весьма ограниченном количестве случаев. Современные этические принципы и правила – автономии личности, неприкосновенности частной жизни, информированного согласия и др. вкуче с доступностью информации и изменением психологии пациента фактически нивелируют такую модель профессиональной коммуникации. В целом, несмотря на работоспособность рассматриваемой модели в мировой истории медицины, сегодня она не отвечает ожиданиям общества (пациентов), поскольку не реализует ценности партнерства, эмоционального равноправия и общедоступности медицинского дискурса.

Психологически врачу, воспитанному на господстве патерналистской модели, чрезвычайно сложно отказаться от предлагаемых ею паттернов коммуникации. Здесь недостаточно только понимания проблемы: необходимы знания, навыки и, конечно, желание перестраивать взаимоотношения с пациентом исходя из запросов времени.

Так, по мнению американского биоэтика Р. Витча, кроме патерналистской модели, можно выделить также технологическую, коллегиальную и контрактную. Как и патерналистская, *технологическая модель* (отношение к человеку как к объекту и механизму) не выдерживает критики, хотя и является чрезвычайно распространенной среди медицинского персонала, не владеющего (иногда и не считающего нужным владеть) коммуникативными и психологическими основами медицинской деятельности.

Контрактная модель взаимоотношений врача и пациента основывается на принципах свободы, взаимного уважения личного достоинства, а также честности взаимоотношений, информированности и справедливости. В контрактных отношениях врач признает за пациентом свободу управления своей жизнью и здоровьем и заключает с пациентом «соглашение» взаимопомощи и взаимного доверия. По мнению Р. Витча⁴⁸, контрактная модель – наиболее реалистичный и совершенный тип взаимоотношений врача и пациента, к которому должно стремиться общество. Со стороны врача контрактные взаимоотношения психологически оправданы – позволяют сохранять личностную нейтральность, предупреждают «эмоциональное выгорание», реалистичны в отношении «вертикальности» взаимоотношений профессионала с пациентом, а, главное, оставляют возможность «выйти из игры». Однако для пациента контрактная модель предопределяет вместе со свободой и колоссальный уровень ответственности, не оправданной незнанием или неспособностью оценить ситуацию. Контрактная модель взаимоотношений врача и пациента в целом отвечает отношениям, порожденным медиализацией, но, во-первых, предполагает приоритет ответственности пациента в разрешении вопросов собственного здоровья над ответственностью врача, и, во-вторых, сводит эмоционально-диалоговые живые отношения к декларативной, опосредованной контрактом коммуникации. Однако, и эта модель не идеальна. Во-первых, контрактная модель взаимоотношений требует «воспитания» как врача, так и пациента – и в вопросах ответственности пропорциональной полученной свободе, и в вопросах формирования отношений в юридическом поле, и опять –таки в вопросах грамотного коммуникативного взаимодействия. Возникают в связи с «контрактной»

⁴⁸ Veatch, R. The Patient as Partner: A Theory of Human Experimentation Ethics. Bloomington: Indiana University Press. 1987.

моделью взаимоотношений врач-пациент и этические вопросы: не приведет ли такая модель взаимоотношений к тому, что врач переложит ответственность на пациента и в решающие моменты (например, будучи несогласным с моральным выбором пациента) «расторгнет» контракт»?! Отчасти для современного общества и уровня взаимоотношений врач – пациент контрактная модель может рассматриваться как переходная (воспитывающая) к более высокому уровню – коллегиальной модели.

Суть *коллегиальной модели* состоит в равноправном диалоге врач – пациент, основанном на обоюдных знаниях, развитых коммуникативных практиках, эмпатии. Абсолютно необходимым условием действенности коллегиальной модели является полная информированность пациента. Важной составной частью коллегиальной (и контрактной) модели отношений врача и пациента является *терапевтический альянс*. Он отражает взаимопонимание и взаимодействие между врачом и пациентом в контексте излечения. Терапевтический альянс предполагает:

во-первых, что врач стремится создавать ситуацию, в которой пациент будет чувствовать себя в состоянии принять участие в процессе размышления и принятия решения в отношении дальнейшего лечения,

во-вторых, разделение власти и ответственности между врачом и пациентом (взаимное участие пациента и врача),

в-третьих, достижение консенсуса в отношении лечения.

К сожалению, в обществе XXI века пока только в ограниченных случаях коллегиальная модель взаимоотношений реально приносит положительные результаты. Если же предполагать широкое развитие коллегиальности во взаимоотношениях врача и пациента, востребованных обществом в условиях развивающейся медиализации, то следует обратиться к развитию научных (в частности, медицинских) знаний, коммуникативных навыков в обществе, воспитанию высокой правовой культуры, а также к существенному преобразованию в подготовке медицинских работников (врачей).

Для жизнеспособности современных автономных моделей взаимоотношений врача и пациента, разрешения коммуникативных коллизий, построения профессиональной коммуникации в медицине соответствующей условиям современного общества на сегодня необходимо взаимное развитие и врача, и пациента – прежде всего в области этики, психологии, взаимоотношений,

коммуникативных практик. Современному врачу необходимо знать особенности поведения и восприятия пациента, носящие индивидуальный характер, постоянно ориентироваться на «обратную связь», знать стереотипы, сформировавшиеся у пациентов современного общества относительно здравоохранения. Новый статус врача предполагает навыки психотерапевта (психолога), способного выстраивать конструктивный диалог с пациентом. Такой новый образ врача (медицинского работника) востребован современной медициной, обществом в целом. Однако, следует помнить, что взаимоотношение – процесс двусторонний (многосторонний), следовательно, и от пациента в обществе медиализации требуется «движение навстречу».

А именно: развитие знаний (а не обрывков паранаучных идей), умение коммуницировать, умение принимать другую точку зрения, а также высокая нравственная и правовая культура.

Только при стремлении выполнить эти идеальные условия отношения врач–пациент в современном обществе будут гуманными и взаимодовлетворяющими, а медиализация как реальность современного социума перерастет из негативного процесса в новую научную силу цивилизационного развития.

РАЗДЕЛ 4. ФИЛОСОФИЯ НА РУБЕЖЕ XX и XXI вв.

Тема 4.1 Социокультурные измерения феномена глобализации

1. Феномен глобализации и основные подходы к его осмыслению.
2. Противоречивость процесса глобализации: проблемы и перспективы.
3. Медикализация.

1. Феномен глобализации и основные подходы к его осмыслению.

Термин «глобализация» был введен в научный оборот в середине 80-х гг. XX века американскими авторами, обозначившими тем самым возникновение нового типа социальности и миропорядка, который по всем формам и параметрам социальной организации, власти, идеологии, экономики, этноса, образа жизни отличается от ныне существующего. Появление этого термина связывают с именем Т. Левита, который в статье, опубликованной в «Гарвард бизнес ревью» в 1983 г., определил им феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными транснациональными корпорациями (ТНК)⁴⁹, а также Р. Робертсона, в 1985 г. давшего подробное толкование термина «globalization», под которым он понимал становление мира в виде единого или общего социального пространства, обнаруживающего себя в различных культурно-идеологических конструкциях или дискурсах. Впоследствии феномен глобализации стал предметом пристального изучения со стороны конкретных наук – социологии, политологии, экономических дисциплин. Рассматривая глобализацию в тех аспектах, которые входят в их предметные поля, эти науки сформировали во многом противоречивые теоретические представления о ней. У. Бек отмечает, что «глобализация является... наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, запутанным, политически эффективным словом последних лет и останется таковым в ближайшее время⁵⁰.

Это объясняется, во-первых, тем, что глобализация – не столько данность, сколько становящаяся реальность, открытая, многоаспектная и многоуровневая, т. е. ее системообразующие параметры вырабатываются в самом процессе формирования

⁴⁹ Маргелов, М. В. «Глобализация» – превратности термина / М. В. Маргелов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 9. – С. 47 – 59.

⁵⁰ Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию/У. Бек. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С. 40.

глобального мира. Во-вторых, этот процесс охватывает практически все сферы общественной жизни – социальную, экономическую, политическую, духовную. В-третьих, многообразие определений связано с тем, что научные исследования отражают различные ракурсы видения глобализации, характерные для специалистов в разных областях знания. В-четвертых, это многообразие обусловлено различиями целей исследования, идеологических ориентиров и т.д.

В последние десятилетия возникло множество теорий глобализации, пытающихся объяснить ее сущность. Среди них особое место занимает теория мировой системы, развитая в работах Ф. Броделя и И. Валлерстайна. В ее основе лежит утверждение, что после 1800 года отношения между людьми на политическом, экономическом и социальном уровне имели место уже в рамках глобальной экономики, т. е. в рамках мировой капиталистической системы. Взаимодействие между государствами и многими другими социальными и политическими институтами (семьями, классами, расами, нациями, религиями и транснациональными институтами) происходит в рамках мировой капиталистической экономики.

Так, для И. Валлерстайна «мировая система – это социальная система, имеющая границы, структуры, группы по принадлежности, правила легитимации и внутреннюю устойчивость. Ее существование складывается из конфликтующих сил, которые не дают ей распасться и одновременно разрывают ее, поскольку каждая группа постоянно стремится переделать эту систему по своему вкусу. Она обладает характеристиками организма, потому что у нее есть жизненный срок, в течение которого эти характеристики в одних отношениях меняются, а в других остаются устойчивыми... Жизнь в данной системе в целом изолирована, а динамика ее развития в целом носит внутренний характер»⁵¹. Мировая система – это то, что И. Валлерстайн называет «мировой экономикой», интегрированной через рынок.

И. Валлерстайн утверждает, что в мировой системе как «мультикультурном территориальном разделении труда» существует два взаимозависимых региона: «центр» и «периферия». В географическом и культурном плане эти регионы отличаются друг от друга: один ориентирован на трудоемкое, а другой на

⁵¹ Wallerstein, I. The modern world system I: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century (Studies in social discontinuity) / I. Wallerstein. - New York: Academic Press, 1974. – P. 374.

капиталоемкое производство. Сильные и богатые общества «центра» эксплуатируют слабые и бедные общества «периферии». Центральным фактором позиционирования региона в «центре» или на «периферии» является технология. Передовые или развитые страны – это «центр», менее развитые – «периферия». Периферийные страны структурно вынуждены проходить тот тип развития, который воспроизводит их подчиненный статус. Относительная сила государств в этой системе очень важна для поддержания системы как единого целого, поскольку сильные государства увеличивают дифференцированный поток излишков продукции в центральную зону. Систематический перевод излишков из полупролетарских секторов на «периферии» в высокотехнологичный, промышленно развитый «центр» И. Валлерстайн называет неравным обменом. Это и приводит к процессу накопления капитала в глобальном масштабе.

Таким образом, И. Валлерстайн рассматривает глобализацию как процесс формирования единой системы мировой капиталистической экономики, основанной на экономическом и социальном неравенстве и дифференциации, а также на глобальном разделении труда и взаимозависимости национальных экономик. Глобализация рассматривается им как объективно закономерная фаза развития капитализма, которая в перспективе должна перейти в состояние глобального социализма.

Иная оценка процесса глобализация дана в рамках «теории развития», ключевым для которых является концепт модернизации. Среди представителей этого подхода такие крупные западные социальные мыслители как У. Ростоу, С. Хантингтон, Э. Шилз, С. Эйзенштадт.

Суть теории модернизации (или теории развития) заключается в следующем: прогрессивные социальные изменения направлены от традиционных форм организации общественной жизнедеятельности к современным, которые отличаются качественно иным уровнем рациональности. В этой концепции модернизовавшиеся общества приходят к единой высшей стадии социоэкономического развития – модерни, на которой общество способно удовлетворить потребности всех и которая образует точку схождения всех траекторий развития. В теориях модернизации делается попытка перенести западный опыт развития на развивающиеся страны. Поэтому западные страны рекомендуют проводить модернизацию в соответствии с

их опытом.

С. Хантингтон дополняет теории развития *идеями о неизбежности столкновения цивилизаций*. Он отмечает⁵², что процессы развития, идущие в современном мире, способствуют больше размежеванию и конфликту, чем культурной гомогенизации мира. При этом основные различия между людьми и народами стали носить не политический или идеологический, а культурный характер. Как полагает С. Хантингтон, в современном мире «региональная политика осуществляется на уровне этнических отношений, а глобальная - на уровне отношений между цивилизациями. Соперничество супердержав уступает место столкновению цивилизаций».

Заслуживает внимания *теория «глокализации»* Р. Робертсона и У. Бека⁵³, выдвинувших тезис о том, что глобальная взаимозависимость национальных экономик и государств является лишь одним из аспектов глобализации, тогда как второй аспект – глобальное сознание индивидов, является не менее важным для превращения мира в «единое социокультурное место». Включение сознания и деятельности индивидов в предмет теории глобализации привело к переосмыслению сущности глобализации, в которой выявляются две направленности: глобальная институционализация жизненного мира, универсализм, тенденция к гомогенности и локализация глобальности, партикуляризм, тенденция к гетерогенности. Таким образом, основными смыслообразующими понятиями в теории глокализации являются «глобальное» и «локальное»; исходным пунктом данной теории служит тот факт, что глобальные тенденции в сфере культуры видоизменяются под влиянием локального контекста, иначе говоря, локализуются; параллельно с этим локальные культурные ценности и смыслы также переосмысляются в масштабе глобального мира.

В рамках проблемы интерпретации феномена глобализации интерес представляет и *концепцию «конца истории»* Ф. Фукуямы⁵⁴. По его мнению, суть глобализационных процессов заключается в распространении в мире либеральной демократии западного образца, которая превзошла и всех политических противников,

⁵² Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций?/С. Хантингтон//Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498..>

⁵³ Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию/У. Бек. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 304 с. ; Robertson, R. Globalization: social theory and global culture/ R. Robertson. – SAGE Publications, 1992. – 211 p.

⁵⁴ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек/Ф. Фукуяма// Гумер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/fuku/index.php.

дав гарантии, что представляет собой кульминацию в истории человечества – «конец истории».

З. Бжезинский выдвигает *геополитическую концепцию глобализации*, обосновывая неизбежность и целесообразность американского гегемонизма⁵⁵.

Значима для понимания глобализации и *социально-политическая концепция глобализма* А. С. Панарина. Глобализацию он определяет как процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров и становления новой, «беспротекционистской» системы международного взаимодействия и взаимозависимости⁵⁶. К числу бесспорных фактов в определении современного мира как глобального А. С. Панарин относит факт растущей взаимозависимости стран и народов, переплетение их историй, возрастание влияния внешних факторов на внутреннее национальное развитие, постепенное формирование единого экономического, информационного, научно-технического и иных пространств.

Сущность глобализации рассматривается и в *теории «постэкономического общества»* В.Л. Иноземцева. По его мнению, «современная глобализация представляется ... процессом преобразования региональных социально-экономических систем, уже достигших высокой степени взаимозависимости, в единую всемирную систему, развивающуюся на базе относительно унифицированных закономерностей,... глобализация представляет собой превращение ряда обособленных мирохозяйств в мировую экономику»⁵⁷.

Несмотря на различия, указанные теории и концепции имеют предметом своего рассмотрения сложный диалектический процесс становления целостности человеческого общества в рамках всех сфер общественной жизни.

Анализируя различные подходы к объяснению глобализации, можно выделить ее *сущностные черты*.

Во-первых, глобализация связывается с детерриториализацией, обусловленной становлением мирового информационного пространства. Так, Интернет дает возможность людям в режиме он-лайн наблюдать за событиями, происходящими в

⁵⁵ Бжезинский, З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.

⁵⁶ Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 20.

⁵⁷ Иноземцев, В. Л. Глобализация: иллюзии и реальность / В. Л. Иноземцев // Свободная мысль. – 2000. – № 1. – С. 84.

любой точке земного шара, и являться участниками этих событий. Территория в традиционном смысле географического места больше не является совокупностью «социального пространства», в котором осуществляется человеческая деятельность. Таким образом, глобализация означает распространение новых форм нетерриториальной социальной деятельности.

Во-вторых, глобализацию связывают с экономической интеграцией, т. е. образованием всемирного рынка финансов, товаров и услуг. Это приводит к тому, что национальные экономики становятся частью единой мировой экономической системы. Происходит выход деятельности национальных экономических субъектов за рамки национально-государственных объединений, т. е. формируются транснациональных корпораций.

В-третьих, глобализация связывается с ростом социальной взаимосвязанности через существующие географические и политические границы. События, происходящие в отдаленных местах, воздействуют на деятельность на местном и региональном уровне.

В-четвертых, глобализация связывается с ускорением социальной жизни, обусловленным применением скоростных технологий, изменением в нашем восприятии территории и темпоральности человеческих действий.

В-пятых, глобализация предстает как многосторонний процесс, поскольку детерриториализация, социальные взаимосвязи и ускорение проявляются во многих различных сферах социальной деятельности.

В-шестых, глобализационный процесс отличает спонтанность (самопроизвольность, самоорганизация), т. е. отсутствие внешнего источника в виде специального организатора, и хаотичность (неупорядоченность), а также неравномерность, что означает неравномерное социально-экономическое развитие различных частей глобализирующегося мира.

В-седьмых, глобализацию целесообразно понимать как относительно долгосрочный процесс, имеющий историю становления. Хронологически глобализация протекала сначала в территориально-географическом измерении, потом началась экономическая глобализация, затем политическая и технологически-информационная, что дало новый виток экономической и культурной глобализации, а также ярко высветило экологические, социальные, ценностно-онтологические и

личностные проблемы бытия человека и человечества, проблему управляемости и эффективного управления складывающимся новообразованием.

Важнейшими предпосылками глобализации явились: информационная революция, обеспечившая техническую базу для создания глобальных коммуникационных сетей; интернационализация капитала и ужесточение конкурентной борьбы на мировых рынках; дефицит природных ресурсов и обострение экологической ситуации в мире; демографические проблемы и хаотическая урбанизация; интенсивное развитие высоких технологий и антропологические риски постиндустриальной цивилизации.

Таким образом, *глобализация* представляет собой закономерный, объективно-исторический, системный процесс масштабной интеграции всего социального (государств, народов, сообществ, культур, ценностей, сфер общественной жизни), способствующий формированию мирового сообщества и целостной планетарной системы.

2. Противоречивость процесса глобализации: проблемы и перспективы.

Глобализация, характеризуя качественно иной уровень социального взаимодействия, представляет собой такую глубинную трансформацию, которая объемлет собой деятельность государств, этносов, индивидов. В разных странах и регионах вызываемые ею изменения могут иметь неодинаковую скорость протекания и интенсивность, а значит, могут приводить к различным последствиям. В связи с этим глобализация, несмотря на свойственные ей плюсы, обуславливает возникновение ряда проблем. В зависимости от конкретных целей и задач выделяются различные уровни проблем глобализации, которые делятся на глобальные, региональные, локальные, частные. Основанием деления выступает территориальная значимость проблем.

Проблемы глобализации могут быть условно разделены на две группы:

1) связанные с отношениями природы и общества, т. е. обусловленные противоречивостью взаимодействия природы и социума (угроза экологической катастрофы, минерально-сырьевой кризис, истощение сырьевых ресурсов, наступление энергетического кризиса),

2) обусловленные трансформацией сознания человека (проблема сохранения национального суверенитета и культурной идентичности, роста конфликтности мира и экстремизма и т.д.).

В условиях всеобщей взаимозависимости национальное государство сталкивается с принципиально новыми вызовами, главная особенность которых сводится к невозможности эффективного функционирования без учета интересов многочисленных глобальных акторов: других государств, транснациональных корпораций, региональных интеграционных образований.

Глобализация предполагает расширение мировых потоков материальных объектов и символов и, следовательно, распространение организаций и институтов глобального масштаба, которые структурируют эти потоки. Инструментом упорядочения современных трансконтинентальных процессов является глобальное управление, включающее наднациональные институты. С усилением наднациональных начал мировая система из анархической превращается в иерархическую. Однако усиление роли наднациональных институтов обуславливает делегирование государствами части своего суверенитета глобальным экономическим и политическим структурам. Национальное государство постепенно утрачивает позиции полноправного хозяина своего политико-экономического, этнического и культурного пространства, «в результате глобализационных процессов происходит размывание традиционного разграничения «полномочий» государства и бизнеса в вопросах обеспечения национальной безопасности с одной стороны и частной с другой, что приводит к формированию своеобразной «идеологии насилия», оправдывающей ослабление власти национальных государств и усиление глобальных институтов, договоров международной торговли»⁵⁸. Таким образом, одной из проблем глобализации является сохранение национального суверенитета. Вместе с тем, глобализация открывает новые возможности не только для сохранения государства, но и для его развития в обновленных формах, в том числе в обновленных формах суверенитета.

События последних десятилетий показывают, что возникновение транснациональной идентичности и даже транснационального гражданского

⁵⁸ Сидоренко, И.Н. Приватизация насилия в эпоху глобализации/ И.Н. Сидоренко// Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. – Минск, 2014. - С. 645.

общества не препятствует национальной идентичности, которая не только не ослабевает, но и усиливается. Рост сепаратизма в мире в искаженной форме показывает силу стремления к суверенной национальной государственности и к национальному государству и доказывает актуальность идеи суверенного государства. Таким образом, современные мировые процессы требуют не самоупражнения государства и сообщества государств, а новых траекторий функционирования государств, обеспечиваемых трансформацией форм присущего им суверенитета.

Следующая проблема – это глобализация культуры, которая имеет две стороны: 1) экспансия западной (в основном, американской) культуры в другие регионы мира; 2) имеет место феномен «обратной глобализации», в рамках которого люди перемещаются из менее развитых регионов мира (стран Ближнего Востока, Африки и Юго-Восточной Азии) в глобализированные города (Лондон, Париж, Франкфурт, Рим, Мадрид, Амстердам). При этом иммигранты несут с собой в новые места обитания свою культуру, создавая, таким образом, уникальную транскультурную среду («глокализация»). Отсюда, сохранение культурно-национальной идентичности – важнейшая проблема глобализации, с которой напрямую связана и проблема сохранения национальной идентичности. Степень устойчивости национальной культуры зависит от степени развитости духовных ценностей, от качества диалога с другими культурами. Глобализация, с одной стороны, уменьшает разрыв между этнокультурными идентичностями, а с другой, в некоторых аспектах этот разрыв увеличивает. Все это говорит о сложности процесса культурной глобализации – противоречивого и неоднозначного по своим последствиям.

Ряд других проблем (демографические проблемы, проблемы общественного здоровья, международные конфликты, международный терроризм и религиозный экстремизм) связан с неравномерностью процесса глобализации.

Преобладание свободного рынка квалифицированного труда в «центре» и несвободного рынка менее квалифицированного труда на «периферии» – фундаментальная характеристика капиталистической мировой экономики. Развитые страны Запада, использующие новейшие информационные технологии, не нуждаются в больших объемах рабочей силы. В то же время полупериферийные страны

располагают ею в избытке. Отсюда – острое противоречие между двумя целями: вхождения в глобальную систему и обеспечения занятости населения.

Наложение и взаимоусиление проблем и противоречий, порожденных эффектом одновременности процессов модернизации, нациостроительства и глобализации, превращают большинство стран «периферии» и «полупериферии» мира в экономических и политических аутсайдеров. Под прессингом глобальной экономической рационализации растет неэффективность национальных государств; усиливается всеобщая финансовая зависимость; резко сокращаются ресурсы для осуществления государственной социальной и экономической политики. Страны и народы бывшего третьего мира все более отстают от уровня развития развитых стран Запада, превращаясь в заложников глобальной системы. Это обуславливает дальнейшее обострение противоречий по оси Север–Юг. Протестное движение часто выливается в международные конфликты. Растет социальная база террористических и радикальных организаций, которые часто имеют антиглобалистскую направленность.

Неравномерность и противоречивость процесса глобализации обуславливает достаточно распространенное мнение (особенно у исламских авторов) о глобализации, как о новом варианте западной колонизации. Рост политического влияния исламского фундаментализма, тотально отвергающего западную модель политического развития, представляет существенную проблему современности.

Большинство авторов придерживаются точки зрения, что указанные выше проблемы глобализации обусловлены неэффективностью системы регулирования и надзора на национальном и глобальном уровнях, неравномерным распределением доходов, а также тем, что «периферии» отведена роль воспринимающей стороны и ее развитие зависит от возможности осваивать и адаптировать то, что ей передается мировым авангардом.

Глобализация вызвала целый комплекс проблем, связанных с изменением сознания человека, т. е. глобальный кризис обретает новую природу – антропологическую. К числу проблем, порожденных глобализацией, а точнее, информатизацией, следует отнести виртуализацию сознания. Компьютеризация повседневной жизни внедряет в обиход виртуальную реальность – компьютерные симуляции реальных вещей и поступков. Погружение в виртуальный мир

отгораживает от живой жизни, снижает эффективность сознания и провоцирует неадекватные действия. В целом, наблюдается отчуждение человека

Важной проблемой глобализации является ускорение темпа творческого разрушения: человек и общество не успевают адаптироваться к новым формам жизни. Новое не прорастает органично из существующего, но взрывает социум; новые идеалы и ценности не оппонируют традиционным, но вымарывают их из действительности⁵⁹. Вследствие этого инновации воспринимаются не как естественные, закономерные, а как катастрофические. С другой стороны, новые проблемы по инерции пытаются решать с помощью устаревших средств и концепций, что непродуктивно и порождает состояние безысходности. В результате этого социальное напряжение и катастрофы назревают в тех измерениях, где общество не привыкло их ждать. Так, например, белорусский философ Ч.С. Кирвель говорит о глобальном цивилизационном кризисе, вызванном изменением сознания человека⁶⁰.

Поэтому поиск путей решения проблем глобализации имеет огромное значение, поскольку определяет перспективы развития цивилизации.

Каковы же перспективы глобализации? Выделяют так называемые *базовые сценарии глобализации*, которые на стадии глобальной неопределенности реализуются одновременно и в различных регионах планеты.

1) *вестернизация*, в ходе которой происходит культурная ассимиляция Западом оставшихся немодернизированных территорий и становление глобальной цивилизации с гомогенизированной культурой. При таком сценарии развития событий торжество либеральных и демократических ценностей цивилизации «центра» ведет к формированию глобальной цивилизации на основе базовых и универсальных норм Запада с терпимостью и открытостью к другим «невраждебным» культурам.

Дальнейшее развитие и практическую реализацию этот сценарий получил в виде доктрины (так называемого вашингтонского консенсуса 1992 г.), неформально принятой ведущими капиталистическими странами и последовательно проводимой в

⁵⁹ Титаренко, Л.Г. Влияние глобализационных и интеграционных факторов на трансформацию социокультурных ценностей и национальной идентичности белорусов/ Л.Г. Титаренко// Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы/ С.В. Лапина [и др.]; под ред. С.В. Лапиной. – Брест: Брестский государственный технический университет. – 2007. – С.105-111.

⁶⁰ Кирвель, Ч.С. Глобализирующийся человек: от «удобства управления» к антропологическому мегакризису/ Ч.С. Кирвель// Проблемы управления. - 2009. - N 4. - С. 65-80.

жизнь ВБ и МВФ. Основные принципы данной доктрины таковы: либерализация торговли; финансовая либерализация; приватизация; устранение барьеров для прямых иностранных инвестиций; обеспечение прав собственности; унифицированные и конкурентные курсы обмена валют; сокращение государственных расходов (финансовая дисциплина); переключение государственных расходов на первоочередные нужды здравоохранения, образования и развития инфраструктуры; налоговая реформа, направленная на расширение налоговой базы, уменьшение предельных ставок налогообложения и установление менее прогрессивной шкалы налогообложения; гибкость рынка труда.

Однако практика применения неолиберальных принципов к развитию национальных экономик в 1980-1990-е гг. наглядно продемонстрировала, что данные методы не могут гарантировать от серьезных национальных и международных кризисов. В целом, данный сценарий глобализации выгоден почти исключительно элитарным группам стран «золотого миллиарда».

2) *фрагментаризация*, которая предполагает формирование и укрепление блоков и союзов национальных государств в виде сложных иерархических систем, которые поведут борьбу за ресурсы, при этом фрагментация политической карты мира как процесс образования новых национальных государств продолжится. Бывшие глобальные рынки будут разделены между этими группировками в ходе локальных войн, которые ООН неспособна предотвратить и купировать.

Данный сценарий глобализации наиболее полно и последовательно изложен в С. Хантингтоном, который указывал, что тенденция к глобализации мира заменяется контртенденцией разлома глобальной цивилизации в результате конфронтации цивилизационных «очагов» в борьбе за выживание этносов.

3) локализация предполагает консолидацию этнических и цивилизационных образований на основе фундаменталистских идеологий, вдохновляющих политику культурной изоляции как суррогатной формы социальной и культурной нетерпимости, что делает невозможным формирование глобальной цивилизации, поскольку в экономике будут доминировать тенденции восстановления традиционных способов ведения хозяйства, в том числе и под флагом защиты окружающей среды и необходимости экономии природных ресурсов. Сосуществование широкого спектра коллективистских идентичностей (трайбализм,

фундаментализм, национализм, фашизм, социализм, коммунизм, коммунитаризм, феминизм, экологизм), отличающихся друг от друга степенью радикализма, заведомо порождает ситуацию культурного плюрализма, постоянно нарушаемую притязаниями на исключительность отдельных форм социальной идентификации, т. е. войнами.

В сфере культуры реализуется мегатенденция изоляции, обусловленная стремлением к самосохранению различных культурных ареалов с их партикуляристскими системами ценностей.

4) *глокализация* предполагает сочетание процессов модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации, что происходит в результате культурной гибридизации, т. е. конструктивного сотрудничества и взаимообогащения культур в рамках культурных регионов. Данные процессы возможны при условии институционализации сетевых форм самоорганизации и межкультурной коммуникации, что в свою очередь ведет к изменению социальной стратификации мира и формированию новых культурных регионов. При этом функция регулирования развития глобальной цивилизации отведена институтам глобального гражданского общества.

На вопрос о том, каковы перспективы процесса глобализации, российский историк и политолог А.И. Уткин ответил так⁶¹: глобализация будет осуществлена лишь при двух условиях. Во-первых, мировое сообщество должно пожертвовать своими отраслями производства в пользу наиболее эффективных стран. Во-вторых, высокооплачиваемые трудящиеся в развитых странах должны допустить на свои рынки товары из стран, где рабочая сила гораздо дешевле и где экспортерам помогают местные государственные структуры. При этом, с точки зрения А.И. Уткина, глобализация может затормозиться, если ее жертвой станет Россия, Китай или Япония. Именно эти три страны находятся «в зоне социальной и экономической турбулентности».

Исходя из основных принципов и идей синергетики, можно заключить, что сейчас мир находится в точке бифуркации. Каким путем пойдет развитие цивилизации, покажет время. Однако для того, чтобы у человечества было будущее, глобализация должна стать скоординированной и управляемой.

⁶¹Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М.: Логос, 2001. – 254 с.

3. Медикализация.

Одним из «ведущих» социальных процессов в современном обществе является медикализация. *Медикализация* современного общества в широком смысле может рассматриваться как усиление роли и значения медицинского знания в социуме, своеобразный переход медико-биологического знания из статуса профессионального в статус общественнозначимого. Если рассматривать медикализацию в контексте влияния на мировосприятие индивидов (общественных групп) можно говорить о неосознанном переносе обществом решения собственно социальных проблем на уровень профессиональной медицины. По сути, медицинское знание и практика в современном мире приобретают несвойственные им функции социального контроля, оценки, продуцирования смыслов и ценностей, тиражирования и трансляции профессиональной терминологии в обыденный язык, навешивания «ярлыков» (стигматизации) и т.д.

Медицина в широком смысле, равно как и ее представители, на сегодня не готовы к «всеобщей» медикализации общества. Стремление опираться на узко профессиональные паттерны поведения, веками «работающие» ценности медицинской этики и деонтологии, не привнося в практику новых способов и вариантов коммуникации, не ориентируясь на междисциплинарность, – все это проявление боязни медикализации и неявных желаний практической медицины остаться в прежнем статусе «закрытого» профессионального сообщества. Австрийский философ И. Иллич, осмысляя феномен медикализации, пишет о ней как о «примере контрпродуктивности медицины, усиления ее инструментального и технического могущества, с одной стороны, и противостояния личностному росту человека – с другой»⁶².

Усиление роли медицинского (и медико-биологического) знания в обществе формирует в социуме новые ценности, необходимые для дальнейшего развития, ставит новые цели, тесно связанные с научным прогрессом, требует личностного осмысления этических дилемм и постоянного получения новых знаний.

О современной значимости медицины и биологии в жизни общества и свидетельствуют сформулированные на саммите ООН в 2015 г. цели устойчивого

⁶² Иллич, И. Пределы медицины или Медицинская Немезида (отрывки из книги). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pubhealth.spb.ru/Illich/index.htm>

развития (на период до 2030 г). Все государства-члены ООН на саммите согласились с положением, что здоровье человека в динамике общественного развития занимает центральное место. В принятых целях и задачах постулируется особое внимание к проблеме здорового образа жизни населения планеты; практически все 17 целей устойчивого развития напрямую связаны с вопросами здоровья и благополучия индивида, значимо влияют на формирование политики здравоохранения в современном мире.

Еще одно проявление медиализации общества – необходимость и реалии широкого общественного обсуждения биоэтических проблем. Речь идет об этических вопросах, связанных с новейшими достижениями медицины и биологии – генетическими исследованиями, репродуктивными технологиями, перспективами и возможностями продления человеческой жизни, терапевтическими возможностями трансплантологии, перспективами клонирования, различными вариантами инхэнсмента и т.д. Современный человек не просто становится «пользователем» этих новых технологий, но, в определенном смысле и их «создателем», поскольку общественное обсуждение границ, возможностей и рисков применения новейших научных достижений в этих областях становится не только возможным, но необходимым. Вмешательство в природу, изменение человека, формирование нового статуса индивида – это вопросы, которые сегодня должен решать каждый человек, социум в целом, а далеко не только представители медицинского и биологического знания.

Таким образом, процессы медиализации общества, с одной стороны, вполне естественны и оправданы развитием медицинской и биологической науки, направленной на улучшение человека и его качества жизни, а также глобальной установкой на понимание прогресса в контексте благополучия (в т.ч. здоровья) человека. С другой стороны, рост значимости медицины в социуме, проявляется и в неоднозначных феноменах, которые можно рассматривать двояко – как с точки зрения позитивных, так и негативных коннотаций.

Одно из характерных проявлений медиализации – формирование новых общественных и личностных ценностей (здоровый образ жизни, качество жизни, культ молодости духа и тела, ковид-диссидентство и пр.). Так, осмысление ценностей, связанных с культом физического и психического здоровья индивидуума,

уже давно вышло за пределы собственно медицинского знания и развивается в рамках гуманитаристики, активно транслируется средствами массовой информации и коммуникации. Безусловно, сами по себе ценности здорового образа жизни позитивны для человека, поскольку актуализируют проблемы улучшения качества человеческого существования, возможности продления активной жизни и т.д. Однако преувеличение и гиперболизация их порождает в социуме культ телесности и, как следствие, – утопические ожидания вечной молодости, а в перспективе – вечной жизни. Медицина выступает в данном случае и генератором ценностных предпочтений личности и общества, и, одновременно, средством их реализации (в частности, через разрабатываемые медициной профилактические практики, а также через фармацевтику, пластическую хирургию, косметологию, манипуляции со стволовыми клетками, генетические технологии, трансплантологию и т.д.).

Сплетение «сетевых» процессов медиализации и потребления в современном обществе формирует новое отношение к проблеме здоровья индивида: здоровье приобретает статус традиционного товара в обществе потребления. Этот товар широко рекламируется – как посредством позитивных призывов и обещаний (улучшение качества жизни, омоложение, снятие болевого синдрома, «сила двух сердец» и т.д.), так и через негативные коннотации (запугивание людей «страшилками» для увеличения продаж лекарств, средств гигиены, вакцин, приборов и т. д.). Как результат – по экспоненте растут расходы социума (и личности) на лечение и профилактику, человек попадает в своеобразную зависимость от медицинских услуг, фармацевтических компаний и производителей. Так, повышенный спрос на лекарственные средства и медицинские товары со стороны потребителей, с одной стороны, продуцирует отрицательные явления в производстве и продаже фармпрепаратов (например, сокращение испытательных сроков и упрощение испытательных процедур). А с другой – порождает коммерческую необходимость манипуляции сознанием потребителей (через широкую рекламную кампанию, прессинг врачей, внушение «диагнозов» и т. п.), что позволяет формировать финансовую зависимость индивидуумов от медицинских товаров и услуг.

Еще одно яркое проявление медиализации общества – экспликация «новых» болезней, которые в социуме приобретают значимость социальных недугов, а порой

воспринимаются и как пандемии. Интересно, что современная медицина при объяснении феномена распространения таких болезней до уровня «общественных катаклизмов» зачастую использует термин «неболезни». Для врачебной практики эти «неболезни» не являются открытием, однако реальные клинические случаи их достаточно специфичны и не имеют тотального распространения. В качестве примера «неболезней» можно назвать целлюлит, синдром хронической усталости, синдром эмоционального выгорания, климактеральный синдром, детскую гиперактивность и т.д. По сути, не врач, сталкиваясь с конкретным заболеванием, а социальные силы через свои механизмы (властные структуры, СМИ и т.д.) обозначают новую болезнь, «диагностируют» ее, а затем массово тиражируют вновь сформированные предрассудки, способы «лечения», профилактики порожденных заболеваний и синдромов. Результатом становится массовая паника, перерастающая в массовый психоз по поводу возможности заражения/приобретения заболевания, тщательные поиски и «самодиагностирование» модных болезней и, как следствие, самолечение, в том числе с использованием большого количества сомнительных фармпрепаратов.

Специфическое социальное следствие медиализации (в слиянии с процессами информатизации) – всеобщая медицинская «грамотность». Современная доступность медицинской информации и терминологии, обсуждение на форумах способов и технологий лечения, приоритет пациента в выборе врача и методов лечения в совокупности с отсутствием базовых знаний о человеческом организме, а также «ненавязчивой» рекламой и данью моде приводит к формированию у пациентов опасного мифа о наличии у него медицинских знаний и возможности самодиагностики. Распространение профессиональных медицинских знаний среди широких слоев населения в современном социуме порождает риски, связанные с «самолечением», неконтрольным приемом пациентами лекарственных средств, а также приводит к эскалации конфликтов между врачом и пациентом вследствие скептического отношения пациента к профессиональным компетенциям врача.

Итак, медиализация порождает ряд значимых изменений общественного сознания, которые могут квалифицироваться как реальные риски (угрозы) современному цивилизационному развитию. Во-первых, медиализация заключает человека в пространство медицины, рассматривая его самость через психофизиологические характеристики вида (от формирования эмбриона до момента

констатации смерти). Во-вторых, медикализация превращает здоровье и саму жизнь в товар, транслируя ценности общества потребления. В процессе медикализации вырабатываются и реализуются способы стимулирования общества потребления на новые покупки, вложения, формирование новых потребностей и привязанностей. В-третьих, медикализация разрушает систему профессиональной медицины через недоверие к компетенциям врача, самодиагностику, самолечение. Наконец, в четвертых, медикализация передает в руки медицины решение социальных проблем. Главные вопросы общества формулируются в контексте медицинского дискурса, возможные способы их решений реализуются либо через применение методов лечения и профилактики, либо через исполнение медициной «карательных» функций, профессионально ей не свойственных.

Таким образом, медикализация общества может рассматриваться как естественный процесс в рамках более широкого – глобализации, однако этот процесс проявляется не только и не столько в положительных тенденциях развития человека и общества, сколько в негативной установке придания медицине и медицинскому знанию чрезмерного расширения и несвойственных функций.

Литература по курсу «Философия и методология науки»

1. Агацци, Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци. – М., 1998.
2. Аналитическая философия: Становление и развитие (антология): пер.с англ., нем./ред.: Грязнов А.Ф. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
3. Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – М.; СПб., 2000.
4. Безопасность пациента / пер. с англ. под ред. Е. Л. Никонова. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
5. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000.
6. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М., 2001.
7. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999.
8. Беялетдинов, Р.Р. Человек трансгуманистического периода: новые концепции человека в эпоху биотехнологий: под ред. Д.И. Дубровского /Р.Р. Беялетдинов// Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. - М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 228–236.
9. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
10. Берков, В.Ф. Методология науки. Общие вопросы: учеб. пособие / В.Ф. Берков. – Минск, 2009.
11. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М., 1956.
12. Биомедицинская этика: Практикум /Под общ. ред. С.Д. Денисова, Я.С. Яскевич – Мн.: БГМУ, 2011.
13. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб., 2001.
14. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. / И. Валлерстайн. – М., 2003.
15. Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.

16. Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека// Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры – Paris, UNESCO. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.coe.int>
17. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.
18. Гайденко, П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. – М., 2000.
19. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: пер. с англ. и фр. / сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева; ввод. ст. Ю. А. Шрейдера; [ред. В. М. Леонтьев]. – Москва: Прогресс, 1990.
20. Глэд Д. Евгеника двадцать первого века. Будущая эволюция человека. — М.: Захаров, 2005.
21. Глядко́в, В.А. Философское сознание / В.А. Глядко́в. – М., 1996.
22. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / рук. авт. кол., авт. предисл. и послесл. М.С. Горбачев. М.: Альпина Паблишер, 2003.
23. Губин, В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной философии / В.Д.Губин. – М., 1998.
24. Гуревич, П.С. Философская антропология / П.С. Гуревич. – М., 1997.
25. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск, 1994.
26. Деррида, Ж. О грамматики / Ж. Деррида. – М., 2000.
27. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб., 2000.
28. Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М., 1987.
29. Добронравова, И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления / И.С. Добронравова. – Киев, 1990.
30. Доброхотов, А.Л. Категория бытия в классической и западноевропейской философии / А.Л. Доброхотов. – М., 1986.
31. Дубровский, В.И. Концепции пространства и времени / В.И. Дубровский. – М., 1991.
32. Западная философия: итоги тысячелетия: антология. – М., 1997.
33. Зотов, А.Ф. Современная западная философия / А.Ф. Зотов. – М., 2001.
34. Иванов, А.В. Сознание и мышление / А.В. Иванов. – М., 1994.

35. Иванюшкин, А.Я., Попова, О.В. Проблема смерти мозга в дискурсе биоэтики / А.Я. Иванюшкин, О.В. Попова // Ин-т философии Рос. Акад. наук. – М.: Nota Bene. - 2013.
36. Ивин, А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – Москва; Берлин. – 2015.
37. Ильенков, Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М., 1991.
38. Йоханссон И., Лине Н. Медицина и философия (Введение в XXI столетие): учеб. пособие/пер. с англ., под ред. А.Г. Чучалина. – М.: Атмосфера; Вече, 2019. (Библиотека биоэтики.)
39. История философии: учебник / под ред. Ч.С. Кирвеля. – Минск, 2001.
40. История философии: Запад – Россия – Восток: в 4 кн. – М., 1999. – Кн.4: Философия XX века.
41. Камю, А. Творчество и свобода / А. Камю. – М., 1990.
42. Канке, В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М.: Логос, 2000.
43. Капица, С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – М., 1997.
44. Капра, Ф. Дао физики / Ф. Капра. – СПб., 1994.
45. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
46. Конструкции времени в естествознании. – М.: Изд. МГУ, 1996.
47. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1975.
48. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М., 1995.
49. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М., 1985.
50. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск, 1996.
51. Лиотар, Ж.-Ф. Ситуация постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998.
52. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М., 1992.
53. Лукашевич, В.К. Анатомия научного метода / В.К. Лукашевич. – Минск, 1999.

54. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М., 1992.
55. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания / Е.А. Мамчур – М., 1987.
56. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм. – М., 1993.
57. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 1994.
58. Мишаткина, Т.В., Денисов, С.Д., Яскевич, Я.С. Биомедицинская этика / Мишаткина Т.В., Денисов С.Д., Яскевич Я.С. – Минск: МГЭУ им. А.Д. Сахарова. – 2008.
59. Моисеев, Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М., 1990.
60. Момджян, К.Х. Введение в социальную философию / К.Х. Момджян. – М., 1997.
61. Наука в системе социальных ценностей. – М., 1995.
62. Научные революции в динамике культуры. – Мн., 1987.
63. Никифоров А.Л. Уильям Хьюэлл и современная философия науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. – 2019. – №1. – С. 21-24. – Электрон. копия доступна в науч. электрон. б-ке КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uilyam-hyuell-i-sovremennaya-filosofiya-nauki>
64. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М., 1995.
65. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999.
66. Новая технократическая волна на Западе: Сб. ст.: Переводы / сост. и вступ, ст. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986.
67. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001–2002.
68. Обеспечение прав человека в сфере трансплантации органов и тканей / С.М. Ананич [и др.]; под общей ред. Н.С. Анцух. – Минск: Экоперспектива, 2020.
69. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1991.
70. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М., 2000.
71. Подорога, В.А. Феноменология тела / В.А. Подорога. – М., 1995.
72. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М., 1993.

73. Поттер, В.Р. Биоэтика. Мост в будущее. / В.Р. Поттер - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-1986600-p5.html>
74. Прайс, Д. Малая наука, большая наука / Д. Прайс // Наука о науке. – М., 1966.
75. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 2001.
76. Райл, Г. Понятие сознания / Г. Райл. – М., 2000.
77. Рассел, Б. Человеческое познание. Его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев, 1997.
78. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М., 1995.
79. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М., 1998.
80. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1990. – с.319 - 344
81. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М., 1992.
82. Стёпин, В.С. Основы философии науки. – М., 2004.
83. Стёпин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Стёпин. – М., 2000.
84. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М., 1987.
85. Тойнби, А. Дж. Цивилизации перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М., 1995.
86. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М., 2002.
87. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М., 1986.
88. Феномен человека: антология. – М., 1993.
89. Философия XX века: школы и концепции. – СПб., 2003.
90. Философия и методология науки: учебное пособие для аспирантов и магистрантов / А. И. Зеленков [и др.]; Белорусский государственный университет, Факультет философии и социальных наук, Кафедра философии и методологии науки. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. (Переиздание 2020 г.)
91. Философия и методология науки: учебное пособие для студентов второй ступени (магистратура) учреждений высшего образования / Ч. С. Кирвель [и др.]; ред. Ч. С. Кирвель. – Минск: Вышэйшая школа, 2018.

92. Философия и методология науки: хрестоматия: учеб. пособие / сост.: П.А. Водопьянов, П.М. Бурак. - Минск: Беларуская навука, 2014.
93. Философия истории: антология. – М., 1995.
94. Философские проблемы физики элементарных частиц. - М., 1995.
95. Философский энциклопедический словарь. – М., 1994.
96. Франк, С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк // Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М., 1992.
97. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М., 1990.
98. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб., 1994.
99. Фукуяма, Ф. Конец истории / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3.
100. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.
101. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб., 2000.
102. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М., 2003.
103. Хайдеггер, М. Наука и осмысление / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. – М., 1993.
104. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., 2003.
105. Хейзинга, Й. Человек играющий / Й. Хейзинга. – М., 1991.
106. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – СПб., 1997.
107. Человек. Наука. Цивилизация: к 70-летию акад. В.С. Степина. – М.: КАНОН, 2004.
108. Шамов И.А. Биомедицинская этика: учебник / И.А. Шамов. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2014.
109. Швырев, В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы / В.С. Швырев. – М., 1988.
110. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М., 1993.

111. Щедровицкий, Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – М., 1997.
112. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Сочинения: в 28 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1995. – Т.21.
113. Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: сб. ст. и коммент.: пер.с англ./ред.: Иезекииль Дж. Эмануэль [и др.] – М.: Практ.медицина, 2013.
114. Юдин, Б.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Б.Г. Юдин. – М., 1997.
115. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг. – М., 1991.
116. Яковлев, В.А. Инновации в науке / В.А. Яковлев. – М., 1997.
117. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1994.

Учебное издание

Сокольчик Валерия Николаевна

Сидоренко Ирина Николаевна

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ. ВВЕДЕНИЕ
(лекции)

Учебно-методическое пособи

В авторской редакции

Подписано в печать 29.12.2021. Формат 60x84/16. Бумага «Discovery».

Печать ризография. Гарнитура «Times New Roman».

Печ. л. 14,38. Уч.- изд. л. 10,95. Тираж 120 экз. Заказ 34.

Издатель и полиграфическое исполнение –
государственное учреждение образования «Белорусская медицинская академия
последипломного образования».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/136 от 08.01.2014.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1275 от 23.05.2016.

220013, г. Минск, ул. П. Бровки, 3, кор.3.

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Кафедра общественного здоровья и здравоохранения

В.Н. Сокольчик, И.Н. Сидоренко

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ. ВВЕДЕНИЕ

Минск, БелМАПО

2022

